

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Балин Максим Анатольевич

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ КАК АКТОР ПОЛИТИКИ
ВНУТРЕННЕЙ КОЛОНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СТЕПНОМ КРАЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА
XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки)

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор ист. наук, профессор
Чуркин Михаил Константинович

Омск – 2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Статус и функции Русской православной церкви в колониационном процессе в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX вв.	
1.1. Русская православная церковь как инструмент внутренней колонизации окраин России в рецепции имперской власти.....	61
1.2. Русская православная церковь как актор политики внутренней колонизации Западной Сибири и Степного края в дискурсе светской периодической печати и публицистики.....	84
1.3. Представления о колониационных задачах Русской православной церкви в Западной Сибири и Степном крае в репрезентации официальных церковных изданий.....	113
Глава 2. Русская православная церковь в имперских практиках политики внутренней колонизации в Западной Сибири и Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв.	
2.1. «Миссионерское дело» Русской православной церкви в Западной Сибири и Степном крае в контексте инородческой политики Российской империи.....	144
2.2. Признанные «терпимые» и непризнанные религиозные сообщества Западной Сибири и Степного края в сфере идеологии и деятельности Русской православной церкви.....	172
2.3. Русская православная церковь в коммуникативном пространстве аграрной колонизации Западной Сибири и Степного края.....	200
Заключение.....	236
Список использованных источников и литературы...	244

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Рефлексия имперского опыта внутренней колонизации восточных окраин, в том числе активно вовлекаемых во второй половине XIX – начале XX вв. в аграрно-земледельческое освоение территорий Западной Сибири и Степного края при участии широкого круга акторов, представляется актуальной в научном и общественном отношении.

Заявленная в работе проблематика соотносится с вызовами «новой исторической науки» и исключает подход к колонизации как фактору российского исторического процесса лишь только с позиций хозяйственно-экономического освоения территорий, инкорпорируемых в общеимперское поле. Этноконфессиональное разнообразие и мультикультурная гетерогенность колонизируемых пространств Зауралья, ставит исследователя перед задачами расшифровки алгоритмов политической регламентации колонизационного процесса, а также практик управления в различных сферах, в том числе и религиозной. Важно учитывать, что продвижение России вглубь азиатской периферии, сопровождалось конструированием в общественно-политическом дискурсе представлений о зауральских территориях как о «собственном Востоке России», а понимание административно-территориальной конфигурации освоенного и присвоенного пространства рассматривалось в границах категории: «внутренние» губернии империи. В смысловых параметрах «воображения» империей азиатской окраины, складывалось особое видение новых подданных – как субалтернов (покорённых) Российского государства, что предопределило характер и содержание процессов колониального управления в Западной Сибири и Степном крае, ориентированного не только на решение очевидных экономических задач, но и идеологических, являвшихся частью «политики

населения», в которой особая миссия была возложена на Русскую православную церковь, как один из инструментов социокультурной экспансии «центра».

В научном аспекте представляется существенным решение широкого круга вопросов, связанных с адаптацией конфессионального законодательства Российской империи к региональным условиям, разработкой государственной религиозной политики в отношении конфессий и локальных религиозных сообществ, осуществлением практик христианизации индигенных народов Зауралья с рельефной тенденцией русификации иноэтничных и иноконфессиональных групп, что ставило Русскую православную церковь в ситуацию реально действующего и отчасти самостоятельного актора колонизации.

В общественном плане, актуальным видится ретроспективный опыт осмысления статуса, функций и практик Русской православной церкви в ситуации кризиса её влияния на паству в определённых фазах общественного развития. В пореформенную эпоху, снижение авторитета церкви в российском социуме во многом было амортизировано включением РПЦ в колонизационное дело на восточных окраинах империи, расширением миссионерской политики и практик коммуникации со всеми группами населения Зауралья, с учётом их этнического и конфессионального своеобразия. Таким образом, конкретный исторический опыт организации взаимодействия государства, церкви и общества, объединённых общими задачами, может служить эффективной моделью коллаборации означенных структур в современных условиях.

Степень изученности темы. Вопрос, связанный с выявлением статуса и функций Русской православной церкви, а также её позиционированием в качестве самостоятельного актора политики внутренней колонизации Российской империи в Западной Сибири и Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв., не был включен в предметное поле историографической традиции и долгое время

располагался вне пределов исследовательской «оптики» отечественной истории и сибиреведения.

В виду новизны заявленной проблемы и значительного количества трудов, посвящённых истории РПЦ, полагаем, что традиционно-трафаретный принцип классификации историографии темы по хронологическому принципу (дореволюционный, советский, российский периоды) является контрпродуктивным и должен уступить место проблемному подходу в масштабировании историографического пространства исследования.

Полагаем целесообразным сгруппировать тематический спектр исследовательской традиции, ориентируясь на постановку и обсуждение специалистами общих вопросов взаимодействия церкви, государства и общества в Синодальный период (1700-1917 гг.), оценки представлений имперской власти о статусе и функциях церкви в колониационном деле и дискурса Русской православной церкви, характеристики деятельности православного миссионерства на восточных окраинах Российской империи, осмысления содержания, форм и методов конфессиональной политики в условиях продвижения русской оседлости в пределы Азиатской России, а также практик взаимодействия с паствой в обстоятельствах аграрной колонизации Западной Сибири и Степного края.

К первой группе исследований, репрезентировавших представления учёных об особой роли Русской православной церкви в отечественной истории и масштабах её деятельности в обстоятельствах внутренней колонизации имперских окраин, мы относим работы обобщающего характера, в которых фиксируются механизмы организации церковного пространства в России, особенности взаимоотношений церкви с государством и российскими подданными, факторы влияния РПЦ на разработку основ религиозной политики, как в имперском центре, так и на окраинах страны.

Методологический базис исследования Русской православной церкви, в том числе в связи с проблемой организации деятельности церковного института в

условиях российской периферии был заложен профессором П.В. Знаменским в конце XIX – начале XX вв. Одним из важных для настоящей работы сюжетов, включенных П.В. Знаменским в канву своего исследования, стали события, связанные с практиками распространения православия среди католиков и протестантов в Западном крае, преодолением прецедентов религиозного вольнодумства в пастве, опытом организации церковно-приходского образования народа, методами коммуникации РПЦ и её представителей с иноверными и инославными сообществами в границах Российской империи¹.

Среди сонма классических сочинений², написанных и изданных в продолжительный временной отрезок второй половины XIX – XX вв., выделяются работы историков, общественно-политических и церковных деятелей русского зарубежья. Ценность их трудов определяется не только стремлением объяснить природу феномена «большевистского шабаша», в казалось бы вечно православной Российской империи, но и попыткой отстранённого переосмысления «биографии» Русской православной церкви как инструмента имперской политики на протяжении всей её истории, в том числе и последнего пятидесятилетия синодального периода.

Значительную пищу для размышлений и структурирования диссертации дал факторный подход к интерпретации исторического материала, представленный в трудах П.Н. Милюкова. В его исторической концепции, развитие форм национальной жизни России определялось приоритетным влиянием государственного начала, а культурная эволюция зависела от покровительственной политики государства³. Основными явлениями русской

¹Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. Казань: Университетская типография, 1876. 482 с.; Он же. История Русской Церкви. Сергиев Посад, 2006. 87 с.

² См. об этом: Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М.: Тип. Л.Ф. Снегирёва, 1886-1893. 326 с.; Голубинский Е. Е. История русской церкви. М.: Тип. Э. Лиснер и Ю. Роман, 1880-1911; Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX веке. СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1901. 232 с.; Верховский П.В. Очерки по истории русской церкви в XVIII и XIX ст.: Вып. 1. Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1912. 148 с. и др.

³ Вандалковская М.Г. Милюков Павел Николаевич // Историки России. Биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С.367.

духовной культуры Милюков считал церковь и школу, маркируя их как чувства и мысли русского общества, подчёркивая при этом, что религия не является национально-формирующим фактором⁴. В разделе своей монографии, посвящённой судьбам господствующей церкви, П.Н. Милюков выдвинул ряд тезисов, которые были учтены и творчески переосмыслены в настоящей работе: о церковном расколе, инспирировавшем, по мнению историка, социальный раскол в русском обществе постпетровской России⁵; о постоянном и динамичном снижении политической роли Русской Православной Церкви в национальной жизни и своеобразии религиозно-политического союза Церкви и государства, «санкционировавшего самобытную русскую власть и ставившего её под охрану самобытной национальной святыни»⁶; об обрядово-формальной религиозности русского народа, ставшей основанием для развития религиозного индифферентизма и массовых уклонений в старообрядчество и сектантство⁷.

Из трудов школы историков РПЦ, созданных усилиями отечественной эмиграции и оказавших влияние на разработку заявленной в диссертации проблемы, необходимо отметить исследования 1950-х – 1960-х гг. Н.Д. Тальберга⁸ и И.К. Смолича⁹, в которых авторы подвергли детальному разбору сюжеты, связанные с организацией церковной деятельности и религиозного состояния русского общества в поздний синодальный период (вторая половина XIX – начало XX вв.).

Так, в работе Н.Д. Тальберга детально описано состояние русской религиозности пореформенного времени, которое автор охарактеризовал как «порчу духовную», захватившую определённые круги русской интеллигенции, и

⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т.2. Ч.1. Церковь. Религия. Литература. М.: «Прогресс-Культура», 1994. С.15.

⁵ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т.2. Ч.1. Церковь. Религия. Литература...С.159-164.

⁶ Там же. С.165-166.

⁷ Милюков П.Н. Указ. соч.. С.25-28.

⁸ Тальберг Н.Д. История Русской Церкви. Jordanville: Типография преп. Иова Почаевского. Свято-Троицкий монастырь, 1959. 928 с.

⁹ Смолич И.К. История Русской церкви. [Кн. 8]. Ч. 1: 1700-1917. М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. Монастыря, 1996. 798 с.

только здоровые силы церкви в союзе с народной литературой и школой продолжали бороться с остатками суеверий, державшимися в отдельных местах¹⁰. Размышления Тальберга о расширявшемся в социуме религиозном равнодушии, заставило его предметно сосредоточиться на вопросах миссионерской деятельности РПЦ в центре империи и на окраинах (Западная Сибирь и Степной край), сделав ряд важных выводов относительно практик воцерковления индигенных народов, поддержания авторитета священнослужителей среди православной паствы и преодоления сектантского влияния на неё¹¹. Исследователь представил важные сведения об учреждении Алтайской, Обдорской, Тобольской, Киргизской миссий и их руководителях, образе жизни и маршрутах путешествий миссионеров как части колонизационной работы церкви на восточных окраинах страны¹².

В сочинении И.К. Смолича, на основании детальной разработки статистических сведений были подвергнуты сомнению правительственные данные о конфессиональном составе населения Российской империи. В частности, что является знаменательным с точки зрения раскрытия масштабов и форм участия Русской православной церкви в колонизационном деле, констатируется ненадёжность статистической информации о количестве приверженцев православия в России. Согласно исчислениям И.К. Смолича, из практически 100 млн. православных, фиксируемых статистикой, следует вычесть 15 млн. старообрядцев и сектантов, реальное число которых не поддается подсчётам в силу постоянного территориального роста страны и миграционной подвижности населения¹³. И.К. Смолич подчеркнул, что новые территориальные приобретения в Азии, подвели церковь к необходимости миссионерской деятельности среди язычников и мусульман, однако, оговаривал, что в качестве

¹⁰ Тальберг Н.Д. Указ. соч. С.830.

¹¹ Там же. С.840-844.

¹² Тальберг Н.Д. Указ соч. С.825-831.

¹³ Смолич И.К. Указ. соч. С.158

опорных пунктов для такой работы на этом огромном пространстве могли служить лишь немногочисленные, далеко отстоявшие друг от друга поселения православного люда¹⁴.

В отличие от исследователей эмиграции, сумевших консолидироваться в научное сообщество, отечественная историография РПЦ, особенно в аспекте создания масштабных обобщающих трудов, после 1917 г. погрузилась в затяжной кризис. Тотальное доминирование марксистской идеологии формировало отношение к церкви как институту реакции, а любые проявления её деятельности расценивались резко негативно, что предопределило «дрейф» исследовательской активности учёных от научной рефлексии истории Русской православной церкви к агитационно-пропагандистским штампам в её характеристике¹⁵.

Тем не менее в рамках ранней марксистской методологии, унаследовавшей дух и практики позитивистской традиции историописания, предпринимались редкие попытки конструирования исторического опыта РПЦ с новых, классовых позиций.

Так, в сочинении Н.М. Никольского (от крещения Руси до 1917 г.)¹⁶, история Русской православной церкви в XIX в. представлена в аспекте широкого распространения и влияния в православной среде сектантства и старообрядчества, рассматриваемых автором в качестве источника формирования эксплуататорских классов – купечества и буржуазии. В то же время, за идеологическим флёром и оценочно-политическими рассуждениями историка, можно разглядеть детальные описания внутренней духовной организации сообществ религиозных диссидентов, системности имперской конфессиональной политики в плане акцентировано-критического определения сектантской деятельности, как противоправославной и антигосударственной, что во многом было связано с

¹⁴Там же.

¹⁵ См. например: Грекулов Е. Ф. Нравы русского духовенства. М.: Атеист, 1929. 39 с.; Он же. Русская церковь в роли помещика и капиталиста. М., 1930. 153 с.; Дмитриев А.Д. Церковь и идея самодержавия в России. М., 1931. 231 с.; Он же. Церковь и крестьянство на Руси. М., 1931. 63 с.

¹⁶ Никольский Н.М. История русской церкви. М.-Л.: ОГИЗ, 1930. 248 с.

изменением позиции большевиков в отношении неортодоксальных сект, переставших играть роль их политических «попутчиков» в конце 1920-х – начале 1930-х гг.¹⁷. Одним из ключевых вопросов труда Н.М. Никольского, корреспондирующего с темой исследования, стала тема кризиса «государственной церкви», критическое положение которой проявилось в её экономической базе, сложившейся в результате тесного сотрудничества с имперской властью, социальном расслоении, что привело к её функциональному ослаблению, росту религиозного индифферентизма, распространению сектантских движений и снижению авторитета среди паствы¹⁸.

В работах С.В. Бахрушина история РПЦ выступает в качестве элемента концепции присоединения Сибири к Московскому централизованному государству. Введённое историком в научный оборот понятие «русская колонизация Сибири» и выделение в ней двух потоков: вольно-народного и принудительного, определило потенциальный интерес исследователей к функциональной роли главных акторов колонизационного процесса, к числу которых принадлежала и Русская православная церковь¹⁹.

В целом исследовательская лакуна в осмыслении опыта и практик РПЦ как конфессиональной институции, образовавшаяся в советский период, начала заполняться только в конце 1980-х гг., когда на волне либерализации государства и общества СССР наметилась тенденция к позитивной оценке вклада церкви в процессы государственного строительства в продолжительной исторической ретроспективе. Поворот в отношении к церковной истории, наиболее рельефно был обозначен в коллективной монографии «Русское православие: вехи истории»²⁰, ставшей своеобразным триггером к созданию специальных трудов обобщающего характера и обновлению тематических сценариев при написании

¹⁷Никольский Н.М. Указ. соч. С.319-404.

¹⁸Никольский Н.М. Указ. соч. С.404-436.

¹⁹ Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI-XVII вв. // Научные труды. В 4 т. Т. 3, ч. 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 17-160.

²⁰ Русское православие: вехи истории // под ред. А.И. Клибанова М.: Политиздат, 1989. 719 с.

истории РПЦ²¹. Несмотря на сохранение в текстах статей многих традиционных идеологических штампов и советской риторики, их авторы заявили о необходимости «разработки подходов к такому изучению истории церкви, которое соответствовало бы уровню современного исследования других областей отечественной истории»²².

В 1990-е и 2000-е гг., в параметрах данного заявления, а также под влиянием атмосферы и идей «новой исторической науки», в свет вышла серия монографий общего характера, содержание которых отразило не только состояние церковно-религиозного «ренессанса» в России, но и исследовательскую потребность в освоении узких мест историографии Русской православной церкви, и в частности широкой гаммы проблем, связанных с разработкой имперской властью стратегий и практик конфессиональной политики в региональном измерении²³.

Вторую группу исследований открывают работы, конструирующие социокультурный контекст имперских представлений о Русской православной церкви как акторе внутренней колонизации, в которых авторы стремились вписать её деятельность в общероссийский и региональный контексты взаимодействия имперских властей и местных сообществ, системных коммуникаций между центром и регионами в специфических этноконфессиональных и социокультурных условиях колонизации Зауралья. Данная исследовательская парадигма стала следствием антропологического и

²¹ Зырянов П.Н. Церковь в период трех российских революций // Русское православие: вехи истории...С.381-437; Смирнов Н.А. Миссионерская деятельность церкви (вторая половина XIX в.—1917 г.) // Русское православие: вехи истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://books.atheism.ru/files/russkoe_pravoslavie.html (дата обращения: 27.04.2021); Клибанов А.И. Народные противощерковные движения // Русское православие: вехи истории...С.516-562.

²²Русское православие: вехи истории...С.6.

²³ Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие самодержавия в России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 660 с.; Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. 188 с.; Римский С.В. Православная Церковь в России в XIX веке. Ростов нД: Гефест,1997. 384 с.; Он же. Российская Церковь в эпоху великих реформ. М.: Книга по требованию,1999. 567 с.; Архиепископ Филарет История русской церкви в пяти периодах. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2001. 832 с.

культурного поворотов в гуманитарном знании, переориентировав учёных от описания событий к рефлексии состояний, что предметно материализовалось в деятельности коллектива журнала «Ab Imperio» и научной институционализации направления «Новая история империи» в конце XX – начале XXI вв.²⁴. В методологических границах «Новой истории империи», по констатации А.В. Ремнёва и А.И. Миллера приоритетными становились сюжеты о том, «как власти структурировали пространство империи; как строилась политика империи в отношении вопросов религии, миссионерской деятельности, смены вероисповедания её подданными, браков между людьми различных конфессий; как центральные власти и чиновники на местах вырабатывали и пытались проводить в жизнь политику в отношении разных групп населения; как опыт, приобретённый при управлении одними окраинами, влиял на политику властей на других окраинах; как местные элиты и сообщества реагировали на политику имперских властей...и как они пытались использовать имперские ресурсы в местных интересах»²⁵. При этом, сторонники имперского подхода указали, что число акторов, взаимодействовавших в том или ином регионе по тому или иному вопросу, неизменно было больше двух²⁶.

В данном отношении в 2000-х гг. в пространстве исследовательской оптики западных и российских историков всё чаще оказывались сюжеты, связанные с выявлением имперской составляющей конфессиональной политики России на западных и восточных окраинах, феномене поликонфессиональности империи в

²⁴Беккер С. Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А. П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. С.67-81; Капеллер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Традиция – Прогресс – Традиция, 2000. 344 с.; Он же. Россия – многонациональная империя: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // «Мифы и заблуждения в изучении империи национализма» (сборник) / <https://libking.ru/books/sci/sci-history/430042-marina-mogilner-mify-i-zabluzhdeniya-v-izuchenii-imperii-i-natsionalizma-sbornik.html>. Дата обращения: 10.03.2018. С.54-57; Герасимов И., Глебов С. Могильнер М. Написание истории России как истории империи: опыт Сеймура Беккера // Новая имперская история постсоветского пространства...С.41-47.

²⁵Сибирь в составе Российской империи // Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнёв. М.: НЛО, 2007. 368 с.; Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М.: НЛО, 2008. 248 с.

²⁶Сибирь в составе Российской империи...С.7; Миллер А.И. Империя Романовых и национализм...С.8; Западные окраины Российской империи. М.: НЛО, 2007. С.7.

контексте административно-территориального управления, соотношения конфессиональной, гражданской, национальной идентичностей, а также осмысления дискурсивных практик репрезентации РПЦ как актора внутренней колонизации в светском и церковном сегменте общественно-политического дискурса.

Отправной точкой в исследованиях русской церкви как актора колонизации в рецепции имперской власти, следует признать тезис американского историка Р. Круза: «Российская империя была «конфессиональным государством» вплоть до конца своего существования. Иными словами, политика и устройство империи продолжали основываться на религии - и при том не только на православии до 1917 года»²⁷. Профессор университета штата Огайо Н. Брейфогл, развивая мысль о поликонфессиональном характере Российской империи и реализации данного многообразия в системе координат «империя-окраина», подчеркнул стремление прогрессивно мыслящих имперских властей в контакте с Русской православной церковью «сделать инославных и иноверных проводниками имперской колонизации»²⁸. Умозаключения Р. Круза и Н. Брейфогла соотносятся с тезисом Э. Лора, полагающего, что для реальных практик Российской империи, которая вплоть до XX столетия стремилась к проведению разумной политики подданства, были характерны не ксенофобия и изоляционизм, а лозунг: «Привлекай и удерживай», являвшийся основной чертой российской миграционной политики до 1914 г.²⁹.

Вместе с тем западные историки, разрабатывая имперскую проблематику, обратили внимание на серьёзный дефицит работ, посвящённых проблеме религиозного разнообразия страны, деятельности духовных институтов и склонности царских властей упорядочивать жизнь российских подданных

²⁷ Crews R. Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth Century Russia // American Historical Review. 2003. Vol. 108. № 1. P. 50–83.

²⁸ Nicholas B Breyfogle Heretics and Colonizers Forging Russia's Empire in the South Caucasus L., 2005.

²⁹ Лор Э. Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М.: НЛО, 2017. С.15-16.

именно на основе их религиозной принадлежности, что в частности стало императивом к исследовательской рефлексии РПЦ как инструмента внутренней колонизации в представлениях имперской власти.

В современной российской историографии своеобразную «рамку» для потенциальных исследований, посвящённых рецепции имперской властью практик Русской православной церкви в процессе внутренней колонизации, поставил редакторский коллектив сборника научных статей «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России», определивший внутреннюю колонизацию как особый тип отношений между государством и подданными, при котором государство относится к подданным как к покоренным в ходе завоевания, а к собственной территории – как к захваченной и загадочной, требующей заселения и «окультуривания», направляемых из одного центра³⁰.

Подобный алгоритм оказался востребованным в сообществе исследователей деятельности РПЦ на восточных окраинах империи, поскольку церковь, в условиях массовых переселений в губернии и области Западной Сибири и Степного края «обрастала» новыми функциями, приобретая статус культуртрегера по отношению к своей пастве, инородческому невоцерковлённому населению Зауралья, активно соперничая и привлекая на свою сторону инославных и иноверных членов сибирского и центрально-азиатского социумов.

В региональных исследованиях рефлексия имперского дискурса Русской православной церкви начинает рассматриваться в колонизационном и конфессиональном контекстах, отражая формировавшиеся у имперской

³⁰ Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин И. От редакторов // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С.4.

бюрократии представления об особой миссии церкви в Азиатской России в обстоятельствах кризиса её влияния на паству³¹.

В виду того, что имперские представления о статусе и функциях РПЦ в колониационном процессе тесно корреспондировали с общественно-политическим дискурсом, целесообразным явилось обращение к исследовательским практикам и подходам в освещении репрезентаций деятельности церкви как актора колонизации в светской периодической печати и публицистике, а также в официальных церковных изданиях. В силу обстоятельства, сообразно с которым в дискурсе периодической печати и публицистики фиксируются представления о социальной реальности различных слоёв и групп общества, важной для настоящего исследования стала апелляция к трудам, посвящённым становлению отечественной периодической печати и формированию корпуса российских журналистов, в том числе и на региональном уровне³². Данная стратегия историографической рефлексии позволила продуктивно аккомодировать к исследованию выводы специалистов о

³¹ Ремнёв А.В., Суворова, Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века: монография. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. С.205-206; Васильева А.В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. Омск, 2015. С.138-139; Русская православная церковь на севере Западной Сибири в конце XVI – начале XX в.: институциональное влияние на политические, социальные, экономические и этнокультурные процессы (формы, факторы, специфика, историческая роль):// В.В. Цысь, Я.Г.Солодкин, О.П. Цысь, А.В. Спичак; под общ. ред. В.В. Цыся. Нижневартовск: НВГУ; Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. С.60-95; Цысь О.П. Организация управления институтами Русской Православной Церкви на Тобольском Севере в XIX – начале XX вв.: очерки истории. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. ун-та, 2017. 272 с.; Берковская З.Н. Духовенство Омской епархии Русской Православной церкви в условиях имперской модернизации. автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2021. С.15.

³² Яковлев-Богучарский В. Я. Очерки из истории русской журналистики XIX в. и из прошлого русского общества. СПб.: Герольд, 1904. 406 с.; Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири: с указателем изданий в 1918 году. Томск: Б.и., 1919. 31 с.; Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 303 с.; Козьмин Б. П. Русская журналистика 70-х и 80-х гг. XIX в. М.: Высш. парт. школа при ЦК ВКП(б), 1948. 60 с.; Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России (задачи и теоретико-методологические принципы изучения). М.: Изд-во МГУ, 1981. 132 с.; Лапшина Г. С. Русская пореформенная печать 70–80-х годов XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1985. 130 с.; Мохначёва М. П. Журналистика и историческая наука. В 2 кн. М.: РГГУ, 1998. Кн. 1. 383 с.; Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. М.: Флинта: Наука, 2004. 368 с.; Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири : XIX - начало XX вв.: автореф. дис. ... д-ра исторических наук. Иркутск, 2003. 77 с.; Жилиякова Н.В. История дореволюционной журналистики в Сибири: этапы исследования, новые направления // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: Филология. 2011. № 3 (15). С. 119-132; Чернова И.С. Становление и функционирование профессионального сообщества сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX вв. дис. ... канд. истор. наук. Новосибирск, 2021. 388 с. и др.

специфической функции дореволюционной периодической печати, вносящей огромный вклад в конструирование в общественном сознании образа Сибири как колонизируемого региона, в формировании которого участвовали и представления российских и сибирских журналистов о месте Русской православной церкви в данном процессе³³.

Светский дискурс РПЦ в Азиатской России представлен в отечественной историографии довольно фрагментарно. По констатации В.В. Шевцова, одним из тематических разделов сибирской правительственной периодической печати (Тобольских и Томских губернских ведомостях), являлся отдел «Духовная, общественная и повседневная жизнь», репрезентировавший сюжеты, связанные с православными святынями, церковными праздниками, строительством и освещением новых храмов и духовных учебных заведений, пожертвований в пользу православных церквей, монастырей и общин, распространением христианства среди коренного населения, противостоянием старообрядчеству и сектантству³⁴. Важными представляются выводы автора, определившего корреляцию между редакционной политикой изданий и тематикой и содержанием публикаций в различные периоды функционирования западно-сибирских газет. По мнению В.В. Шевцова, «Томские губернские ведомости» периода 1866-1881 гг. (редактор Н.А. Костров), в отличие от предшествующего, областнического этапа своей деятельности, значительно активней стали предоставлять свои страницы для публикаций статей и заметок представителям Русской православной церкви, наряду с благотворительными, коммерческими и другими

³³ Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX–начала XX века. Новосибирск: НГПУ, 2006. 343 с.; Матханова, Н. П. "Плохие" и "хорошие" чиновники в записках Сибирского духовенства XIX в // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 3. С. 100-105; Сабурова Т. А. Образ власти как фактор формирования стратегии поведения русской интеллигенции первой половины XIX века // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2005. № 34. С. 98-108.

³⁴ Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. С. 241.

общественными объединениями³⁵, что можно связывать с ростом переселенческого движения и более активной инкорпорацией церкви в колониционное дело.

Н.Г. Карнишина в статье аналитического характера, осветила содержание дискуссии в российской печати второй половины XIX – начала XX вв. о месте и роли православной церкви. В результате фронтального просмотра периодический изданий, среди которых значительное место принадлежало светской прессе («Северная пчела», «Гражданин», «Московские ведомости»), автор пришла к заключению, что РПЦ была вписана в бюрократический механизм государства, и в период подготовки и проведения реформ именно на духовную бюрократию была сделана ставка как на проводника проводимых реформ на местах³⁶.

Ю.Л. Мандрика в результате тщательного и всестороннего исследования процесса эволюции неофициального отдела «Тобольских губернских ведомостей», сделал ряд важных замечаний, косвенно корреспондирующих с заявленной в диссертации проблематикой. Во-первых, автор сделал акцент на том, что публикации в неофициальном отделе газеты в стартовый период его существования являлись в основном заимствованиями из других российских и сибирских периодических изданий, репрезентируя наиболее актуальные текущие вопросы колониционного содержания³⁷. Во-вторых, в диссертации и своих последующих работах Ю.Л. Мандрика обозначил 1860-е и 1890-е гг. как периоды наибольшего полемического накала в публикациях «Тобольских губернских ведомостей», который трансформировался в масштаб межгазетной полемики, в

³⁵ Там же. С. 361.

³⁶ Карнишина Н. Г. Дискуссия в печати второй половины XIX В. О месте и роли русской православной церкви в общественной жизни пореформенной России / Н. Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 3(55). С. 15-21.

³⁷ Мандрика Ю.Л. Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания (на материале «Тобольских губернских ведомостей»): автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Воронеж, С.19.

которую включились не только светские государственные и частные периодические издания, но и епархиальная печать³⁸.

Историографическая рецепция дискурса РПЦ в церковных изданиях с выходом на проблемы её включённости в колониционное дело, широко представлена в исследованиях посвящённых официальной церковной периодике центра и зауральских епархий. Идеологические позиции церковных изданий имперского центра и периферии, были рельефно обозначены в работах исследователей, сфокусировавших своё внимание на процессе формирования церковной периодической печати в XIX – начале XX вв. Авторами были поставлены и решены проблемы институционализации, функционирования и общественного значения церковной прессы как инструмента системного влияния на паству³⁹.

Вопросам дискурса РПЦ в Западной Сибири и Степном крае в контексте её инкорпорации в колониционный процесс, посвящены публикации региональных исследователей, осветивших широкую тематическую палитру публикаций в местных епархиальных изданиях. В частности, авторами отрефлексированы сюжеты, связанные с репрезентацией взаимодействия церкви и общества с точки зрения постулирования и выполнения взаимных обязательств в условиях освоения азиатских территорий; тематического наполнения разделов изданий, в том числе осваивающих колониционную проблематику; освещением политической ситуации в Сибири и Степном крае; обсуждением круга злободневных вопросов организации церковной деятельности: строительства

³⁸ Мандрика Ю.Л. Межгазетная полемика как фактор, идентифицирующий политическую направленность издания // *Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки.* Вып. VII. Тюмень: Мандр и Ко, 2005. С. 172-190.

³⁹ Тимофеева Е.С. «Церковные ведомости» (1888-1918). История издания: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 2007. С.5-6; Нетужилов К.Е. Формирование системы церковной периодической печати в России XIX –начала XX веков: историко-типологический анализ: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. СПб., 2010. С.4; Он же. Епархиальная периодическая печать в дореволюционной России // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.* 2006. Т. 7. № 21 (1). С.174-182; Верецагин И.Ф. Церковно-епархиальная периодическая печать в общественной жизни российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Европейского Севера России): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Архангельск, 2013. 24 с.

церквей и церковно-приходских школ, миссионерской работы, противостояния старообрядчеству и сектантству, решения проблем материальной и бытовой обеспеченности служителей церкви в регионе⁴⁰.

Одним из концептуальных выводов, озвученных исследователями в контекстных границах научной рефлексии дискурса церковных изданий и имеющих важное значение для характеристики включенности Русской православной церкви в колониационный процесс, можно рассматривать утверждение, сообразно с которым церковная пресса осуществляла культурный трансфер православия на окраины империи⁴¹, что расширяло социальную базу и влияние церкви в обстоятельствах внутренней колонизации.

Третья группа исследований представлена работами, освещающими организацию и практики миссионерского дела в контексте конфессиональной политики на восточных окраинах империи, отразившей системность и логику коммуникации Русской православной церкви как актора внутренней колонизации с адептами язычества, представителям инославных и иноверческих сообществ, а также старообрядчеством и сектантством.

⁴⁰Иванов К. Ю. Томские епархиальные ведомости как источник по истории томского старообрядчества // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1997. С.136–138; Караева Е. В. Томские епархиальные ведомости как источник по истории формирования санитарной культуры в Томской губернии // Макарьевские чтения: Материалы шестой международной конференции, Горно-Алтайск, 21–23 ноября 2007 года / редколлегия: Бабин В.Г. (ответственный редактор). Горно-Алтайск, 2007. С. 95-107; Землякова Н. А. Церковь и общество на страницах "Томских епархиальных ведомостей" во второй половине XIX – начале XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. С. 397; Морозова Н. Н. Освещение политических вопросов в "тобольских епархиальных ведомостях" (1882–1905 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 35-38; Валитов А. А. Тобольские епархиальные ведомости как источник по истории Западной Сибири // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2015. № 2(4). С. 407-416; Мельниченко М.В. «Омские Епархиальные Ведомости» как официальный печатный орган Омской епархии [Электронный ресурс] / ОмГУ им. Достоевского. URL: <http://philfak.ru/2634> (дата обращения: 24.10.2022); Кузякин И.А., Суховецкий В.А. Епархиальное периодическое издание «Омские епархиальные ведомости» и сохранность его дореволюционных выпусков // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2018. № 1. С. 78-82; Егоренкова Е. Н. «Омские епархиальные ведомости» о христианизации казахского населения Степного края (конец XIX – начало XX века) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История. С. 78–88; Чуркин М. К. Дискурс имперской инкорпорации Западной Сибири в программных публикациях церковно-приходской печати начала 80-х гг. XIX в. (на материалах "Тобольских епархиальных ведомостей") // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2022. Т. 39. С. 13-19.

⁴¹ Юрганова И.И. Культурный трансфер православия на окраины империи: газета «Якутские епархиальные ведомости» (1887-1917 гг.) // Народы и религии Евразии. 2021. Т.26. № 4. С.118-130.

По справедливому утверждению авторитетных специалистов в сфере исследования миссионерского дела в России и её отдельных регионов, историографическое осмысление миссионерских практик РПЦ, актуализировалось только в постсоветский период. По мнению исследователей, дореволюционные авторы были сконцентрированы на общих вопросах церковного строительства в Российской империи, а церковную деятельность рассматривали в контексте решения текущих социально-политических, идеологических и конфессиональных вопросов. В советской исторической науке изучение православного миссионерства стало предметом ортодоксальной критики. События и факты, отражающие взаимоотношения государства и религиозных институтов, рассматривались исключительно с позиций материалистического мировоззрения, а ученые были ограничены жесткими идеологическими парадигмами в суждениях о религиозной политике⁴².

Принимая во внимание, что в настоящей диссертации исследовательская «оптика» направлена на осмысление деятельности Русской православной церкви в Западной Сибири и Степном крае как актора внутренней колонизации, продуктивным представляется вывод Ю.А. Лысенко, выделившей три главных направления в историографии православного миссионерства: относительно регионов компактного проживания мусульман Российской империи; в среде языческого населения Зауралья; в сообществах старообрядчества и сектантства⁴³.

В рамках означенных направлений и фиксации колонизационных функций РПЦ в Западной Сибири и Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв. современными исследователями был поставлен и решён ряд важнейших задач, позволивших уточнить основные траектории в осмыслении проблем, связанных с включённостью церкви в процесс колонизации. В частности, учёными были

⁴² Софронов В.Ю. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра. истор. наук. Барнаул, 2007. С.4; Шабунин В.В. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2013. С. 4-6.

⁴³ Лысенко Ю.А. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XXв.): автореф. дис. ... д-ра. истор. наук. Барнаул, 2011. С. 5-6.

выявлены и охарактеризованы миссионерские практики коммуникации с мусульманским населением восточных окраин империи в контексте государственной конфессиональной политики⁴⁴; программы и опыт христианизации инородческого населения колонизируемых территорий Западной Сибири и Степного края, а также методы и алгоритмы реализации религиозно-просветительской работы миссий в среде индигенных народов⁴⁵; форматы влияния и способы межкультурной коммуникации с представителями инославных и нехристианских конфессий, старообрядцами и сектантами⁴⁶.

⁴⁴ Воробьева Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политике российского самодержавия: вторая половина XIX века – 1917 г.: автореф. дис. ... д-ра. истор. наук. СПб., 1999; Садвокасова, З. Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX - начало XX веков). Алматы: Қазақ университеті, 2005. 339 с.; Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви. М.: ПСТГУ, 2007. 683 с.; Октябрьская И.В. Ислам и православие; опыт взаимодействия в свете стратегий и межэтнической коммуникации (на примере казахов Алтая) // Народонаселение Сибири. Стратегии и практики коммуникаций XVII-начала XX в. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2008. С.340-360; Лысенко Н.А. Идеал священника миссионера в официальных периодических изданиях Русской Православной Церкви второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... канд. истор. наук, 2014. 190 с.; Дашковский П.К. Шершнёва Е.А. Религиозная политика Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX - начале XX в. // Народы и религии Евразии. 2015 № 8. С.242-264; Софронов В.Ю. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX вв....; Лысенко Ю.А. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в....

⁴⁵ Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири: (XIX - начало XX в.). Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2001. 177 с.; Расова Н.В. Миссионерская деятельность Русской православной церкви на Алтае в XIX - начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2002. 25 с.; Кабульдинов З.Е. Миссионерская деятельность правительственной церкви в Семипалатинской области и сопредельных российских округах // Состояние и перспективы развития краеведения в современных условиях: мат. республ. науч.-практ. конф. Павлодар, 2002. С.224-230; Тимофеева Л.В. История Русской православной церкви на территории Семиречья (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Алматы, 2007; Харченко Л.Н. Миссионерская деятельность православной церкви в Сибири: (вторая половина XIX в. - февр. 1917 г.): очерк истории. СПб.: [б. и.], 2004. 176 с.

⁴⁶ Титова Т.Г. Этапы формирования католического населения Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Сибирь на перекрестке мировых религий: мат. межрегион. конф. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. С. 63–65; Энгельштейн Л. Скопцы и Царство Небесное: скопческий путь к искуплению. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 336 с.; Зольникова Н.Д. Традиции и новации в конфессиональном сознании староверов востока России в XX веке // Вестник РГНФ. 2004. № 4. С. 5-13; Батурич С.П., Батурина Т.В. Взаимоотношение Русской православной церкви с иными христианскими конфессиями в Сибири на рубеже XIX-XX вв. // Духовные истоки русской культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции 19-20 мая 2005 г. ч. 1. Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт, 2005. С. 9-23; Дутчак, Е. Е. Старообрядческие таежные монастыри условия сохранения и воспроизводства социокультурной традиции (вторая половина XIX - начало XXI вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2008. 55 с.; Неделюк Т. Г. Римско-католическая церковь в полиэтничном пространстве Западной Сибири. 1881-1918 гг. Новосибирск : Прометей, 2009. 214 с.; Скубневский В.А. Поляки в административной и хозяйственной деятельности на Алтае в XVIII - начале XX века // Мир Евразии. 2009. №3 (6). С. 66–71; Бургард Л.А. Особенности расселения немцев-католиков в Казахстане и их взаимосвязь с практикой религиозной жизни (конец XIX – начало XXI вв.) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник науч. трудов X Международной науч.-практ. конф., г. Усть-Каменогорск, 15-16 мая 2009 г. Усть-Каменогорск: «Либрус», 2009. С. 82-93; Смирнова Т. Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XIX - начале XXI века: формирование и развитие диаспорной группы: автореф. дис. ...

Осмысление исследовательских выводов, представленных в трудах, отразивших содержание и направления миссионерской деятельности РПЦ в Западной Сибири и Степном крае, позволило произвести монтаж практик коммуникации православной церкви как с идеологически близкими конфессиональными сообществами, так и с группами, категорически отрицающими догматы православия, что являлось вкладом регионального духовенства в колонизационное дело.

Четвёртую группу исследований составили научно-исследовательские сочинения, запечатлевшие факт инкорпорации Русской православной церкви в аграрно-колонизационные мероприятия второй половины XIX – начала XX вв., тесно переплетавшиеся с переселенческим процессом в пореформенную эпоху.

В виду того, что тема освоения Сибири⁴⁷ и переселенческая проблематика являются самостоятельными сюжетами историографии, в поле зрения автора оказались исследовательские наработки, целенаправленно посвящённые участию РПЦ в аграрной колонизации Западной Сибири и Степного края.

В данной связи своеобразным императивом в конструировании историографической базы диссертации стало обращение представителей гуманитарного знания (историков, религиоведов, антропологов, философов) к проблеме адаптационного потенциала религии в реализации аграрно-колонизационных задач, часть ответственности за формирование которого, возлагалась на институт церкви.

Следует отметить, что стартовые позиции в рефлексии адаптационных возможностей религии и участия в этом процессе церковной организации, были

д-ра ист. наук. Омск, 2009. 49 с.; Вибе П.П. Меннонитские колонии в Сибири в конце XIX – первой трети XX в. // Немцы в Сибири: история и культура: мат. VI Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.Б. Смирнова, Н.А. Томилов. Омск: Наука, 2010. С. 291–304; Шайдунов В.Н. О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины Западной Сибири XIX – начала XX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. №2 (21). С. 88–97; Зольникова Н.Д. Матханова Н.П. Человек, власть и общество в русских исторических и литературных памятниках XVI – XX веков // Вестник РГНФ. 2014. № 3. С.77-85.

⁴⁷ См. работы по колонизационной тематике С.В. Бахрушина, П.Н. Милюкова, М.К. Любавского и др.

обозначены ещё в дореволюционной историографии. Так, профессор А.А. Исаев называл *религиозное одушевление* одним из определяющих факторов миграционной мобильности крестьянства, как главного субъекта колонизации⁴⁸.

Тезис А.А. Исаева получил развитие в трудах его современников, полагавших, что аграрное освоение восточных окраин империи не обеспечится только лишь механическим переселением из европейской части страны, но требует значительных усилий организационного характера. В этой организационной работе, по мнению исследователей либерально-народнического толка (В.В. Кирьяков, В.П. Воцинин, Г.Ф. Чиркин, В.В. Дашкевич, И.Е. Овсянкин, С.П. Швецов и др.), одним из функциональных направлений является деятельность акторов колонизации, в частности Русской православной церкви, работа которой ориентирована на обеспечение стабильности социальной системы, создание комфортной среды для жизни пастырей и паствы, что выражалось в практиках церковного и школьного строительства, активизации влияния церкви на население в масштабах всей Сибири и отдельных приходов⁴⁹.

Формирование новой историографической линии исследования РПЦ как актора политики и практик внутренней колонизации, приостановилось в советский период, что было связано с идейным неприятием религии как социокультурного и политического феномена в российской истории. Однако в рамках переселенческой проблематики, деятельность церкви как агента колонизации, осваивалась научным сообществом сибирских историков, в

⁴⁸ Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб.: Издание А.Ф. Цинзерлинга, 1891. С.6-7.

⁴⁹ Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). М.: Типо-литография И.Н. Кушнерев и К, 1902. С.330-336; Воцинин В.П., Чиркин Г.Ф. Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений. Петроград, 2015. С.8-11; Дашкевич В.В. Переселение в Сибирь. СПб., 1912. С. 73-77; Овсянкин И.Е. Колонизация и переселенческое дело // Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / под ред. П. А. Голубева. Томск, 1890. С. 327–360; Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. 1 / Стат. отд. при Гл. упр. Алт. окр. Барнаул: типо-лит. Гл. упр. Алт. окр., 1900-1903. 26 с.

частности сотрудниками Института истории, философии и филологии СО АН СССР⁵⁰.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в диссертациях, монографиях и прочих публикациях, актуализировался интерес к коммуникативным аспектам деятельности РПЦ в колониальной системе координат на востоке империи. В некоторой степени пионерской, обозначившей новые исследовательские ориентиры, стала работа Н.П. Нейхц, в центре внимания которой расположился вопрос о роли религии в процессе социально-психологической адаптации мигрантов в Сибири⁵¹. Автором было высказано предположение, что религиозная община и культовая деятельность ускоряли преодоление состояния психологического дискомфорта переселенцев и выступали как социально-психологический механизм социализации личности, способствовавший адаптации переселенцев. В диссертации обосновано, что значимость конфессионального фактора в миграционном процессе возрастала на этапе вхождения переселенцев в принимающее общество⁵², что актуализирует участие церковных институций в государственной миграционной политике.

В монографии М.К. Чуркина социально-психологическая специфика адаптации аграрных переселенцев в Западную Сибирь и Степной край, рефлексировалась в том числе и в связи с преодолением мигрантами барьеров мировоззренческого характера, проявлявшихся наиболее явно в религиозной

⁵⁰ См. об этом: Копылов А.Н. Культура русского населения Сибири в XVII-XVIII вв. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1968. 168 с.; Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 318 с.; Горюшкин Л. М. Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX веков. Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков «Сравнительное изучение экономического развития России и Японии (Япония, Токио, 19–23 сентября 1989 г.). Препринт. Новосибирск, 1989. 51 с.; Островская Л.В. Христианство в понимании русских крестьян пореформенной Сибири (народный вариант православия) // Общественный быт и культура сельского населения Сибири. Новосибирск, 1983. С. 135-150; Она же. Некоторые замечания о характере крестьянской религиозности (на материалах пореформенной Сибири) // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. Классовая борьба, общественное сознание и культура. Новосибирск, 1975. С. 172-186.

⁵¹ Нейхц Н.П. Роль религии в процессе социально-психологической адаптации мигрантов (на примере православия в период колонизации Сибири: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М.: 2006. 26 с.

⁵² Нейхц Н.П. Указ. соч. С.14, 20.

сфере⁵³. Исследователем сделан вывод, в соответствии с которым религиозная активность российского крестьянства в местах их выхода на переселение, однородных в конфессиональном отношении, являлась органичной составляющей производственной и бытовой повседневности земледельцев, не требовавшей активных контролирующих действий со стороны церковной организации. В местах водворения в Зауралье, пёстрых в конфессиональном отношении, функциональная роль православия и церкви многократно возрастала⁵⁴.

Аграрно-колониционный аспект деятельности Русской православной церкви в Западной Сибири и Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв. стал частью исследовательской программы С.П. и Т.В. Батуриных. Авторы, обозначив достаточно широкую базу научной рефлексии колониционной проблематики в функционировании РПЦ на восточных окраинах империи⁵⁵, сосредоточили внимание на процессе православизации Сибири как форме цивилизационного характера её колонизации. В работах Батуриных деятельность Русской православной церкви в Азиатской России соотносится с государственными проектами переселенческой политики как части общеколониционных мероприятий империи на окраинах⁵⁶; а РПЦ в региональной системе координат, представлена как профессиональное сообщество священнослужителей, являвшихся носителями специфической

⁵³Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. С.287.

⁵⁴ Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв....С.287-290.

⁵⁵ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX - нач. XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 164 с.; Зверева К.Е. Просвещение крестьянства Сибири в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. истор. наук, Новосибирск, 1988. 249 с.; Косых В.И. Православная церковь Восточной Сибири в годы первой российской революции : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Новосибирск, 1989. 22 с.

⁵⁶Батурина Т. В. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Сибири в системе переселенческой политики государства в конце XIX - начале XX вв / Т. В. Батурина, С. П. Батурин // Социогуманитарный вестник Кемеровского института (филиала) РГТЭУ. 2010. № 2(5). С. 119-127; Они же. Церковно-приходские школы Сибири в конце XIX - начале XX вв. Как фактор культурной колонизации края // Социогуманитарный вестник Кемеровского института (филиала) РГТЭУ. 2008. № 1(2). С. 77-81; Батурин С. П. Государство и православная церковь в колониционных процессах Сибири на рубеже XIX-XX веков // Социогуманитарный вестник. 2017. № 1(17). С. 132-140.

системы нравственных ценностей, соответствовавших вызовам колониционного дела второй половины XIX – начала XX вв.⁵⁷.

Таким образом, в параметрах историографической традиции осмысления статуса, функций и практик деятельности РПЦ как актора политики внутренней колонизации Российской империи в Западной Сибири и Степном крае был освоен обширный спектр проблем, репрезентирующий её инкорпорированность в колониционный процесс во второй половине XIX – начале XX вв. В фокусе исследователей разных лет оказались общие вопросы конструирования церковного пространства в центре и на окраинах империи; репрезентации в общественно-политическом дискурсе специфики коммуникации православной церкви с государством и российскими подданными, факторов и обстоятельств влияния церкви на разработку основ религиозной политики, практической работы, направленной на реализацию миссионерских установлений Русской православной церкви в отношении невоцерковлённых язычников, инославных и иноверческих сообществ. Вместе с тем значительный объём научно-исследовательских публикаций, посвящённых деятельности РПЦ, охватывает практическую сферу реализации государственной вероисповедной политики на восточных окраинах, рассматриваемую в качестве своеобразной «кальки» политики в центре и на других окраинах империи. Очевидно, что лишь фрагментарное обоснование получили принципы конфессиональной политики Российской империи в отношении имперских окраин, формировавшиеся в системе координат общественно-политического дискурса светского и церковного происхождения, что существенно ограничило исследователей в понимании содержательных аспектов деятельности церкви как актора политики внутренней

⁵⁷ Батурин С. П. К вопросу о системе церковного управления и кадровом составе сибирских епархий в конце XIX - начале XX века // Миссия конфессий. 2018. Т. 7. № 7(34). С. 772-782; Он же. Православизация Сибири как форма цивилизационного характера её колонизации на рубеже XIX – XX веков / С. П. Батурин, Т. В. Батурина // Социогуманитарный вестник. 2012. № 1(8). С. 42-45; Он же. Внутренняя миссия Православной Церкви в Сибири на рубеже XIX-XX веков // Православие - культура - образование / Кемеровская государственная академия культуры и искусств. Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской Православной Церкви. Кемерово: Общество с ограниченной ответственностью "Авторское издательство Кузбассвузиздат", 2002. С. 96-104.

колонизации, моделей, форм, методов, характеризующих включённость Русской православной церкви в решение сложных задач освоения и социокультурного вовлечения пространства зауральских регионов в общеимперское поле.

Объект исследования – коммуникативная среда функционирования Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX вв.

Предмет исследования - Русская православная церковь как актор политики внутренней колонизации Российской империи в Западной Сибири и Степном крае (вторая половина XIX – начало XX вв.).

Цель исследования заключается в выявлении статуса, функций, формата и механизмов инкорпорации Русской православной церкви в имперскую политику внутренней колонизации России в Западной Сибири и Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие **задачи**:

1. Выявить представления имперской власти о Русской православной церкви как инструменте внутренней колонизации окраин России;
2. Деконструировать содержание дискурса в светской периодической печати и публицистике о Русской православной церкви как акторе государственной политики внутренней колонизации Западной Сибири и Степного края;
3. Раскрыть представления о колониционных задачах Русской православной церкви в Западной Сибири и Степном крае в репрезентации официальных церковных изданий;
4. Установить формы, методы и направления миссионерской деятельности Русской православной церкви в Западной Сибири и Степном крае в контексте инородческой политики Российской империи;
5. Выявить модели и результаты инкорпорации представителей признанных «терпимых» и непризнанных религиозных сообществ

Западной Сибири и Степного края в поле идеологии и практической деятельности РПЦ;

- б. Определить факторы и варианты коммуникативной включённости Русской православной церкви в сферу аграрной колонизации Западной Сибири и Степного края во второй половине XIX – начале XX вв.

Хронологические рамки диссертации охватывают период второй половины XIX – начала XX вв. Нижней границей исследования условно может быть назван 1861 г., давший старт серии либеральных реформ 1860-х-1870-х гг. Личное освобождение крестьян от системы крепостных отношений и установление в России сословного равенства, предоставило земледельческому населению возможность участия в миграциях, что не только усилило динамику переселений на восточные окраины империи, но и способствовало активизации религиозно-просветительской и миссионерской деятельности РПЦ в условиях полиэтничной и поликонфессиональной среды, ставшей социокультурным фоном колонизации Западной Сибири и Степного края. Во временном диапазоне 1861-1869 гг., в рамках церковной реформы, были предприняты меры, направленные на преобразование быта духовенства, преодоление его кастовости и изолированности при сохранении статуса Русской православной церкви как «первенствующей и господствующей». Приобретение такого статуса, делегировало Русской церкви широкие полномочия актора политики внутренней колонизации и обеспечило активную государственную поддержку в период 1905-1914 гг., когда деятельность церкви в России реализовывалась в условиях относительного конфессионального равенства и свободы вероисповеданий.

Верхней границей диссертационного исследования является 1914 г. С началом Первой мировой войны и стартом кампании, направленной против «неприятельских подданных», нормативно-правовая база и практики реализации вероисповедной политики в России были подвергнуты значительной коррекции и перешли в формат дискриминационных мер, адресованных инославным и

иноверческим сообществам, что существенно видоизменило содержание деятельности РПЦ как актора колонизации в Западной Сибири и Степном крае.

Территориальные границы исследования включают территории Западной Сибири (Томская, Тобольская губернии) и Степного края (Акмолинская, Семипалатинская области). Выбор Томской и Тобольской губерний объясняется тем, что в имперском дискурсе второй половины XIX – начала XX вв. данные территории, расположенные в азиатской части России позиционировались как её внутренние губернии, ставшие объектом интенсивного аграрного освоения и, как следствие, деятельности акторов внутренней колонизации, в том числе и Русской православной церкви.

Акмолинская и Семипалатинская области Степного края с 1870-х гг. оказываются в эпицентре аграрно-колониционных мероприятий, реализация которых, учитывая преобладание среди населения широкий слой невоцерковленных язычников, требовала активной включённости в просветительскую и миссионерскую работу представителей РПЦ.

Методологическую базу диссертационного исследования составили теоретические подходы, сформировавшиеся в конвенциональных границах «новой исторической науки», которая характеризуется ситуациями «антропологического» и «лингвистического» поворотов, субъективизацией исторического знания, ориентацией исследователя на личное участие в конструировании исторической реальности.

При построении методологического пространства диссертации принципиальное значение отводилось подходам, разработанным в параметрах «новой имперской истории» как проекта, предложенного коллективом и авторами издания «Ab Imperio». На стыке XX – XXI вв. группой учёных была сформулирована отличная от позитивистской модель понимания

«имперскости».⁵⁸ Авторы концепции (И.В. Герасимов, С.В. Глебов, М.Б. Могильнер и др.), определяя имперское не только в значениях «господство», «доминирование» и «принуждение», но и позиционируя «империю» как гаранта сохранения стабильности самой политической системы, констатировали, что «империя» нужна сегодня не для того, чтобы вновь утвердить её в роли категории политической практики, но как аналитическая концепция, приспособленная для понимания процессов меняющегося мира, в котором проблема «управления различиями» стала одной из ключевых⁵⁹.

В этой связи для настоящего исследования продуктивным представляется вывод американского историка Марка фон Хагена, настаивающего на применении компаративистского подхода⁶⁰, получившего обоснование в рамках исследовательского проекта «Окраины Российской империи»⁶¹, участники которого, формулируя предметную область «новой истории империи», определили её как «сложную ткань взаимодействия имперских властей и местных сообществ..., отношений между центром и разнообразными окраинами, имперской властью и локальными сообществами», обеспечиваемых действием не одного, а множества акторов⁶².

Важную связующую функцию в процессе написания диссертации призван выполнить концепт «*внутренняя колонизация*», воспринятый в классической историографии (Соловьёв С.М., Ключевский В.О., Любавский М.К. и др.) и творчески переосмысленный А.М. Эткиндоном, утверждающим, что Российская

⁵⁸ Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей (Библиотека журнала «Ab imperio») / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань, 2004.

⁵⁹ Новая имперская история постсоветского пространства... С.19.

⁶⁰ Хаген М. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Новая имперская история постсоветского пространства...С.33.

⁶¹ Сибирь в составе Российской империи // Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнёв. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.; Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.; Верт П. Православие, инославие, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.; Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация. (на) значение // Под ред. Е. Болтуновой, В. Сандерленда. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 304 с.

⁶² Сибирь в составе Российской империи...С.5-7.

империя овладевала чужими территориями и осваивала собственные земли, колонизируя многие народы, в том числе самих русских⁶³. В семантическом контексте понятия «внутренняя колонизация», статус Русской православной церкви, который в XVIII – первой половине XIX вв. реализовывался по отношению к государству в системе координат «подчинение – господство», в обстоятельствах освоения и «присвоения» территориальных пространств Зауралья существенно корректировался, что соответствовало логике имперской «политики населения» на окраинах, предполагавшей активное вмешательство государства в этноконфессиональную сферу. Поддержка имперской властью переселенческого движения в пореформенный период, не только свидетельствовала о признании восточных окраин в качестве исконно своих, русских земель, нуждавшихся в экономическом освоении, но и предполагала заселение Западной Сибири и Степного края, наиболее востребованных в земледельческом отношении, однородным и единоверным с Россией населением, что усиливало инструментальный потенциал РПЦ в реализации миссионерских и религиозно-просветительских практик.

Принимая во внимание, что постановка и решение задач диссертационного исследования заключается в выявлении статуса, функций, формата и механизмов инкорпорации Русской православной церкви в имперскую политику внутренней колонизации России в Западной Сибири и Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв., при том что деятельность РПЦ в регионах осуществлялась в условиях не только этнического, но и конфессионального разнообразия, представляется продуктивным обращение к теории «конфессионального государства», разработанной Р. Крузом⁶⁴ и концепции «институционализации

⁶³ Эткин А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.

⁶⁴ Crews R. Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia // The American Historical Review. Vol. 108. No. 1 (February 2003). PP. 50-83; Crews R. For prophet and tsar: Islam and empire in Russia and Central Asia Cambridge; London: Harvard University, 2006. X, 463 p.

конфессиональных различий», репрезентируемой в научных публикациях П. Верта⁶⁵.

Продуктивность подхода Р. Круза, являющегося специалистом по «мусульманскому вопросу», заключается в его исследовательском опыте, направленном на раскрытие посреднической функции государства в регулировании религиозных практик и управления мусульманским сообществом в Российской империи. Вывод историка, в соответствии с которым решение «мусульманского вопроса» реализовывалось не столько с позиции силы и конфликта между государственными институтами власти, Синодом и мусульманским сообществом, сколько на основании взаимного компромисса, может быть агрегирован в исследование как модель максимально эффективного в колониационном отношении взаимодействия имперской власти, РПЦ и религиозных сообществ. Тезис Р. Круза о религии и религиозных институтах как продолжении государственной власти, посредством которых власть дисциплинирует собственных подданных, предлагая образцы нравственного поведения и социальной дисциплины, рассматривается как перспективный с точки зрения обоснования коммуникативного согласия церкви и государства в осуществлении конфессиональной политики в условиях отдалённого и «отдельного» региона, мозаичного в религиозном отношении.

Намерения П. Верта «поместить проблему религиозного разнообразия в центр изучения имперского строя и управления; объединить в рамках одного исследования православие и «иностранные исповедания»; рассмотреть значение и последствия этнического разнообразия для самого сообщества православных в Российской империи»⁶⁶, позволяет утвердиться во мнении, что проблема управления и дисциплинирования разнообразного населения империи решалась

⁶⁵ Верт П. Православие, инославие, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.; Werth P. "Schism Once Removed: Sects, State Authority, and the meanings of Religious Toleration in Imperial Russia // Imperial Rule. Budapest: CEU (Central European University) Press, 2004. P. 85-108.

⁶⁶ Верт П. Православие, инославие, иноверие... С. 6.

по конфессиональному признаку, посредством институционализации конфессиональных различий.

Выявление американским историком алгоритмов взаимоотношений в системе «центральная власть - официальные религиозные институты – секты», в границах которой отношение власти к сектам зависело как от политической конъюнктуры, так и от конкретных исторических обстоятельств⁶⁷, имеет шанс, с опорой на *функциональный подход*, выступить основанием для объяснения политики и практик РПЦ в отношении религиозных диссидентов в Западной Сибири и Степном крае как крупном ареале земледельческого освоения, где колониционный потенциал субъектов хозяйственной деятельности в глазах центральных и региональных властей, иногда признавался более существенным, нежели их религиозные воззрения.

Историко-антропологическое осмысление вклада Русской православной церкви в колониционное дело на восточных окраинах империи будет осуществляться в диссертации с обращением к теоретическим положениям «*новой локальной истории*», находящейся в исследовательском поле «*новой социокультурной истории*». По констатации С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой, историко-культурный подход, как инструмент раскрытия внутренней организации и функционирования социальной среды, в том числе локальных сообществ, объединённых общей идентичностью, «позволяет переносить акцент с анализа процессов на анализ структур, с линейного исторического метанарратива на локальные социокультурные пространства и их включенность в глокальную перспективу»⁶⁸.

В данном отношении одно из центральных понятий диссертационного сочинения – «*локальное сообщество*» (*communities*), характеризуемое в

⁶⁷ Werth P. "Schism Once Removed: Sects, State Authority, and the meanings of Religious Toleration in Imperial Russia // *Imperial Rule*. Budapest: CEU (Central European University) Press, 2004. P. 85-108.

⁶⁸ Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Региональная и локальная история: компаративный анализ // *Региональна історія України*. Вип. 5. К.: Інститут історії України НАН України, 2011. С. 54-55.

социологической теории сообществ Ф. Тённиса, как группа людей, объединённых доверительностью, эмоциональной глубиной, сплочённостью и продолжительностью во времени⁶⁹. Маркировка Русской православной церкви как локального сообщества, участники которого объединены общими представлениями о социальных нормах и ценностях, демонстрируют социокультурную идентичность в практиках кооперации, сотрудничества и объединения, направленных на решение конкретных социально-политических и культурных задач, генерирует перспективу обнаружения общности подходов церковных деятелей к реализации имперских принципов конфессиональной политики в условиях внутренней колонизации, корпоративного единства в отношении иноверных и инославных групп населения Западной Сибири и Степного края во второй половине XIX – начале XX вв.

Авторская гипотеза, представляющая РПЦ как актора имперской политики внутренней колонизации, может быть обоснована с позиций концепции *коммуникативного действия* (обмен информацией, ориентированный на установление и поддержание взаимопонимания), предложенной Ю. Хабермасом⁷⁰. Важной составляющей коммуникативного действия в концепции Ю. Хабермаса является дискурс, как диалог, служащий средством обмена смыслами и преследующий главную цель – достижение взаимопонимания, в результате чего происходит закрепление осознания членами локального сообщества принадлежности к группе, складывается устойчивая социокультурная идентичность⁷¹. Коммуникативное действие православной церкви как сообщества, реализуемое посредством дискурсов на различных «площадках» (церковная периодическая печать, церковное делопроизводство, эго-тексты миссионеров и приходских священников и т.д.), даёт возможность сформировать представление

⁶⁹ «Community» // The Concise Oxford Dictionary of Sociology / Ed. by Gordon Marshall. NY., Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 72-73.

⁷⁰ Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, B.I-II. Frankfurt, 1981.

⁷¹ Линченко А.А. Историческая эпистемология и теория коммуникативного действия // Историческая наука сегодня; Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П.Репиной. Изд.2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. С.145.

об активной функции сообщества священнослужителей в колониционном деле, корпоративных практиках церковной организации, способствовавших адаптации своей многочисленной паствы к сложным природно-географическим, хозяйственно-экономическим, культурным условиям региона водворения.

Основными методологическими принципами диссертационного исследования являются принципы историзма и системности.

Принцип историзма, традиционно трактуемый в качестве предмета или исторического явления доступных объяснению лишь при условии описания их в процессе развития, с учётом исторических обстоятельств и причинно-следственных связей, в ситуации переопределения предмета науки и антропологизации исторического знания получил новую коннотацию: познание исторического смысла любой эпохи невозможно без учёта человеческого измерения исторической реальности.

Солидаризируясь с высказыванием М. Блока о «подлинной действительности, формирующейся в результате отношений между людьми...»⁷², подчеркнём, что исследование, направленное на выявление статуса, функций, формата и механизмов инкорпорации Русской Православной Церкви в имперскую политику внутренней колонизации России в Западной Сибири и Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв., не реализуемо без монтажа коммуникативного пространства деятельности субъектов исторического процесса, конструирования их индивидуальных и коллективных биографий, дискурсивных практик в длительной исторической ретроспективе.

Согласно *принципу системности*, процесс включения РПЦ в реализацию Российской империей колониционных задач в Западной Сибири и Степном крае, стал результатом тесного взаимодействия с центральными и региональными органами власти, внутри церковной организации, между священнослужителями и паствой. В условиях поликонфессиональной мозаичности социума Азиатской

⁷² Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. С. 86.

России, религиозно-просветительская деятельность РПЦ, ставшая основной функцией её представителей в колониационном процессе, предполагала разработку множества сценариев, посредством которых вовлечение населения региона в круг церковного влияния и патерналистской опеки, способствовало социальной адаптации людей и, таким образом, являлась системной частью имперского проекта освоение восточных окраин.

Для решения задач диссертационного сочинения и достижения цели исследования были востребованы специальные методы: метод деконструкции дискурсов, проблемно-хронологический и историко-сравнительный методы.

Метод деконструкции дискурсов, как весьма значимый в постмодернистских практиках историописания, дал возможность выявить социокультурный контекст формирования представлений власти и общества о статусе и функциях Русской православной церкви в колониационном деле пореформенной России, а также выявить языковые практики их трансляции. Опираясь на принципы типологизации дискурса, предложенные в современных историко-философских исследованиях⁷³, автор исследования вычленил первичный дискурс, репрезентируемый на различных его «площадках» (периодическая печать, воспоминания, переписка, светское и церковное делопроизводство, нормативно-правовые акты) и содержащий исторический нарратив, отражавший непосредственную реакцию власти и общества на религиозно-просветительскую и миссионерскую деятельность РПЦ как актора политики внутренней колонизации. Выделение вторичного дискурса связано с аккомодацией исторического самосознания исследователя, воспринимавшего и интерпретировавшего содержание текстов, погружённых в социокультурную ситуацию второй половины XIX – начала XX вв. и конструированием исторических событий в собственном сознании, что способствовало более

⁷³ Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru». 2015. Том 2. № 2. С. 8–16.

глубокому проникновению в культурную ситуацию эпохи и авторскому «переживанию» опыта субъектов исторического процесса.

Проблемно-хронологический метод позволил поместить представления о путях включения РПЦ в реализацию имперских задач колонизационного дела на восточных окраинах, а также практики осуществления этих представлений в широкий временной диапазон второй половины XIX – начала XX вв. В процессе поиска ответов на поставленные задачи, в рамках проблемно-хронологического подхода, деятельность Русской православной церкви как актора политики внутренней колонизации оценивалась с учётом тех изменений, которые охватывали область государственной конфессиональной политики в центре и на окраинах страны, инструментальных возможностей РПЦ в условиях смены вероисповедного курса, адаптивных сценариев деятельности церкви в условиях реформ и социальных потрясений.

Применение *историко-сравнительного* метода способствовало выявлению реакции представителей различных идейных направлений общественно-политического спектра России на идеологический потенциал РПЦ как актора колонизационной политики, обоснованию форм, методов и практик коммуникации церкви и общества в обстоятельствах мультикультурализма восточных окраин Российской империи.

При формировании и описании *источниковой базы диссертационного исследования* учитывались знаковые изменения, произошедшие в социокультурной и теоретико-познавательной ситуации последней трети XX — начале XXI в., в параметрах которой источниковедение выступает как интегрирующее начало гуманитаристики, поскольку его предмет - исторический источник, понимаемый как культурный феномен, как продукт творчества человека и социума в широком смысле. По констатации М.Ф. Румянцевой, «современное источниковедение принципиально полидисциплинарно, оно обращается ко всей совокупности произведений культуры с целью понимания

Другого (человека, социума, культуры), расширения на этой основе опыта собственной культуры, обогащения мировосприятия»⁷⁴, что свидетельствует как о продолжающейся антропологизации исторической науки, так и возможности поиска новых подходов к историописанию и иерархии привлекаемых к работе видов источников.

Принимая во внимание, что включение Русской православной церкви в сферу осмысления, формулирования и реализации имперской политики внутренней колонизации Западной Сибири и Степного края в пореформенный период являлось продуктом долгосрочного общественно-политического дискурса, источниковый фундамент диссертации составили следующие видовые группы: материалы периодической печати, источники личного происхождения, в том числе эго-тексты, задежавшие эмоционально-экспрессивную реакцию их авторов, законодательные акты и делопроизводственные документы, справочно-статистические материалы.

I. Материалы периодической печати.

Позиционирование Русской православной церкви как актора политики внутренней колонизации Западной Сибири и Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. являлось интеллектуальным конструктом, производным дискурса, репрезентируемого на страницах светской и церковной периодической печати центрального и регионального уровней.

В дискурс светской российско-сибирской периодической печати (газет, «толстых» и «тонких» журналов), косвенно затрагивавшем тему инкорпорации РПЦ в сферу принятия государственно-политических решений, включались важные для исследования сюжеты, связанные с представлениями различных идеологических направлений общественно-политического спектра об

⁷⁴ Источниковедение: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др. ; отв. ред. М. Ф. Румянцев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С.7.

организации, содержания, субъектах колонизационного дела в России. Так, периодические издания национал-консервативного толка, в статьях, полемических заметках, публицистических опусах и комментариях своих выдающихся представителей (М.Н. Катков, К.П. Победоносцев, В.П. Мещерский и др.), вопрос о статусе и функциях РПЦ в колонизационном процессе рассматривали в контексте обсуждения общественных представлений о коммуникации (симфонии) церкви и государства, взаимоотношениях пастырей и паствы, религиозном сознании русского народа и его духовно-нравственных основаниях, политических условиях функционирования института РПЦ на окраинах империи⁷⁵.

На страницах газет и журналов либерального направления общественно-политической мысли России второй половины XIX в. деятельность РПЦ как актора колонизации рассматривалась в общерелигиозном и переселенческом контекстах, особо акцентируя внимание на практических вопросах участия церкви в деле обустройства и водворения мигрантов, религиозно-просветительской работы как в сообществе воцерковлённых, так и среди раскольников и сектантов⁷⁶.

⁷⁵ См. об этом: Победоносцев К.П. Московский сборник. М.: Синодальная типография, 1901. 366 с.; Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. М.: Издание С. П. Катковой, 1897-1898; Катков М. Н. Идеология охранительства // Составление, предисловие и комментарии: Климаков Ю. В. / Отв. ред. О. Платонов. М., 2009. 800 с.; Путешествие в Западную Сибирь О. Финша и А. Брема // Русский вестник. 1882. Март. Т.157. С.424; Там же. 1885. Май. Т.177. Современная летопись. С.478-479; Юзефович Б.М. Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России // Там же. 1883. Март. Т.164. С.64; Там же. 1882. Июль. Т.160. Польский суд над русскими в Галиции. С.466-471; Там же. 1884. Ноябрь. Т.174. Современная летопись: Гонение на православие в России. С.371; Велицын А. Немцы на Волге // Там же. 1893. Т.225. Апрель. С.174-175; Из жизни и печати // Там же. 1891. Т.214. Июнь. С. 328-329; Волжский Н. Об улучшении быта духовенства // Там же. 1863. Т.48. Декабрь. С.503.

⁷⁶ О готовности церкви-вагона, предназначенной для Сибирской железной дороги. Современная летопись // Русское богатство. 1896. № 8. С. 361; Г.Г. Обзорение духовных журналов. Миссия и миссионеры // Русское обозрение. 1894. № 8. С.858-868; Внутреннее обозрение: Из отчёта синодального обер-прокурора // Вестник Европы. 1886. № 3. С. 375-383; Из общественной хроники // Там же. 1892. № 1. С.449-452; Рец. на кн.: Дешёвая библиотека русского паломника. Распространение христианства в Сибири // Русская мысль. 1898. № 9. С.379; Рец. на кн.: Догуревич Т. Свет Азии. Распространение христианства в Сибири // Там же. 1898. № 9. С.379; Астырев Н.М. Субботники в России и Сибири // Северный вестник. 1891. №6. С.34-69; Быков А.А. Рец. на кн.: Сырцов И.Я. Самосжигательство сибирских старообрядцев в XVII и XVIII столетии. Тобольск, 1889 // Исторический вестник. 1889. № 12. С.664-665; Е.Р. Бунт раскольников в 1859 г. (Из воспоминаний о Сибири) // Там же. 1893. № 4. С.162-168; И.И.С. Из истории раскола в Томской губернии в XIX веке // Там же. 1901. № 6. С. 1081 – 1110.

Информационная и культурная ценность публикаций в либеральной периодике во многом определяется актуальностью для данного сегмента общественно-политического дискурса переселенческого дела в его сибирском варианте, что было связано с активной включённостью в обсуждение данного вопроса представителей местной интеллигенции – лидеров сибирского областничества. В данной связи, широкий круг вопросов, имевший непосредственное отношение к колонизации, в том числе и учитывавший инкорпорацию РПЦ в колонизационные мероприятия, перемещался на страницы собственно сибирских газет и журналов, ставших по словам Н.М. Ядринцева, заметным явлением в региональном издательском деле⁷⁷. Как утверждал Ядринцев, наряду с правительственными газетами и журналами (губернская и областная печать), во второй половине XIX в. о своей потребности продвигать интересы Сибири в имперской столице, обсуждать насущные вопросы переселения и колонизации, заявили выпускаемая в Иркутске ежедневная газета «Сибирь» (1873-1887 гг.), в Томске - «Сибирская газета» (1881-1888 гг.), «Сибирский вестник» (1885-1906 гг.), «Сибирские отголоски» (1906-1910 гг.), в Тобольске «Сибирский листок» (1890-1919 гг.) и в Санкт-Петербурге – «Восточное обозрение», как специальный орган⁷⁸.

Характерным свойством публикаций в либеральной прессе являлась подчёркнуто критическая риторика, обращённая к содержанию и результатам просветительской и миссионерской работы Русской православной церкви в Западной Сибири и Степном крае, что наглядно репрезентировалось на страницах журнала «Сибирские вопросы», корреспонденты которого последовательно обсуждали культуртрегерский и колонизационный потенциал РПЦ на восточных окраинах империи, выделяя такие важные участки деятельности священнослужителей как народное образование, контакты с индигенными

⁷⁷ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. С.470.

⁷⁸ Там же. С.487.

группами населения, переселенцами и старожилами региона, иноэтничными и иноконфессиональными сообществами⁷⁹.

Церковная периодическая печать представлена в диссертации центральными (Синодальными) и местными (епархиальными) газетами и журналами. Источниковая ценность центральной церковной прессы определялась присутствием на страницах этих изданий нормативно-правовых материалов, регулирующих деятельность РПЦ в границах всего государства, а также статей, заметок, отчётов, посвящённых положению дел церкви в отдельных регионах и епархиях⁸⁰. Одну из главных своих задач синодальные корреспонденты видели в пропаганде религиозных знаний и православной веры путём публикаций просветительского характера, проповедей и статей научно-богословского содержания, а также сведений о церковной жизни в различных местностях Отечества⁸¹, что позволило выявить отношение Святейшего Синода к различным региональным аспектам повседневной жизни пастырей и паствы⁸².

Привлечение к исследованию центральных периодических изданий РПЦ способствовало формированию исследовательских представлений о наиболее остро-дискуссионных темах дискурса церкви как актора политики внутренней колонизации и ориентировало автора на обращение к материалам региональной епархиальной печати как «площадкам» репрезентации колонизационных задач Русской православной церкви непосредственно в Западной Сибири и Степном крае.

⁷⁹ Алтайская миссия в 1907 г. // Сибирские вопросы. 1908. № 29 /30. С.82-87; Бутаков Л. Пастырь // Там же. 1910. № 21. С.3-8; Ершов А.И. Сибирские просветители // Там же. 1910. № 24. С.3-12; Н. Нужна ли в Сибири духовная академия // Там же. 1908. № 31 / 32. С.70-75; Не угашайте света! // Там же. 1908. № 6. С.1-4.

⁸⁰ Церковные ведомости. 1888-1914 гг.

⁸¹ Там же. 1888 - 1914. № № 1-52.

⁸² Боголюбов Д. И. Забытые люди // Миссионерское обозрение. 1897. Июнь. Кн. 1. С. 483–497; Бодянский Н. Деятельность православной миссии // Миссионерское обозрение. 1913. № 4. С. 636–642; Высочайший указ 17 апреля и поворотный шаг в церковной политике Русского государства // Миссионерское обозрение. 1905. Май. С. 1197; Димитрий (Ковальницкий), архиеп. Современные задачи внутренней миссии // Миссионерское обозрение. 1906. № 1. С. 1–5; Кальнев Михаил, свящ. К вопросу о положении миссионеров // Миссионерское обозрение. 1897. Июнь. Кн. 1. С. 479–483.

Источниковая востребованность материалов епархиальной печати определялась несколькими причинами. Во-первых, епархиальные издания (Томские, Тобольские, Омские епархиальные ведомости) выполняли функцию центра коммуникации между священниками, Святейшим Синодом и воцерковлённой паствой, что демонстрировало масштаб вовлечённости церкви в решении государственных колонизационных задач и фиксировалось в программных публикациях⁸³. Во-вторых, официальные епархиальные издания устами своих корреспондентов – церковных деятелей, транслировали представления данного сегмента общества об Азиатской России как части имперского пространства, артикулируя тем самым позицию церкви по вопросам колонизационного строительства на восточных окраинах⁸⁴.

Симптоматично, что актуализация обсуждения на страницах епархиальных изданий спектра колонизационных задач Русской православной церкви на восточных окраинах империи, усиливалась в юбилейные (1882, 1887, 1904) годы, что способствовало концентрации в газетных публикациях сюжетов, иллюстрирующих представления церковных корреспондентов о богослужебных, просветительских, миссионерских функциях РПЦ⁸⁵.

Публикуемые в епархиальной прессе материалы - слова, поучения, беседы, сведения по истории церкви и религии, отчёты церковно-приходских учреждений, заметки, корреспонденции, некрологи, вписывающиеся в коммуникативную модель: власть – редакция; редакция – корреспонденты; корреспонденты – читатели, предоставили возможность не только извлечения информации о статусе и функциях РПЦ в колонизируемом регионе, но и пространстве взаимодействия православного клира, в границах которого проговаривались и выработывались

⁸³ См., например: Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 1. С. 6, 10; Омские епархиальные ведомости. 1898. № 1. Официальная часть. С. 1-6. Неофициальная часть. С. 1-3; Томские епархиальные ведомости. 1880. № 1.

⁸⁴ Тобольские епархиальные ведомости. 1882-1914; Омские епархиальные ведомости. 1898 – 1914; Томские епархиальные ведомости. 1880-1914.

⁸⁵ Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 1-24; Там же. 1887. № 7-24; Томские епархиальные ведомости. 1882. №№ 1; 22-24.

важные политические решения, направленные на инкорпорацию церкви в колониционное дело.

II. Источники личного происхождения.

Одну из определяющих функций в построении источникового ландшафта диссертации выполняют материалы личного происхождения, которые позиционируются в работе не только в качестве хранилища информации о деятельности РПЦ как актора имперской политики внутренней колонизации, но и как эго-тексты, отразившие интеллектуальную рефлексию и субъективные переживания авторов, способствующие конструированию социокультурной атмосферы эпохи.

Привлечённые к работе над диссертацией *мемуары, дневники, письма*, зафиксировавшие как отсроченную во времени, так и сиюминутную реакцию на происходящие события государственных и церковных деятелей, способствовали осмыслению эмоционально-экспрессивного, личностного восприятия содержания колониционного дела в Западной Сибири и Степном крае со стороны имперской администрации и собственно функционеров церкви в исследуемый период.

Источники *мемуарного* характера представлены в работе воспоминаниями крупных государственных чиновников, чьи персональные тексты позволяют составить представление об обстоятельствах государственной колонизации восточных окраин империи, состоянии и организации переселенческого дела во второй половине XIX – начале XX вв., а также личном опыте административной службы, предполагавшей разные форматы и уровни коммуникации.

Так, к работе были привлечены воспоминания о службе в Западной Сибири и Степном крае генерала от инфантерии И.Ф. Бабкова, в равной мере принадлежавшего к государственной бюрократии (военный губернатор Семипалатинской области), научному сообществу (географ) и общественным деятелям (председатель ЗСОИРГО). И.Ф. Бабкова можно маркировать как регионального чиновника нового типа, имперского эксперта, досконально

знавшего нюансы колониционного дела, активно взаимодействовавшего с высшей правительственной бюрократией, мозаичной в конфессиональном отношении, с местной интеллигенцией, по разному оценивавшей возможности института церкви на окраинах, что оказалось запечатлено на страницах его мемуаров и позволило сформировать понимание контекстных условий функционирования РПЦ в азиатской части империи⁸⁶.

В мемуарах А.Н. Куломзина, долгие годы руководившего канцелярией Комитета министров, отражены значимые характеристики функционирования государственного аппарата Российской империи в продолжительный временной период, что позволяет делать выводы о «программном обеспечении» колониционного дела в России: содержании имперского дискурса колонизации, формах, методах и практиках реализации правительственной переселенческой политики в окраинных регионах России. Воспоминания А.Н. Куломзина, в которых органично соединены эпизоды личной и профессиональной биографии высшего правительственного чиновника, дают возможность проследить этапы, а также выявить факторы формирования этоса представителя элиты отечественной бюрократии, в том числе на стадии профессиональной деятельности автора, тесными узами связанной с организацией переселений в Азиатскую Россию в периоды царствования Александра III и Николая II. А.Н. Куломзин, совершив ряд экспертных поездок по Сибири в период 1896 – 1904 гг., предоставлял по их результатам Всеподданейшие отчёты, передав в воспоминаниях их содержание в неформальном изложении. В частности, в мемуарах, репрезентируя своё понимание обширного круга переселенческих вопросов, Куломзин особое место уделит описанию духовных потребностей российских переселенцев, предварив его общей характеристикой церковного и школьного дела в Западной Сибири и

⁸⁶ Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859-1875 г. СПб.: Тип. С.Ф. Киришбаума, 1912. 521 с.

Степном крае. Избранный мемуаристом контекстуальный подход позволил, с опорой на личное осмысление автором объективных трудностей, сопровождавших деятельность служителей клира в отдалённом регионе, выявить причины слабой воцерковлённости старожилов колонизируемых пространств, обосновать органическую потребность переселенческого контингента в опеке и поддержке со стороны церковного ведомства, подчеркнуть потенциально ведущую роль РПЦ в выстраивании контактов с мигрантами из Европейской России⁸⁷.

Большую значимость в источниковом отношении для настоящего исследования представляют *дневники и записки* светских и духовных лиц, оказавшихся в Зауралье в силу разных причин: против своей воли (политические ссылки) или по долгу службы (миссионеры Русской православной церкви).

Дневник известного агронома, учёного и краеведа Н.Л. Скалозубова, отбывавшего на Тобольском севере (Берёзов) административную ссылку в 1906 г. (вместо 5 лет 6 месяцев) насыщен детальными сведениями об образе жизни, хозяйственных занятиях, общественной организации местных инородцев – остяков и самоедов. Яркие картины повседневной жизни тобольских автохтонов как носителей этнокультурных стереотипов поведения в экономической жизни и быту, представленные в дневнике, дают пищу для размышлений о потенциальных трудностях миссионерской деятельности и христианизации коренных народов Азиатской России⁸⁸.

Записки и дневники миссионеров, используемые в работе, обратили исследователя к практическому опыту распространения христианства его непосредственными «агентами» - священнослужителями Русской православной церкви, реализуемому в отдалённых местностях Западной Сибири и Степного края. Ценность миссионерских записок определяется тем, что они, как правило,

⁸⁷ Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 359-904.

⁸⁸ Скалозубов Н.Л. Дневник // Тобольский север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во, 1998. С. 359-391.

публиковались по горячим следам, адресовались современному читателю и носили сугубо практический характер. Авторы записок фиксировали своё видение «проблемных зон» миссионерства и рассчитывали на обратную связь – включение светских и духовных властей в обсуждение и урегулирование текущих сложностей миссионерского дела как части имперской колонизационной политики⁸⁹.

Дневники миссионеров представляют собой вариант пролонгированной реакции авторов на содержание и результаты своей религиозно-пропагандистской деятельности и, в соответствии с жанром, отличаются более глубокой и детальной рефлексией личного участия в миссионерской работе⁹⁰.

Репрезентативность источников личного происхождения усиливается обращением к *эпистолярному наследию* представителей российского истеблишмента второй половины XIX – начала XX вв.: государственной и церковной бюрократии.

В этом ряду заметное место занимает масштабная переписка обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, охватившая продолжительный хронологический отрезок от 1876 до 1905 гг. и включавшая широкий список адресатов⁹¹, в письменной коммуникации с которыми репрезентировались представления обер-прокурора об организации института церкви в России, обеспокоенность снижением авторитета РПЦ в обществе, распространением социального и духовного нигилизма в империи. В данной связи, большую источниковую ценность для исследования имеют письма, адресованные Высокопреосвященнейшему Архиепископу Томскому Макарию,

⁸⁹ См., например: Соколов К. Из записок миссионера Урскульского отделения Алтайской духовной миссии, за 1891 г. // Томские епархиальные ведомости. 1891. № 20. С.12-23; Записки Киргизского миссионера, священника Филарета Синьковского за 1888 год // Томские епархиальные ведомости. 1889. № 9. С.1-23.

⁹⁰ Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии: Сборник архивных документов / Сост. Ю.А. Крейдун. Барнаул: Барнаульская духовная семинария. Барнаул: Алтайский дом печати, 2016. 204 с.

⁹¹ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т.1. М., Петроград: Государственное изд-во, 1923. 439 с.

долгое время возглавлявшего Алтайскую духовную миссию. Переписка позволяет установить отношение К.П. Победоносцева к миссионерскому делу как значимому просветительскому акту. В эпистолярных посланиях уже бывшего на тот момент обер-прокурора Святейшего Синода отчётливо прослеживается мысль о колониционном значении миссионерства, что зафиксировано в тех фрагментах текста, где речь идёт о строительстве церквей и привлечении к христианству широких слоёв невоцерковленного населения⁹².

В свою очередь, внутренний эпистолярный дискурс деятелей РПЦ, запечатлённый в переписке святителя Макария (Невского) с алтайскими миссионерами, даёт возможность составить представление о коммуникативном пространстве миссионерского дела. Митрополит Макарий, будучи последовательно начальником Алтайской и Киргизской духовных миссий, являлся влиятельной фигурой российского клира и в переписке со своими сотрудниками мог рассчитывать на откровенность в обсуждении животрепещущих вопросов миссионерской работы. Переписка подтверждает исследовательский тезис о включённости РПЦ в колониционную работу на востоке страны, что следует из детальной характеристики межличностных отношений миссионеров, обстоятельств служения, религиозной ситуации на Алтае, заинтересованности миссионеров в выстраивании ровных и толерантных межэтнических и межконфессиональных отношений, терпимости в реализации практик распространения христианства в среде коренных народов⁹³.

III. Законодательные источники.

Основными инструментами реализации потенциала РПЦ как актора политики внутренней колонизации являлась религиозно-просветительская и миссионерско-пропагандистская деятельность, адресованная всем слоям

⁹² 38 писем бывшего обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева к Высокопреосвященнейшему Макарию, Архиепископу Томскому. Публикация священника С. П. Дмитриевского. Томск: Типография Приюта и Дома Трудолюбия, 1910. 38 с.

⁹³ Переписка святителя Макария (Невского) с алтайскими миссионерами. Барнаул: Барнаулская духовная семинария, Алтайский дом печати, 2016. 208 с.

населения, что регулировалось законодательно, фиксировалось в *Законах Российской империи*, конкретизировалось в нормативно-правовых актах Святейшего Правительственного Синода и утверждалось Императором.

Нормативно-правовой статус функционирования РПЦ определялся статьями «Полного собрания законов Российской империи»⁹⁴. Данный источник включает в свой состав царские манифесты, именные указы и повеления, определявшие порядок управления Русской православной церковью, проведение церковных реформ, назначения на различные должности высших должностных лиц, правовое положение православного духовенства⁹⁵. Декларируемое в законодательстве господство православия сосуществовало с принципом веротерпимости, который отражался в законах 1719 г., 1721 г. и 1763 г., гласивших, что «все не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского Государства, природные и в подданство принятые, также иностранцы, состоящие в Российской службе или временно в России пребывающие, пользуются повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по ее обрядам»⁹⁶.

Общеправовые предписания, определявшие статус РПЦ в государственном масштабе, выступали юридическим основанием для *циркулярных практик* Святейшего Правительственного Синода, включавших инструкционные правила и административные распоряжения по разным поводам⁹⁷. Ценность данного источника для исследования определяется тем, что поле циркулярных указов являлось всеобъемлющим и охватывало всю палитру деятельности РПЦ в Российской империи, регулируя сферу финансовых внутрицерковных отношений, хозяйственно-экономической деятельности РПЦ и её епархий, организации

⁹⁴ Свод законов Российской империи: в XVI т. СПб., 1913. Т.IX: Свод законов о состояниях. Ст. 15 – 816.

⁹⁵ О вере // Свод законов Российской Империи. Т. 1. Ч. 1. С. 10. Ст. 40.

⁹⁶ О вере // СЗРИ. Т. 1. Ч. 1. С. 11. Ст. 44.

⁹⁷ Циркулярные указы Святейшего Правительственного Синода (1867-1900 гг.). СПб.: Издание продавца И.Л. Тузова, 1901. 448 с.

церковно-приходского образования, проповеднической и миссионерской работы среди населения, брачных отношений паствы.

Принимая во внимание, что практическая деятельность РПЦ на восточных окраинах империи как актора политики внутренней колонизации была тесным образом связана с акциями по распространению христианства в среде языческих народов, а также стремлением вернуть в лоно церкви вероотступников (раскольников и сектантов), особое внимание в работе уделяется правовому регулированию миссионерства и законодательного оформления отношений РПЦ к религиозному инакомыслию.

Миссионерская работа Русской православной церкви регулировалась *Уставом Миссионерского Православного Общества*, находившегося под покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы и наблюдением Святейшего Правительственного Синода⁹⁸. Обращение к материалам Устава позволило выявить диапазон полномочий миссионерских организаций в деле обращения в православную веру нехристиан, проживающих в границах Российской империи, в том числе в пределах Западной Сибири и Степного края⁹⁹.

Значительный объём нормативных правовых актов, регулировавших деятельность раскольников и сектантов, содержалась в специальных подборках указов, регулярно публикуемых, что свидетельствовало об актуальности для империи и Русской православной церкви вопроса о выстраивании отношений с данной частью российского социума, в том числе и в колонизационном ракурсе¹⁰⁰.

⁹⁸ Устав Православного Миссионерского Общества // Таврические епархиальные ведомости. 1870. № 14. С.432-435.

⁹⁹ Там же. С.435.

¹⁰⁰ Введенский А. Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса, 1912; Канторович Я.А. Законы о вере и веротерпимости. С приложением свода разъяснений по кассационным решениям Сената. СПб., 1899; Кузнецов Н.Д. Закон о старообрядческих общинах в связи с отношением церкви и государства. Сергиев Посад, 1910; Чичинадзе Д.В. Сборник законов о расколе и сектантах. СПб., 1899; Скоров А.Ф. Законы о раскольниках и сектантах. М.: 1903; Ясевич-Бородаевская В.И. Борьба за веру: Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии с приложением статей закона и высочайших указов. СПб., 1912;

IV. Делопроизводственные материалы.

Статус, функции и практики РПЦ как актора политики внутренней колонизации Россией Западной Сибири и Степного края в заявленный хронологический период, конструируются с привлечением *материалов светского и церковного официального делопроизводства*, как опубликованного, так и извлечённого из архивохранилищ Российской Федерации.

Восстановление контекстуальных условий внутренней колонизации территорий восточных окраин империи осуществлялось с привлечением документов *светского* характера, иллюстрирующих реакцию имперских властей на ход и организацию переселенческого движения как знакового сюжета колонизационного процесса. В деловой переписке правительственных чиновников репрезентировалось содержание имперского дискурса колонизации, в параметрах которого наиболее активно обсуждаемыми были вопросы о колонизационных возможностях этноконфессиональных групп мигрантов, характере взаимоотношений переселенцев и старожилов в условиях религиозной мозаичности регионов водворения, инкорпорации индигенных народов в российский социум, практиках поддержки Русской православной церкви в сфере противодействия раскольникам и сектантам¹⁰¹.

Материалы *церковного делопроизводства*, привлечённые к исследованию, отразили следующее:

Во-первых, широкий спектр компетенций Святейшего Правительствующего Синода, включавших постановку, обсуждение и принятие решений, касавшихся текущих и перспективных задач общецерковного и внутрिएпархиального характера: назначение, увольнение и перемещение епархиальных архиереев,

¹⁰¹РГИА. Ф.391. Оп.4. Д.1; 263. ГАТО. Ф.3. Оп.44. Д.428; Оп.46. Д. 760; 1119; ЦГА РК. Ф.64. Оп.1. Кн.1. Д. 395; ГИАОО. Ф.86. Оп.1. Д.3., Ф. 3, Оп. 7. Д. 11285, Оп.8. Д.13315.

урегулирование финансовых вопросов РПЦ, выстраивание системных отношений между имперской властью, Синодом, епархиями и причтами¹⁰².

Во-вторых, важной составляющей делопроизводства РПЦ являлись материалы отчётного характера, публикуемые как в виде отдельных изданий, так и представленные в официальных разделах епархиальной периодической печати.

К первой группе значимых для диссертации материалов относятся Всеподданнейшие отчёты обер-прокуроров Святейшего Правительствующего Синода Верховному ктитору Православной Российской Церкви – императору, позволяющие выявить общее состояние православной конфессии по календарным годам в продолжительной ретроспективе. По своей структуре данный вид отчётной документации характеризуется как поставщик сведений о составе Священного Синода, епархиальных архиереях, монастырях и храмах, православном духовенстве и пастве. Ценность отчётов определяется и масштабной территориальной канвой рефлексии деятельности РПЦ, охватывая все регионы Российской империи, в том числе Западную Сибирь и Степной край. Данные Всеподданнейших отчётов предоставляют исследовательскую возможность выявить представления имперской власти и церковных иерархов об основных направлениях и сценариях деятельности Русской православной церкви как актора политики внутренней колонизации на восточных окраинах страны, через характеристики состояния православия в Азиатской России, деятельности Православного Миссионерского Общества, способов противоборства с расколом и сектантством, модели организации церковно-приходского образования в отдалённых регионах¹⁰³.

¹⁰² РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2161, 1872; Ф.797. Оп. 60. Д.5, Оп. 38. Отд.1. Ст.1. Д.24; Ф.804. Оп. 1., д.7, 8, 69, 379, 411.

¹⁰³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Синода по ведомству православного исповедания за 1896—1897 гг. СПб., 1899. 279 с. Прилож.: с. 7; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Синода по ведомству православного исповедания за 1898 год. СПб., 1901. 224 с. Прилож.: с. 7; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. СПб., 1904. 321 с. Прилож.: с. 8; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Синода по ведомству православного исповедания за 1908—1909 гг. СПб., 1911. 663 с. Прилож.: с.

Вторую группу составили отчёты о деятельности православных миссий в Западной Сибири и Степном крае, раскрывающие содержание практической работы представителей РПЦ в сфере распространения христианства среди языческих народов Азиатской России, а также способы коммуникации с адептами религиозного диссидентства и сектантства¹⁰⁴. Привлекаемые отчёты, составленные непосредственными участниками миссионерских партий, наглядно демонстрируют высокий уровень вовлечённости служителей церкви в имперские практики колонизации азиатской периферии, и до известной степени являются отражением представлений государственной власти о методах инкорпорации окраин в общеимперское пространство (русификация – патерналистская опека). Значимость материалов миссионерских учитывается во многом неформальным их характером, что выражалось не только в сухих статистических сведениях о числе лиц, введённых в христианство, территориальном охвате миссионерской деятельности, но и объективных и субъективных обстоятельствах и трудностях осуществления религиозной пропаганды РПЦ.

V. Справочно-статистические материалы.

Ценность для исследования справочно-статистической информации представляется очевидной, так как сведения о составе и движении населения, его этнической и вероисповедной принадлежности, может рассматриваться в качестве исходного материала, своеобразного ориентира для реализации статуса, функций

8; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Синода по ведомству православного исповедания за 1911—1912 гг. СПб., 1913. 336 с. Прилож.: с. 8.

¹⁰⁴ См., например: Отчёт Тобольского епархиального комитета Высочайше утверждённого православного миссионерского общества за 1887 год // Тобольские епархиальные ведомости. 1888. № 11-12. С.126-138; Отчёты Тобольского епархиального комитета Высочайше утверждённого православного миссионерского общества. 1872-1906 гг.; Отчеты Тобольского епархиального комитета Православного Миссионерского Общества за 1900-1910 гг.; Отчёт об Алтайской и Киргизской миссиях за 1883 г. Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1883. С.13-22; Отчёт о состоянии Киргизской миссии Омской епархии за 1898 г. // Омские епархиальные ведомости. 1898. № 18. С.5-18; Отчет Омского епархиального Комитета православного миссионерского общества за 1902 г. // Омские епархиальные ведомости. 1903. №10. С.27-37.

и практик Русской православной церкви в решении колониционных задач на восточных окраинах империи.

Первая группа источников данного вида представлена материалами Всеобщей переписи населения Российской империи, проведённой в 1897 г.¹⁰⁵. Результаты Первой переписи населения были опубликованы в отдельных томах по каждой из губерний и областей, в том числе Томской, Тобольской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей в 1904-1905 гг.¹⁰⁶.

Особую значимость материалы переписи населения приобретают для разделов, посвящённых миссионерской деятельности РПЦ в Западной Сибири и Степном крае, а также коммуникации православных епархий с представителями инославных и нехристианских религиозных объединений, поскольку такого рода работа церковной организации прямо или косвенно зависела от пропорционального соотношения представителей конфессиональных групп.

Ко второй группе принадлежат историко-статистические описания отдельных губерний и епархий Западной Сибири и Степного края, содержащие нюансированные сведения об основных занятиях крестьянства и его образе жизни, церковном строительстве, состоянии школьного дела, религиозно-просветительской работе епархиальных священнослужителей с населением.

Исследование круга проблем, связанных с колониционными усилиями церкви в области аграрных переселений и организации сельскохозяйственного быта мигрантов в местах нового водворения за Уралом, ориентировало на обращение к историко-статистическим описаниям сельской местности Западной Сибири и Степного края, что дало основание говорить об определённой корреляции между хозяйственными успехами переселенцев, уровнем

¹⁰⁵ Общий свод по империи разработанных данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 года. СПб., 1905.

¹⁰⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. LXXIX. Тобольская губерния. СПб., 1904; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. LXXVI. Томская губерния. СПб., 1904; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. LXXXI. Акмолинская область. СПб., 1904; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897г. LXXXIV. Семипалатинская область. СПб., 1905.

коммуникации со служителями церкви и просветительским влиянием учебных учреждений, организованных под эгидой РПЦ¹⁰⁷.

Информация историко-этнографического характера с привлечением данных о составе и состоянии епархий, их исторического пути и традиций, широко представлена в историко-статистических описаниях Томской, Тобольской, а также Акмолинской и Семипалатинской епархий, входивших в её состав¹⁰⁸.

Третью группу составили *справочные материалы* как общего, так и частного характера, имеющие светское и церковное происхождение.

Справочные сведения о составе населения губерний и областей Зауралья, роде занятий и распределении по конфессиям размещены на страницах справочного издания «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», а также опубликованной при содействии Переселенческого управления книги «Азиатская Россия»¹⁰⁹.

В процессе исследования, как хранилища справочной информации были задействованы сведения о епархиях¹¹⁰, а также «Памятные книжки Западной Сибири» и Акмолинской и Семипалатинской областей, которые издавались в

¹⁰⁷ Материалы для изучения быта переселенцев, выдворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.): [В 2-х т.] / Предисл. А. Станкевича. - М., 1895-1897. 2 т. Т. 1 : Историко-статистическое описание 100 поселков. 1895. V, 541 с.; Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей Акмолинской области. Акмолинская область. Омский уезд. Омск, 1902; Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей // Департамент гос. зем. имуществ / Акмолинская область, Акмолинский уезд. Чернигов, 1909; Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей // Департамент гос. зем. имуществ. Акмолинская область, Атбасарский уезд. Чернигов, 1902; Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей // Департамент гос. зем. имуществ / Акмолинская область, Омский уезд. Чернигов, 1902; Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией Ф.А.Щербины. Т.IV, Павлодарский уезд. Воронеж, 1903.

¹⁰⁸ Тобольская епархия. Ч.1-2. Отд. 1-3. Омск: Тип. А. Демидова, 1892; Краткий историко-статистический очерк Томской епархии протоиерея А.А. Мисюрева. Томск: Типо-лит. Макушина, 1892. 76 с.

¹⁰⁹ Россия: полное географическое описание нашего отечества : настольная и дорожная книга для русских людей т. 1-19/ под ред. В.П. Семенова и под общ. руководством П.П. Семенова, вице-пред. Имп. Русского геогр. о-ва и проф. В.И. Ламанского, пред. Отд-ния этнографии Имп. Русского геогр. о-ва ; [предисл.: Вениамин Семенов]. СПб., 1899-1914. Т. 18: Киргизский край: [Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области] / сост. А. Н. Седельников, Л. П. Осипова, А. Н. Букейханов [и др. предисл.: В. Семенов]. 1903; Азиатская Россия: в 3 т. с атласом (полный комплект). Т.1: Люди и порядки за Уралом. Т. 2: Земля и хозяйство. [4]. СПб., 1914.

¹¹⁰ Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск: Тип. «Иртыш», 1914. 1250 с.; Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 г. Тобольск: Тип. Епархиального братства, 1913. 375 с.

конце 90-х годов XIX века областными статистическими комитетами и включали в свой состав материалы по истории и этнографии регионов, организации деятельности в них РПЦ, что позволило хронологически проследить и систематизировать факты, иллюстрирующие вовлечённость церкви в процессы империостроительства на восточных окраинах¹¹¹.

Таким образом, привлечённые к работе над диссертацией источники создали необходимую базу для выявления статуса, функций, формата и механизмов инкорпорации Русской православной церкви в имперскую политику внутренней колонизации России в Западной Сибири и Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв. Обращение к материалам периодической печати, текстам личного происхождения, нормативно-правовым актам, данным церковного и светского делопроизводства, а также справочно-статистическим сведениям, открыло перспективы конструирования пространства общественно-политического дискурса, в котором РПЦ рассматривалась как актор государственной политики внутренней колонизации, включённый в этот процесс в качестве относительно самостоятельно действующего субъекта. В целом, агрегированные источники позволяют решить поставленные в диссертации задачи.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В имперском сегменте общественно-политического дискурса как интеллектуальной рефлексии либеральных реформ 1860-х-1870-х гг. и их последствий для российского социума (рост гражданского самосознания и секуляризация религиозного мировоззрения) во второй половине XIX – начале XX вв. конструируется принципиально новая модель коммуникации

¹¹¹ Памятные книжки Западной Сибири. 1881-1914 гг.; Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 г. Семипалатинск, 1897; Памятная книжка Акмолинской области на 1887 г. (год первый). Адрес-календарь и географические сведения / Сост. И.А. Козлов. Омск, 1887; Памятная книжка Акмолинской области. Омск, 1913; Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской области / под ред. Н. Домнина. Омск, 1909; Обзор Акмолинской области за 1898 год. Омск, 1900; Обзор Акмолинской области за 1881 год. Омск, 1882; Обзор Акмолинской области за 1914 год. Омск, 1915.

Русской православной церкви с государством и обществом. В результате освобождения крестьян, роста миграционной мобильности крестьянства, ставшего основным субъектом колонизации Азиатской России, статус и функции РПЦ в рецепции имперской власти маркируются не только в традиционной риторике духовного наставничества в отношении подавляющей массы воцерковлённого населения, но и формулируется как активное сотрудничество с государством в качестве самостоятельного актора колонизационного дела, инкорпорируемого в сферу решения важнейших внутриполитических задач.

2. Светская российско-сибирская периодическая печать, выступая в качестве «площадки» общественно-политического дискурса колонизации восточных окраин Российской империи, репрезентировала конкурирующие проекты включения РПЦ в колонизационное дело. Издания «охранительного» характера, продвигая идею «собственного Востока России» и теорию социума азиатской периферии как «большой русской нации», воспринимали Русскую православную церковь преимущественно как инструмент этнической русификации и конфессиональной христианизации невоцерковлённых народов Зауралья в процессе административно-территориального утверждения государства в регионе. Либеральная пресса, отстаивающая колониальный статус Азиатской России и транслирующая критическую позицию относительно масштабных, но абстрактных и далёких от колонизационных реалий представлений национал-консерваторов о задачах православной церкви, на первый план выдвигала сугубо практическую адаптационную функцию РПЦ, ориентированную на предоставление пастве широкого спектра «услуг» просветительского содержания.
3. Саморепрезентация РПЦ как актора политики внутренней колонизации Западной Сибири и Степного края, транслируемая на страницах официальной церковной периодики, явилась результатом дистилляции «охранительного» и

либерального дискурсов. В представлениях корреспондентов изданий как части профессионального сообщества священнослужителей, обсуждение, формулирование и реализация миссионерских и религиозно-просветительских задач в отношении периферийных территорий и этноконфессиональных групп, обладают смысловым единством и направлены на воплощение как идейных (торжество православия), так и сугубо практических функций Русской Православной Церкви (материальная и духовная поддержка паствы).

4. Функции Русской православной церкви как актора политики внутренней колонизации империи в Западной Сибири и Степном крае наиболее полно реализовались в миссионерской деятельности. Принципы патернализма и создания благоприятных условий для «взросления» автохтонных народов, выступавшие как основания имперской политики на окраинах, максимально соответствовали представлениям церковных иерархов и священнослужителей о христианизации языческих народов как абсолютном благе. Симфоническое единство государства и церкви в понимании цели и задач миссионерства предоставило РПЦ широкие полномочия для религиозной пропаганды и просветительской деятельности в отдалённых зонах региона, часто недоступных для активного государственно-административного вмешательства. Несмотря на отдельные неудачи в миссионерской практике, сам факт присутствия в районах Тобольского севера или киргизских кочевий представителей РПЦ, придавал миссиям статус колонизационного форпоста, создавая первоначальные условия для аграрного освоения и распространения гражданственности.
5. В ситуации массовых аграрных переселений, резко увеличивших присутствие в регионах колонизации числа представителей не православного и не христианского вероисповедания, а также сектантов, поле деятельности РПЦ как актора политики внутренней колонизации существенно

расширилось. В начале XX в. на фоне важных политических решений (Манифест 17 октября 1905 г., провозгласивший веротерпимость и Столыпинская аграрная реформа, стимулировавшая переселения), Русская православная церковь на восточных окраинах империи разрабатывает стратегии деятельности адекватные вызовам времени. Высокий хозяйственно-экономический потенциал иноконфессиональных групп и расколосектантских сообществ, востребованный в обстоятельствах аграрной колонизации, ориентирует церковь не столько на ожесточённую борьбу с иноверцами, сколько на формирование мирных алгоритмов религиозно-просветительской работы среди всего населения Западной Сибири и Степного края, разграничению сфер влияния РПЦ и других конфессий и религиозных объединений.

6. Вовлечение церкви в практическую деятельность в местах водворения в Западной Сибири и Степном крае переселенцев из европейской части России стало фактором институционального «ренессанса» РПЦ, в аспекте восстановления влияния на общество и распространения его вширь. Расширение зоны аграрной колонизации, и как следствие, распространение в границах осваиваемого пространства русского православного населения, ставило церковь, её епархии и приходы не только в ситуацию ведения активной религиозно-просветительской работы, но и усиленной коммуникации с крестьянством как сословием, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, что требовало разработки совместных адаптивных стратегий поведения в природно-географических, хозяйственно-экономических, этноконфессиональных условиях региона водворения.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в исследовательской практике Русская православная церковь позиционируется как актор имперской политики внутренней колонизации Западной Сибири и Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. В работе конструируется

коммуникативное пространство общественно-политического дискурса, репрезентировавшего представление имперской власти, идейно-политических направлений и служителей РПЦ о статусе и функциях церкви в решении перспективных и текущих задач колонизации восточной периферии империи, что задало формат для практической деятельности всех уровней российской церковной организации в осуществлении колонизационного дела. С опорой на широкий круг источников, иерархия которых выстраивается в соответствии с авторским представлением об их ценности и репрезентативности в исследовании, установлены факторы, условия и результаты инкорпорации Русской православной церкви в сферу обсуждения, принятия решений и реализации имперских задач, направленных на социокультурное освоение Западной Сибири и Степного края в пореформенный период отечественной истории.

Теоретическая значимость исследования определяется обращением к исследовательским практикам «новой истории империи», что предоставило возможность с опорой на корпус разнохарактерных источников воссоздать статус, функции и деятельностный опыт Русской православной церкви в контексте процесса внутренней колонизации, в границах которого она вступала в коммуникации с имперской властью и социумом, приобретая и реализуя относительную свободу действий и институциональную автономность в качестве актора колонизации восточных окраин страны. Привлечение подходов «новой локальной истории» как части проекта «новой социокультурной истории» позволило маркировать РПЦ как локальное сообщество, объединённое общей идентичностью и, как следствие, способностью к сотрудничеству с имперской властью в решении ключевых задач колонизации и империостроительства в азиатской части Российской империи, в том числе и на основе обнаружения общности подходов в осуществлении конфессиональной политики.

Практическая значимость исследования. Результаты диссертации могут быть использованы при написании научных трудов в рамках разработки

различных проектов «новой истории империи» и «новой социокультурной истории», включающих описания дискурсов и практик Русской православной церкви на разных стадиях отечественного исторического процесса, учебных пособий по истории РПЦ, истории России и Сибири второй половины XIX – начала XX вв., подготовке спецсеминаров и спецкурсов по отечественной истории.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были обсуждены на кафедре отечественной истории Омского государственного педагогического университета и представлены на всероссийских и международных научных конференциях: «Азиатская Россия в имперских проектах и практиках XVIII – XX в.» (Омск, 2021 г.), VI Ядринцевские чтения (Омск, 2021 г.), «Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований» (Барнаул, 2022 г.), «Природное и историко-культурное наследие Сибири: прошлое, настоящее, будущее» (Тобольск, 2022 г.), «Петровские образовательные чтения» (Магнитогорск, 2022). Основные результаты диссертационного исследования нашли отражение в 11 публикациях, 3 из которых изданы в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура исследования включает в себя введение, две главы, шесть параграфов, заключение, список использованных источников и литературы.

Глава 1. Статус и функции Русской православной церкви в колониационном процессе в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX вв.

1.1. Русская православная церковь как инструмент внутренней колонизации окраин России в рецепции имперской власти.

Тема внутренней колонизации окраин Российской империи стабильно является предметом оживлённых дискуссий в отечественной и зарубежной исторической науке. В последние два десятилетия интерес к колониационной проблематике актуализировался в контексте антропологизации исторического знания, что предопределило усиленную научную рефлексию, направленную на новое прочтение старых сюжетов российской имперской истории, осмысление моделей имперской политики на окраинах, практик управления периферийными регионами в условиях их этнического и конфессионального многообразия.

В данной связи вопрос о значимой роли православного христианства в русской культуре и общественной жизни традиционно является одним из ключевых в исследованиях гуманитарного спектра, а тема участия Русской православной церкви в государственном и социальном строительстве, раскрывающая различные грани и возможности реализации её влияния, и вовсе имеет обширную историографию¹¹².

В то же время вне поля зрения исследователей часто оставались проблемы кризисных периодов функционирования РПЦ, репрезентации представлений власти и общества о подвижной и сложной картине взаимоотношений церкви со своей паствой, формах и инструментах трансляции духовного наставничества.

¹¹² См. например: Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. Т.2. Ч.1. М.: «Прогресс-Культура», 1994. 416 с.; Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 421 с.

Во второй половине XIX в. следствием либеральных реформ, процессов экономической, социальной и культурной модернизации страны явилась секуляризация сознания не только образованных слоёв населения, но и крестьянской массы. В пореформенный период в сельском хозяйстве России проявились неблагоприятные признаки аграрно-экологического кризиса, последствия которого усугубились отменой крепостных отношений и ликвидацией помещичьей опеки над крестьянством. Результатом данных процессов стал рост производственной и сословной мобильности земледельческого населения Российской империи, его активная включенность в практики промыслового «отхода», внутрирегиональные и межрегиональные миграции. Вышеперечисленные обстоятельства способствовали постепенному ограничению влияния Русской православной церкви на свою паству¹¹³.

Современники этих процессов в поисках причин снижения религиозности русского народа и слабого влияния официальных православных институций поразному объясняли складывавшуюся ситуацию.

Так, публицист и этнограф А.С. Пругавин указывал на чрезмерную увлечённость образованной части общества экономическими вопросами крестьянской жизни: «...всецело отдавшись изучению крестьянского бюджета и хозяйства...мы совсем забыли справиться: что мужик думает, во что он верит и во что он не верит? Каковы его заветные думы, желания и стремления?»¹¹⁴.

Историк П.Н. Милюков в своих рассуждениях о судьбе Церкви после раскола XVII в.с горечью указывал на развившийся религиозный индифферентизм прихожан, объясняя данный факт тем, что наиболее заинтересованные ушли из

¹¹³ Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.

¹¹⁴ Пругавин А.С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1905. С.107.

ограды господствующей церкви в раскол, следствием чего стала постепенная утрата живой духовной связи между пастырями и паствой¹¹⁵.

Кризисные аспекты функционирования Русской православной церкви в различных регионах Российской империи получили отражение в материалах официального церковного делопроизводства, прежде всего, в журналах заседаний присутствий по делам православного духовенства при Святейшем Синоде¹¹⁶, содержащих переписку о правах духовенства, улучшении его материального состояния и быта и т.д. Безусловно, ключевым являлся вопрос о материальном статусе лиц духовного звания и необходимости «возведения оно на высшую степень гражданского значения»¹¹⁷.

По общему убеждению синодальных чиновников, «...в настоящее время, когда у нас замечается сильное охлаждение к религии, а вследствие того и большой упадок нравственности, особенно необходимо поставить духовенство на ту степень, какая прилична служителям... в делах веры и нравственности»¹¹⁸.

Наибольшую тревогу у синодальной бюрократии вызывало состояние дел, связанных с материальной обеспеченностью служителей церкви в причтах имперской периферии западных окраин страны, где православные приходы «конкурировали» с неправославными (католическими, протестантскими) институциями и в колонизируемых зауральских территориях, слабо интегрированных в общероссийское государственное и церковное пространство¹¹⁹.

В отношении западных губерний Российской империи дискурсивный аспект состояния церковных причтов выстраивался вокруг проблемы конфликта должного с существующей реальностью: священнослужители православного

¹¹⁵ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. Т.2. Ч.1. М.: «Прогресс-Культура», 1994. С.160.

¹¹⁶ РГИА. Ф.804. Оп.1. Р.1-3, Дд.1-379.

¹¹⁷ РГИА. Ф.804. Оп.1. Д.7. Л.1.

¹¹⁸ Там же. Л.1 – 1 об.

¹¹⁹ Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации...С.287.

клира, обладая в поликонфессиональном регионе явными экономическими предпочтениями, предусмотренными специальным Положением 1842 г., не имели реальной возможности их реализовывать. Например, местные помещики, по большей части католики, затрудняли наделение причтов землёй, заводя тяжбы¹²⁰. Данное обстоятельство, в первую очередь, сказывалось на священнослужителе и его семье, который вместо того, чтобы кормить свою паству и заниматься приходом, был вынужден более заботиться о разрешении собственных проблем.

Как сообщал обер-прокурор Святейшего Синода А.П. Ахматов, в таких условиях прихожане нередко охладевали к своим пастырям, чем пользовались римо-католики, переманивая православную паству в католицизм¹²¹.

В отношении обеспеченности духовенства восточных (сибирских) губерний в журналах заседаний присутствий систематически встречаются указания на недостаточность жалования и ограниченность гражданских прав священнослужителей. В частности, в ответах на вопросы, составленные Высочайше учреждённым Присутствием по делам православного духовенства Томской епархии Градо-Барнаульского Петропавловского собора, содержатся подробные сведения о доходах местного причта. Духовенство, отмечая в целом внешне благоприятные условия существования и высокий уровень своих доходов (до 800 руб. на причт)¹²², сетует, что «показанная сумма дохода кажется значительной, но для безбедного существования духовенства – недостаточна, поскольку каждому служителю приходится содержать в общей сложности 5 человек семейства, а для этого потребно в год не менее 250 рублей; священнослужителям необходимо оплачивать обучение детей в семинарии и училище, где плата в среднем составляет 6 рублей в месяц и т.д.»¹²³.

¹²⁰ РГИА. Ф.804. Оп.1. Д.7. Л. 5.

¹²¹ Там же. Л. 5 об. – 6.

¹²² РГИА. Ф. 804. Оп.1. Р.1. Д.69. Л.1.

¹²³ РГИА. Ф. 804. Оп.1. Р.1. Д.69. Л. 1 об.

Несмотря на учреждение в 1862 г. Особого Присутствия по делам православного духовенства для решения вопроса о его материальном обеспечении, расширении личных и гражданских прав священнослужителей, последнее продвигалось с большим трудом. Это неудивительно, ведь даже те немногочисленные личные и гражданские права, которые имели священнослужители, порой было сложно реализовать. Этот вопрос и проблема расширения личных и гражданских прав духовенства стали одной из центральных тем церковного делопроизводственного дискурса.

Как свидетельствуют источники, проблема законодательного ограничения гражданских прав священников, сложности с реализацией уже имевшихся прав не могли не оказывать влияния на авторитет православной церкви среди паствы. Одним из таких ограничений, часто упоминаемым в материалах, можно назвать следующее. Принимающий на себя сан священника или дьякона должен, если он не женат и не желает вступить в монашество, обязательно заключить брак. Комментируя вышеприведенную каноническую норму, чиновник Святейшего Синода отмечал, что при основательности и естественности сего закона он служит важным препятствием к вступлению в священники и дьяконы, поскольку многие не располагают к супружеской жизни, не имея при этом склонности к монашеству¹²⁴, а уволенный по собственному желанию священник не пользуется никакими выгодами от своего состояния, не имея возможности 10 лет после лишения сана служить по гражданскому ведомству¹²⁵.

Постепенная утрата авторитета и влияния РПЦ на собственную паству проявилась и в таком показателе, как происшествия в церквях. Они фиксировались в рапортах секретарей духовных консисторий и в настоящее время доступны для анализа. Фронтальный просмотр такого рода документации (150 дел), относящейся к периоду 1890-1891 гг., позволяет сделать вывод о наиболее

¹²⁴ Там же. Л.18.

¹²⁵ Там же. Л.19.

высокой степени частоты дел о краже церковных денег и имущества (60 эпизодов), поджогах и случайных пожарах (52 эпизода) и преступлений против нравственности (38 эпизодов)¹²⁶.

Всепогоднейшие отчёты обер-прокуроров Святейшего Правительствующего Синода императору выступают важной составляющей дискурса кризисных явлений в религиозной жизни российского социума второй половины XIX – начала XX вв. При работе с такого рода материалом учитывалась его специфика, свойственная документации отчётного характера и предполагающая прежде всего демонстрацию достижений ведомства в деле распространения православия и исключительно позитивного влияния служителей церкви на паству, а также преобладание сведений сугубо информационного характера. Вместе с тем авторы отчётов были объективно лишены возможности отражения в текстах только лишь позитивных процессов, происходивших в церковном ведомстве, особенно в связи с колониальной политикой Российской империи, в условиях которой реализация религиозно-православной политики приходила в соприкосновение с очевидными трудностями. В разделах, посвящённых описанию деятельности Русской православной церкви в Западном Крае, на Кавказе, Приуралье и в Сибири, часто встречаются довольно скептические выводы относительно влияния православия в отдалённых регионах. Так, в отчёте обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева за 1898 г. прямо говорится о негативном влиянии на православную паству в западных губерниях со стороны католического духовенства, крайне нетерпимого ко всему русскому и православному, а также лиц иудейского вероисповедания, вращаясь в среде которых русские люди перенимают «разные дурные привычки обмана,

¹²⁶ РГИА. Ф.797. Оп.60. Д.5 а, 5б.

клятвopеступления и сутяжничества»¹²⁷. Не менее сложной представлялась ситуация и в других отдалённых регионах империи. Так, в Грузинском Экзархате паства в религиозно-нравственном отношении «остаётся в неподвижной косности и отсутствии стремления к просвещению»¹²⁸, в приволжских и приуральских епархиях «сильное не только количеством, но и религиозной своей организацией магометанство не стесняется в выборе способов пропаганды между православными»¹²⁹, а в границах Алтайской миссии (Западная Сибирь), несмотря на длительный срок ее существования, число язычников по-прежнему весьма значительно, достигая 19 512 душ¹³⁰.

К разряду универсальных объяснений относительно невысоких темпов христианизации и воцерковления населения на окраинах империи, по мнению синодальных чиновников, относились разбросанность православного населения на обширном пространстве и отдалённость жительства прихожан от церкви; бедность и малоземельность большинства православных; окружающая иноверная среда¹³¹. При этом весьма показательны, что во всеподданнейших отчётах, вплоть до начала XX в., раздел, посвящённый утверждению веры и благочестия с детальной оценкой положения православия в различных регионах империи, не включал в свой состав зауральские губернии и области, описываемые отдельно и исключительно в связи с постановкой миссионерского дела.

По сути, только отчёты первых годов XX столетия позволяют очертить представления имперской власти в лице высшего синодального чиновничества о колонизационных задачах РПЦ в Западной Сибири и Степном крае. Так, во Всеподданнейшем отчёте Святейшего Правительственного Синода за 1900 г.,

¹²⁷ Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1898 год. СПб.: Синодальная типография, 1901. С.36-38.

¹²⁸ Там же. С.48.

¹²⁹ Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1892 и 1893 гг. СПб.: Синодальная типография, 1895. С.196.

¹³⁰ Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1898 год. СПб.: Синодальная типография, 1901. С. 54.

¹³¹ Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 гг. СПб.: Синодальная типография, 1899. С. 78.

деятельность Русской православной церкви в Сибири ясно демаркируется с традиционной миссионерской работой: «Кроме инородцев, весьма важную заботу православной церкви составляли и составляют переселенцы из Европейской России... Колонизация идёт весьма быстро... с каждым годом увеличивается сеть переселенческих посёлков»¹³².

В документе особо указывается на государственный характер церковного строительства в Зауралье, что свидетельствует о включенности Русской Православной Церкви в систему координат колонизационного дела. В частности, особое внимание в отчете уделено учреждению фонда имени Императора Александра III, ассигнования из которого направлялись на строительство церквей по линии Сибирской железной дороги как основной зоне водворения переселенцев с 1892 г.

Статистика строительства, приведённая в материалах отчёта, наглядно подтверждает единство задач аграрной колонизации с расширением поля церковного влияния в аграрных районах Западной Сибири и Степного края: из 167 церквей, возведённых в Сибири на средства фонда, 100 пришлись на Акмолинскую область и губернии Тобольскую и Томскую¹³³. О Высочайшей поддержке церкви как актора внутренней колонизации красноречиво свидетельствуют приведённые факты личного финансового участия государя-императора в деле церковного строительства, пожертвовавшего 15 тыс. рублей на достройку нескольких церквей в Сибири¹³⁴.

В отчёте за 1902 г., в разделе о религиозном состоянии русского населения епархий Сибири, уже чётко обозначены основные группы населения Зауралья - переселенцы, русские - старожилы, казачество, позиционируемые имперской властью одновременно как акторы колонизации и как субъекты повышенного

¹³²Всепопданейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1900 г. СПб.: Синодальная типография, 1903. С. 148-149.

¹³³Там же. С.149.

¹³⁴Всепопданейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1900 год. СПб.: Синодальная типография, 1903. С.150.

внимания и опеки со стороны института церкви. Поле деятельности церкви в данном контексте вырисовывалось вполне отчетливо: «И отцы благочинные в своих годовых отчётах, и приходские священники, - все единодушно свидетельствуют, что сибирские казаки и крестьяне-старожилы до сих пор к религии относятся холодно... редко посещают богослужение... очень неохотно исполняют христианский долг исповеди и святого причастия, а к обрядам Православной Церкви относятся почти безразлично»¹³⁵.

Рассуждая о причинах сложившегося положения вещей, автор отчёта косвенно указывает на изменяющийся вектор колонизации: от ссыльно-каторжных практик к мирному земледельческому освоению подведомственных империи территорий. Опираясь статистикой по Томской и Омской епархиям, свидетельствовавшей о религиозном нерадении сибиряков, и констатируя, что у коренных сибиряков и казаков равнодушие к удовлетворению религиозных потребностей превратилось чуть ли не в привычку, он приходит к выводу о немалом влиянии на гражданское население ссыльно-каторжных и ссыльно-поселенцев, которые в своём негативном отношении к Церкви нередко находят поддержку в среде местной интеллигенции¹³⁶.

Стремление имперской власти к утверждению статуса церкви как актора колонизации и организатора духовной жизни церковного прихода наглядно проявляется в той части отчета, где говорится о материальном состоянии священнослужителей. Признавая таковое неудовлетворительным, автор подчеркнул, что авторитет церкви и отдельных пастырей резко снижается оттого, что переселенцы видят, как священники сами занимаются сельскохозяйственным трудом, к чему они «относятся крайне несочувственно»¹³⁷.

¹³⁵ Всеподданейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1902 г. СПб.: Синодальная типография, 1905. С. 149.

¹³⁶ Там же. С.152-153.

¹³⁷ Там же. С.164.

С обер-прокурорскими отчётами соприкасаются отдельные размышления о судьбе церкви, представленные в наблюдениях и трудах крупных государственных чиновников и деятелей церковного ведомства.

В известном смысле триггером формирования дискурса Русской православной церкви как актора аграрной колонизации в рецепции имперской власти стало личное ознакомление государя-императора с Сибирью в ходе своего путешествия ещё в ранге наследника в 1891 г. По свидетельству очевидцев, проезжая через Сибирь, будущий император был поражён малым количеством церквей на пути от Владивостока до Уральска, что заставило его уже в 1893 г. поднять вопрос о сооружении храмов по линии железнодорожного строительства за Уралом¹³⁸.

Проблема значимости распространения церковного влияния на восточных окраинах империи в связи с колониационным вопросом становится общим местом во Всеподданейших отчётах правительственных чиновников, а также записках видных государственных деятелей, опубликованных в 1890-х – 1900-х гг. Статс-секретарь А.Н. Куломзин, совершивший в 1896 г. поездку в Сибирь с целью ознакомления с постановкой переселенческого дела, в своём отчёте подчеркнул, что наряду с заботами о хозяйственном обустройстве крестьян-переселенцев значимым является вопрос об удовлетворении духовных потребностей новосёлов, связанный с устройством церквей и школ во вновь образованных посёлках. При этом Куломзин акцентировал внимание на том, что отношение русского крестьянина, прибывшего из европейской части страны, по своей природе глубоко эстетическое: «При всей неприхотливости своих потребностей и происходящей отсюда бедности, при первобытности своей небогатой культуры, при подчас неказистых проявлениях своего грубого еще быта, русский крестьянин в тайнике богато одаренного духа своего несет, однако,

¹³⁸ По чужим краям и по Сибири. Путешествие его императорского Высочества государя наследника цесаревича и Великого князя Николая Александровича. 1891-1892. СПб.: «Семьянин», 1894. 56 с.; Куломзин А.Н. Нужды церковного дела на Сибирской дороге и в Забайкалье // Полоцкие епархиальные ведомости. № 5. 1898. С.200-201.

драгоценный клад, - можно сказать, чисто детскую веру и любовь к храму Божьему»¹³⁹.

Обозначив таким образом культурно-просветительское поле деятельности Русской православной церкви, Куломзин высказал опасение, что в сложившейся обстановке русские люди в Сибири могут сделать шаг назад в своём развитии, поэтому именно церковь должна оградить переселенцев от влияния преступных элементов: ссыльных и раскольников¹⁴⁰.

Прямым подтверждением предоставления РПЦ широкой палитры прав при воцерковлении крестьян-переселенцев, можно считать объявление высшего государственного чиновника о точечной материальной поддержке приходов, расположенных в Тобольской губернии, по линии Сибирской железной дороги: «В настоящее время во все 12 церквей Тобольской губернии разосланы, назначенные Вашим Императорским Величеством, облачения; направляются туда изготовленные на Тюменском заводе звоны из ВЫСОЧАЙШЕ пожертвованной меди и разосланы купленные на пожертвованные суммы священные сосуды»¹⁴¹.

В начале XX в. с продолжавшимся ростом миграционной активности населения и актуализированной потребностью решения аграрного вопроса в центре страны взгляд российской власти на земледельческое освоение Западной Сибири и Степного края всё чаще выходит за рамки переселенческой проблематики с обсуждением сугубо хозяйственно-экономических и финансовых сюжетов переселенческого движения. В оптике властного дискурса продвижение русской оседлости за Урал определяется как колонизация – явление, не ограниченное только перемещением лиц земледельческого сословия, а многоплановый процесс, предполагающий сложную коллаборацию

¹³⁹ Всеподданейший отчёт статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб.: Государственная типографии, 1896. С.123.

¹⁴⁰ Там же. С.125.

¹⁴¹ Там же. С.128.

правительственных учреждений и общества, коммуникативное действия множества акторов, включая и институт церкви.

Чиновник Переселенческого управления МВД В.Ф. Романов писал об этом: «Несчастливая наша централизация и плохое вообще понимание окраинных условий породили ничем не оправдываемый взгляд на Сибирь, степные области, Туркестан, как на обычные Российские губернии...Теперь же мне важно только отметить, что в России не было...специального ведомства колоний, существовавшего во всех крупных государствах Европы, а потому и не было...продуманного колонизационного плана, а было только переселение крестьян, имевшее, несомненно, первостепенное культурно-экономическое значение для наших азиатских владений, но являющееся лишь одной стороной всякой колонизации, требующей одновременно и торгово-промышленных мероприятий»¹⁴².

Председатель Совета Министров П.А. Столыпин по итогам своей ознакомительной поездки в Сибирь и Поволжье в 1910 г. констатировал, что в области сибирского землеустройства центральными являются задачи организационные: подготовка новых кадров и объединение действий правительства с местными силами¹⁴³. Примечательно, что успехи аграрной колонизации в Западной Сибири и Степном крае Столыпин связывал, в первую очередь, с видоизменением системы школьного образования, являвшегося важным составляющим элементом церковно-религиозного просветительства¹⁴⁴.

П.А. Столыпин в своей записке на Высочайшее имя предметно обозначил те инструменты, которые, по его мнению, обеспечили бы эффективное сотрудничество государства и Русской православной церкви в колонизационном

¹⁴² Романов В.Ф. Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг. СПб.: Нестор – История, 2012. С.146-147.

¹⁴³ Записка Председателя Совета Министров Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. Приложение к Всеподданейшему докладу. СПб.: Государственная типография, 1910. С.167.

¹⁴⁴ Там же. С.168.

вопросе. К таковым он относил учреждение общепользных ссуд и пособий, адресованных не только на строительство храмов и школьных зданий, но и на организацию разъездных причтов там, где нет постоянных церковных приходов; организацию пастырских курсов в Москве с последующей отправкой их выпускников на службу в отдалённые регионы империи; обеспечение равнозначной поддержки церковно-приходских школ и школ Министерства просвещения с привлечением переселенческих кредитов, направляемых в том числе и на материальную поддержку школьных учителей¹⁴⁵.

Наиболее остро тема вовлечения православной церкви в общественно-политическую деятельность, в том числе и колонизационное дело, осваивалась в дискурсе имперских чиновников, имеющих непосредственное отношение к организационной работе в церковной сфере и в области аграрной колонизации. Своеобразным стимулом к дискуссиям стал Указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., наглядно отразивший различия во взглядах представителей церковной и светской элит на роль церкви в России и её имперские функции, что в некоторой степени имело отношение и к процессу инкорпорации РПЦ в решение актуальных колонизационных задач.

Председатель Комитета министров С.Ю. Витте в своём докладе подверг резкой и нелюбезной критике деятельность Русской православной церкви, особо указав на вялость внутренней церковной жизни: отчуждение прихода и особенно образованных слоев общества от своих духовных руководителей; отсутствие живого проповеднического слова, слабость пастырской деятельности духовенства; полный упадок церковной приходской общины с ее просветительными и благотворительными учреждениями; сухость и формальность епархиального, «консисторского» делопроизводства и узко-

¹⁴⁵Записка Председателя Совета Министров Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г... СПб.: Государственная типография, 1910. С.45-46.

бюрократический характер деятельности группирующихся около Синода учреждений¹⁴⁶.

Корни церковных проблем С.Ю. Витте усматривал в реформах, проведённых в эпоху Петра I, полагая, что главной их целью было превращение церкви в подобие государственного учреждения, когда «ведомство православного исповедания правильно организовалось по образцу остальных министерств, с обер-прокурором во главе, который стал представителем церкви пред Государем и в высших государственных учреждениях»¹⁴⁷.

В своем докладе С.Ю. Витте прямо сформулировал основную задачу, которую государство ставит перед церковью, видя в ней своего союзника в реализации имперской политики: «Государству нужна от духовенства сознательная, глубоко продуманная защита его интересов, а не наивная вера в современное положение. Наша духовная школа вся сосредоточилась на истории, на прошлом, она слишком теоретична, оторвана от жизни, и пока останется таковою, все проекты возрождения приходской жизни будут иметь мало успеха...»¹⁴⁸.

Витте резюмировал: «Политика насилия над церковным сознанием, принеся, может быть, некоторую государственную пользу в ближайшее время, в дальнейшем отразилась страшным вредом - тем упадком церковной жизни, с которым приходится считаться теперь»¹⁴⁹.

Основной же его вывод сводился к тому, что церкви необходим союз с государством также, как и государству необходима поддержка церкви, но условия союза между той и другою стороною должны быть равными, и не ослабляющими деятельности ни церковного, ни государственного организма¹⁵⁰.

¹⁴⁶ Историческая переписка о судьбах православной церкви. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1912. С.8.

¹⁴⁷ Там же. С.8-9.

¹⁴⁸ Витте С.Ю. О современном положении православной церкви // Томские епархиальные ведомости. 1905. № 9. С.27.

¹⁴⁹ Там же. С. 28.

¹⁵⁰ Витте С.Ю. О современном положении православной церкви...С. 28.

Отметим, что в публицистическом дискурсе Русской православной церкви, репрезентируемом в высказываниях ее иерархов и высшего чиновничества в лице Святейшего Синода, а также рядовых священнослужителей была запечатлена двойственная позиция относительно статуса и функций православной церкви в новых общественно-политических обстоятельствах, и применительно к организации колонизационного дела на восточных окраинах империи это видение приобретало особое звучание.

Подобно светской власти, представители РПЦ были озабочены поиском алгоритмов сотрудничества с государством в различных областях социально-экономической, политической и культурной жизни Российской империи, при этом основной проблемной зоной для них являлся вопрос: «Что будет служить для духовенства Православной Церкви опорой в деятельности его на защиту истины при новых условиях свободы исповедания веры?»¹⁵¹. В этой связи среди священства было широко распространено опасение о тотальном, регламентирующем деятельность церкви, вмешательстве государства в дело религиозного просветительства и проповедничества. Некоторые риторические конструкции свидетельствуют об этих алармистских настроениях весьма красноречиво: «...нельзя отрицать важного значения правительственной помощи в деле искоренения неверия и нечестия, в борьбе с расколом и сектантством, если помощь эта разумно и целесообразно направлена, но при этом нужно принимать во внимание и обратную сторону дела; правительственное вмешательство придает делу официальную окраску, что внушает недоверие к проповеднику...Официальная постановка деятельности духовенства на поприще борьбы с разного рода заблуждениями, т. е. когда духовенство в этой деятельности опирается на внешнюю силу - власть гражданскую, уже по существу своему не может пользоваться значительным успехом, потому что для

¹⁵¹ Солотчин И. Что будет служить для духовенства Православной Церкви опорой в деятельности его на защиту истины при новых условиях свободы исповедания веры? // Томские епархиальные ведомости. 1905. № 9. С.1-4.

удовлетворения духовно-нравственных потребностей требуется и воздействие духовное...»¹⁵².

Вместе с тем «прогрессивное лобби» Русской православной церкви солидаризировалось с партикулярной властью, в частности с С.Ю. Витте, в вопросе о необходимости повышения образовательного уровня служителей церкви, исходя из того посыла, что религиозная проповедь как средство борьбы с заблуждениями будет эффективной только в устах просвещённого служителя культа. На этом основании делался вывод о том, что «...вера, просвещённая знанием, вполне может заменить пастырю правительственную поддержку в борьбе с религиозными заблуждениями»¹⁵³.

К примирению позиций церковных иерархов с гражданской властью в условиях свободы вероисповеданий в своих многочисленных статьях в печатных изданиях и выступлениях призывал обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев. Заметим, что представления Победоносцева о вариантах сотрудничества государства и церкви сформировались задолго до принятия известных решений о вероисповедной свободе в Российской империи. Свою точку зрения он детально озвучил ещё в публикациях, увидевших свет на рубеже XIX – XX вв., получивших известность благодаря изданному в 1901 г. «Московскому сборнику», в который были включены его избранные статьи. К.П. Победоносцев, в частности, писал: «Главным источником возникших и грозящих ещё усилиться недоразумений между народом и правительствами служит искусственно создаваемая теория отношений между государством и Церковью...Церковь, как общество верующих, не отделяет и не может отделять себя от государства, как общества, соединенного в гражданский союз»¹⁵⁴.

¹⁵² Солотчин И. Что будет служить для духовенства Православной Церкви опорой в деятельности его на защиту истины при новых условиях свободы исповедания веры? // Томские епархиальные ведомости. 1905. № 9. С. 1-2.

¹⁵³ Там же. С. 3-4.

¹⁵⁴ Победоносцев К.П. Церковь и государство // Московский сборник. М.: Синодальная типография, 1901. С. 2.

Полемизируя с С.Ю. Витте, К.П. Победоносцев высказал категорическое несогласие с исключением государства из сферы церковной деятельности, подчеркнув, что в условиях громаднейшей территории, в незаселённых пустынных пространствах, посреди разноплеменного и некультурного населения, православная церковь оказалась бы обездолена без государственной поддержки: «Доныне неразрывная связь государства с Церковью в России считалась основной опорой государства и Церкви, и распадение этой связи считалось гибельным и для Церкви и для государства»¹⁵⁵.

Репрезентация кризиса влияния РПЦ на общество и паству в исследуемый период была представлена и в текстах, исходящих от рядовых деятелей церкви, осуществлявших проповедническую и миссионерскую деятельность в различных частях Российской империи. Авторы специальных справочных работ, посвящённых организации епархий, справедливо считали, что контакт с паствой во многом определяется владением всесторонней информацией о жизнедеятельности приходов. Так, священником Тобольской губернии И. Голошубиным в 1914 г. была подготовлена справочная книга Омской епархии, представлявшая собой подробное описание всех её церквей и приходов¹⁵⁶. По свидетельству автора, главной целью справочника являлась наглядная демонстрация различных сторон духовной жизни приходов, что, по его мнению, позволило бы священникам реально представлять, в каких сферах народной жизни требуется их деятельное участие¹⁵⁷.

Показательно, что автор в своем повествовании довольно часто выходит за рамки заявленного жанра книги (справочное издание), концентрируясь на злободневных проблемах религиозной жизни описываемой местности, в том числе и причинах кризиса влияния Русской православной церкви на общество и паству, а также статуса церкви в колониационном процессе. В частности, он

¹⁵⁵Историческая переписка о судьбах православной церкви. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1912. С.36-37.

¹⁵⁶ Голошубин И.С. Справочная книга Омской епархии. Омск: Тип. «Иртыш», 1914. 1250 с.

¹⁵⁷ Там же. С.П.

связывал снижение воздействия православной церкви на население региона с двумя важными обстоятельствами: рассредоточенностью переселенческого элемента в границах Омской епархии, что географически ограничивало связь людей с церковью, а также строительством сибирской железной дороги и активизацией крестьянских миграций из Европейской России, способствовавших распространению в различных местностях Сибири сектантства (штундизма, духоборства, молоканства), представлявшего даже большую опасность, чем раскол¹⁵⁸. И. Голошубин особо подчёркивал отрицательное воздействие лжеучений на авторитет церкви, настаивая на разработке специальных мероприятий и изыскании способов «для продуктивной борьбы с хищным и опасным врагом»¹⁵⁹.

В конце XIX – начале XX вв. право участия РПЦ в государственных проектах, в частности в колонизационном деле, активно отстаивается сибирскими епархиальными деятелями, что нашло свое выражение в издательской работе. Епархиальная периодическая печать становится «площадкой» репрезентации представлений священства о себе как сообществе, чья практическая деятельность осуществляется в тесном союзе с государством. Священник Климент Скальский во вступительном слове по поводу начала издания «Омских епархиальных ведомостей» очень точно обрисовал возможности совместной работы власти и церкви в реализации колонизационных задач империи: «По благостному хотению Божьему и державному слову Помазанника Его, Благочестивейшего Государя нашего Императора Николая Александровича, три года тому назад среди сибирских степей и пустынь возникла новая православная епархия. Благодаря этому же мощному слову Венценосца, громадные пустыни, вошедшие в пределы Омско-Семипалатинской епархии, бывшие дотоле уделом почти одних только изгнанников и блуждающих во тьме магометанства туземцев, с той поры день за

¹⁵⁸ Голошубин И.С. Справочная книга Омской епархии. Омск: Тип. «Иртыш», 1914. С. 3.

¹⁵⁹ Там же. С.4.

днем все больше и больше, все гуще и гуще заселяются вольными пришельцами из внутренних областей Европейской России. Прежнее отверженное и почти забытое малое стадо Христово, затерянное в массе туземцев-магометан освежается как пришельцами, так и новокрещенцами; церкви Божии, этот неоцененный дар небес, растут, множатся и благоухают среди векового невежества»¹⁶⁰.

В своих рассуждениях Скальский уверенно отмечает, что печатный орган должен сослужить свою службу не только как официальный справочный листок для православного епархиального духовенства, но и быть пищей для ума и сердца старых и новых насельников сибирской епархии¹⁶¹.

Об особой миссии церкви красноречиво свидетельствует заключительный пассаж редакторской статьи: «...а на нашу долю выпадает честь быть первым кормчим этого челнока среди бурь и невзгод житейского сибирского моря»¹⁶².

С не меньшим пафосом, повествуя о задачах учреждённого в 1882 г. периодического издания «Тобольские епархиальные ведомости», редакция газеты призывала к единению всех общественных сил в предстоявшей работе по религиозному просветительству, подчёркивая её общегосударственный характер¹⁶³.

Протоиерей И. Панормов, принимая на себя обязанности главного редактора газеты «Томские епархиальные ведомости», в авторской колонке за 1904 г. также выражал надежду на объединение пастырей и пасомых, подчёркивая важность превращения газеты в «настольную книгу для духовенства и не только для духовенства, но вообще для всех, кто не потерял ещё расположения читать духовное»¹⁶⁴.

¹⁶⁰ Скальский К. Господи, благослови! // Омские епархиальные ведомости. 1898. № 1. С. 2.

¹⁶¹ Там же. С.3.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ От редакции // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 1. С.5-14.

¹⁶⁴ Панормов И. От редактора // Томские епархиальные ведомости. 1904. № 1. С.10.

Характерно, что многие рядовые пастыри, осознавая меняющуюся ситуацию в плане влияния церкви на общество, включались в публицистическую работу, транслируя свои представления о состоянии церковного дела, а также предлагая конкретные способы решения текущих проблем. Так, священник И. Фудель, выражая мнение многих служителей культа, полагал, что влияние церкви как актора империи возрастёт через пропаганду церковной дисциплины в народной жизни. Рассуждая о нравственном кризисе, переживаемом российской деревней, он, знавший крестьянскую жизнь не понаслышке, выделял основные сферы народной жизни, в которых кризис взаимоотношений церкви и общества проявился наиболее наглядно¹⁶⁵.

По его мнению, переломным моментом в жизни российской деревни стали реформы 1860-х гг., приведшие к «одичанию нравов» в семейной жизни и единственным средством противостояния этой моральной коррозии может являться церковь с её Уставами и дисциплинарной властью. Эффективным средством преодоления кризиса авторитета церкви автор называл общеобязательный единообразный порядок, противостоящий сепаратизму и индивидуализму, «еретической недисциплинированности»¹⁶⁶.

Сочленённость церковного дела в Сибири и Степном крае с реализацией имперских задач аграрной колонизации предметно проявлялась в непосредственной коммуникации представителей церкви с главным субъектом колонизационного процесса – крестьянством. В данном отношении показательна речь протоиерея Иоанна Восторгова, произнесённая им 9 июня 1909 г. в Сретенске Забайкальской области в присутствии 6000 переселенцев и маркируемая впоследствии как памятка для переселенцев, идущих в Сибирь.

В своём обширном послании отец Иоанн акцентировал внимание на том обстоятельстве, что переселения народов исторически способствовали

¹⁶⁵ Фудель И. О значении церковной дисциплины в народной жизни. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1900. С.1-2.

¹⁶⁶ Там же. С.2-7.

распространению христианства в общеевропейском и мировом масштабе, заключив: «Народы Европы стали многочисленными и давно приняли христианство. А между тем, в Азии – в Сибири, на Дальнем Востоке, в многолюдном Китае, в Японии, Корее, живут сотни миллионов язычников, живут, не зная о Христе и спасении, живут, не зная, как человеку различать, что добро и святость, и что зло и нечистота, как покаяться в грехе и неправде»¹⁶⁷.

По мнению протоиерея Иоанна Восторгова, русские переселенцы «совершают великий подвиг и для Отечества, имеют великую заслугу и перед Государством. Сибирь мало населена, а Дальний Восток доселе был как бы пустым – так мало там было народа. Опасно для государства иметь такие обширные незаселённые окраины, и при том столь богатые всякими дарами природы; на них с завистью смотрят соседи и при удобном случае непременно захотят их взять»¹⁶⁸.

В послании настойчиво проводится мысль, что переселенцы – не отверженные, и не изгнанники, а «передовые распространители святой нашей веры: передовые борцы и защитники русского Царства»¹⁶⁹.

Отец Иоанн Восторгов в своей речи обозначил главные «территории» коммуникации государства и церкви в колонизационном вопросе. К таковым он отнёс:

- противодействие расколу и уклонению от православия («Знайте, что для русского государства на окраинах сектантство и раскол, противление Церкви и холодность к вере – это самое страшное и опасное зло»¹⁷⁰);

- конфликты этнического и конфессионального характера в переселенческой среде («Вы приедете на новые места жительства, образуете новые поселения. Конечно, там будут с вами жить выходцы из разных губерний, с

¹⁶⁷ Восторгов И.И. Доброе слово переселенцу. М.: Верность, 1910. С.3.

¹⁶⁸ Там же. С.6

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Восторгов И.И. Доброе слово переселенцу. М.: Верность, 1910. С.10.

различными говорами, обычаями, даже и православные, но с отличными от вас обрядами»¹⁷¹);

- «податливость» религиозного чувства православных переселенцев влиянию язычников («Стыдно сказать, иногда русские люди от инородцев – бурят, татар, калмыков, корейцев и китайцев - научаются есть без разбора всякую пищу, не соблюдая поста»¹⁷²);

- значимость крестьянского труда и «безвыходность» крестьянского сословия, сохранить принадлежность к которому можно только через труд и молитву («Этот труд поистине святой, высокий, чистый, важный для людей: он питает веру; он учит терпению и кротости; он сохраняет семью, не терзает душу, не расстраивает здоровье...Как только появились первые дома и жилища, поскорее старайтесь выстроить часовенку, или молитвенный дом, а лучше всего – хоть небольшой храм, а при нём церковную школу и причтовые дома. При помощи Правительства вы легко теперь получить можете ссуду на целые десять лет, без всякой приплаты процентов»¹⁷³).

Таким образом, во внутривосточных и социокультурных обстоятельствах пореформенного времени складывается имперский дискурс, в параметрах которого обсуждаются варианты коммуникации Русской православной церкви и государства в решении ключевых задач империостроительства, в том числе и в области аграрной колонизации восточных окраин страны.

Знаковым сюжетом дискурса являлся вопрос о причинах кризиса института церкви в России и способах его преодоления. Главными участниками дискурса являлись высшие имперские чиновники, в силу своих профессиональных обязанностей включенные в колонизационное дело, представители высшей церковной бюрократии и рядовые священнослужители. «Площадками» дискурса

¹⁷¹ Там же. С.16.

¹⁷² Там же. С.19.

¹⁷³ Там же. С.25.

стали Высочайшие отчёты, записки по результатам ознакомительных поездок в Западную Сибирь и Степной край, выступления, речи, публикации в периодической печати, репрезентировавшие представления имперской власти о моделях сотрудничества церкви и государства в колонизационном вопросе.

Общим итогом имперского дискурса следует считать признание церкви в качестве эффективного актора имперской политики внутренней колонизации на восточной периферии государства, а также потенциальную готовность Русской православной церкви к сотрудничеству с имперской властью в обсуждении и практической реализации колонизационных практик в Западной Сибири и Степном крае.

1.2. Русская православная церковь как актор политики внутренней колонизации Западной Сибири и Степного края в дискурсе светской периодической печати и публицистики.

Неотъемлемой частью современной исследовательской риторики империологии как научного направления стал концепт «внутренняя колонизация», определяемый вне традиционных представлений о содержании отечественного колониационного процесса, сложившихся в историографическом дискурсе второй половины XIX – начала XX вв. В центре вышеназванного концепта располагались практики хозяйственного освоения и административного управления подведомственными государству территориями.

В научных публикациях таких исследователей как А. Эткинд¹⁷⁴, Д. Уффельманн, И. Кукулин¹⁷⁵ оформилось определение внутренней колонизации как регулярных практик колониального управления и знания внутри политических границ государства. В семантических границах данного конструкта позиционируется особый тип отношений между государством и подданными, в котором последние воспринимаются в качестве субалтернов (подчинённых и покорённых), а территория их дислокации - захваченной и загадочной, требующей культуртрегерских усилий со стороны одного центра - империи.

По утверждению Р. Вульпиус, одним из знаковых элементов организации имперского пространства в России XVIII – начала XX вв. и формирования имперской идентичности, в основаниях которой лежало чувство превосходства колонизаторов над колонизируемыми, становится религиозная политика, специфика которой складывалась как следствие долгой и продолжительной территориальной

¹⁷⁴ Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.;

¹⁷⁵ Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей /Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С.6-53.

экспансии России¹⁷⁶. Результатом этой экспансии явилось раздвижение границ империи на юге и на востоке, продвижение российского государства к побережью Тихого океана, включение в общеимперский конструкт территорий Западной и Восточной Сибири, Степного края.

Расширение географических параметров империи, последующая консолидация территорий и их «оцентрирование» объективно требовали конструирования таких идеологических обоснований, в центре которых помещался бы тезис об особой цивилизаторской миссии России в отношении покорённых. В данной связи духовным основанием религиозного строя России являлось доминирующее влияние православия и Русской православной церкви, реализуемое в имперских практиках опеки и патернализма - покровительстве религиозности подданных, абсолютной ортодоксии, монопольном прозелитизме, нетерпимости в отношении деструктивных религиозных объединений, уголовном преследовании за преступления против веры и нравственности. При этом Российская империя в XIX веке уже достаточно уверенно осознавала себя частью европейского мира, что сопровождалось убеждением в абсолютной правильности культуртрегерских акций в отношении «диких и нецивилизованных» народов, живущих в ареале российского пограничья.

Западная Сибирь и Степной край, последовательно выступавшие объектом колониционного «присвоения» Российской империи, определялись российскими интеллектуалами второй половины XIX столетия как «собственный восток России»¹⁷⁷. Эти территории требовали тщательной экспертизы, целью которой в конечном итоге являлось создание условий для аккультурации автохтонного населения, и в этой программе религиозной унификации придавалось особое значение.

¹⁷⁶Вульпиус Р. Вестернизация России и формирование Российской цивилизаторской миссии в XVIII веке // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917): Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: НЛЮ, 2010. С.21.*

¹⁷⁷Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.

Представления о «собственном востоке», ставшие фундаментом религиозной политики в отношении подданных окраин, конструировались в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX вв., репрезентировались в дискурсе светской периодической печати на страницах изданий национал-консервативного и либерального толка и с определёнными коррективами приобретали абрис государственной политики.

Один из представителей национал-консервативных сил России, скрывшийся под псевдонимом В.Н., на страницах журнала «Русский вестник» предельно лаконично обозначил общую позицию консервативного лагеря по основным вопросам окраинной политики: «...мы не должны обольщать себя легкомысленными надеждами, что водворение русской администрации...может вывести...на широкий путь национального развития... без содействия других, более органических сил...Здесь разумеются, во-первых, интересы православной церкви, её предания, и связанные с ними нравственные силы и влияние духовенства...Далее – распространение и упрочение в народе русского языка, как орудия образования и общественного развития»¹⁷⁸.

В дискурсе охранителей выделяются два направления - церковное (синодальное) и светское, представленное соответственно публицистикой обер-прокурора Святейшего Синода (1880-1905 гг.) К.П. Победоносцева¹⁷⁹ и известного российского издателя, журналиста, литературного критика М.Н. Каткова¹⁸⁰. В передовых статьях, полемических заметках, отдельных комментариях видных представителей национал-консервативных сил России, опубликованных на страницах таких изданий, как «Гражданин»¹⁸¹, «Московские

¹⁷⁸В. Н. Интересы русской народности в Западном крае // Русский вестник. 1863. Т.47. Сентябрь. С.431-432.

¹⁷⁹ Победоносцев К.П. Московский сборник. М.: Синодальная типография, 1901. 366 с.

¹⁸⁰ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. М.: Издание С. П. Катковой, 1897-1898.

¹⁸¹ По констатации современников и исследователей, газета-журнал «Гражданин» характеризовалась невысокой популярностью в читательской среде, что было связано с реакционной репутацией издания, основателем которого был В.П. Мещерский. К.П. Победоносцев, активно публиковавшийся в «Гражданине» тщательно, пользуясь псевдонимами, скрывал факт своего сотрудничества с редакцией. Усилиями историка В.В. Ведерникова, было установлено, что К.П. Победоносцев опубликовал в журнале В.П. Мещерского около 40 статей,

ведомости», «Русский вестник», был озвучен и многократно транслирован российскому социуму основной принцип охранительной идеологии, в основании которого была положена концепция симфонии государственной и духовной властей с установлением православия в качестве государственной религии. Основатель и редактор газеты-журнала «Гражданин» В.П. Мещерский в статье-манифесте вышеназванный принцип сформулировал максимально предметно: «...вера русского народа есть глубоко воспринятое душу чувство, которое не покидает каждого простолюдина из русского народа до последней минуты его жизни. А что же внушает ему уважение к царской власти, уважение к всякой власти, терпение и смирение в минуты горя и несчастий, презрение к всему, что страшно, как не та вера, которую он принял от отцов и дедов, как святейшее из наследств? Что же составляет ту охранительную и прочную силу, силу единственную, которая держит в России престол, власть и порядок на этих безмерных пространствах, в этих бесчисленно-разноплеменных народностях, как не православие русского народа? Другого нет ничего в России твердого, прочного и здорового. Оттого-то эта сила так претит четырем исконным врагам России: папе и его иезуитам, русским революционерам и русским чиновникам, не могущим мириться с мыслью, что Россия спасается не ими, а верою русского народа в Христову Церковь. Вы скажете, что эта молитва и эта вера есть исполнение обряда бессознательной веры, веры по привычке. Нет. Надо жить с народом и в народе, чтобы понять, насколько вера его в нем живая и главная часть его жизни. Церковь православная тем и сокровище, что она в нашем народе пребывает везде и всегда»¹⁸².

библиографических обзоров и корреспонденций, значительная часть которых в виде отдельного издания (Московский сборник) увидела свет в 1896 г.

¹⁸² Гражданин. 1877. №19. Л. 469-470.

Показательно, что в творчестве К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова мотив симфонии церкви и государства рассматривается как неотъемлемый элемент национальной безопасности государства.

Победоносцев, в частности, писал: «Самое первое, что теперь нужно России - спокойствие и бодрость духа царя, иначе невозможны ясное сознание и пониманиенастоящего положения и твердость, и энергия действий»¹⁸³ ...«Как бы ни была громадна власть государственная, она утверждается не на ином чем, как на единстве духовного самосознания между народом и правительством, на вере народной: власть подкапывается с той минуты, как начинается раздвоение этого, на вере основанного, сознания»¹⁸⁴.

У М.Н. Каткова обнаруживаем: «У нас весь народ заинтересован в общественной безопасности. Мы имеем исторически сложившиеся сословия, у нас есть сословные общества в городах и селах, которые могут всего лучше способствовать этому главному государственному делу, которое в то же время есть первый интерес всякой местности и всякого обывателя в ней. Не говорильни нам нужны, не словоизвержения об общих принципах и вопросах. Нам нужно действительное участие действительных народных сил в охране общественного спокойствия»¹⁸⁵.

Формирование национал-консервативного сегмента общественно-политического дискурса, репрезентируемого в светской журнальной и газетной прессе, в котором тема коммуникации церкви и государства в колониационном поле заняла своё особое место, происходило на фоне знаковых внутривнутриполитических процессов: отмены крепостного состояния и начала либеральных реформ модернизационного содержания и эскалации сепаратистских тенденций в западной части Российской империи (польский вопрос). Достаточно сказать, что по мнению большинства исследователей,

¹⁸³К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т.1. М., Пг.: Гос. издательство, 1923. С.53.

¹⁸⁴ Победоносцев К.П. Московский сборник. М.: Синодальная типография, 1901. С.1.

¹⁸⁵ Катков М.Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С.96.

трансформация политических взглядов К.П. Победоносцева в охранительном направлении во многом стала следствием польского восстания 1863 – 1864 гг. и роста революционного движения в 1860-х – 1870-х гг., а окончательный переход в консервативный лагерь, сопровождавшийся последовательной критикой законодательных преобразований, модернизации общественного уклада, произошёл после убийства 1 марта 1881 г. императора Александра II и предельно чётко репрезентировался им в период занятия поста обер-прокурора Святейшего Синода (1880-1905 гг.)¹⁸⁶.

Вопрос о месте, статусе и функциональных задачах Русской православной церкви в колониационном процессе в публицистической риторике К.П. Победоносцева формулировался опосредованно через представления о власти, сознании народа, его духовно-нравственных устоях.

Исходной позицией идеологии охранительства К.П. Победоносцева являлось его понимание власти как священного дела, сила которой безгранична не в материальном, а в духовном смысле¹⁸⁷. На данном основании строились и выводы Победоносцева о масштабах и содержании царской власти. Полемизируя с представителями либеральных партий, К.П. Победоносцев обозначил принципиальные расхождения со своими идейными противниками: «По рассуждению наших европейцев петербургских и пр. власть царская не ограничена, и все тут. По нашему, народному, не все: она и не ограничима; ибо, как власть помазанника Божия, она святыня перед церковью, а потому и перед людьми, всеми и каждым, и прежде всех перед самим царем. Святыня же неприкосновенна, стало и неделима»¹⁸⁸.

¹⁸⁶ Рабкина Н.А. К. П. Победоносцев // Вопросы истории. 1995. № 2. С.58-75; Тимошина Е. В. Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К. П. Победоносцев. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2000. 202 с.; Полунов А.Ю. К.П.Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: РОССПЭН, 2010. 374 с.

¹⁸⁷ Победоносцев К.П. Московский сборник. М.: Синодальная типография, 1901. С.300.

¹⁸⁸ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т.1. М., Пг.: Гос. издательство, 1923. С.13.

В рассуждениях К.П. Победоносцева в православии совместная деятельность власти (государства) и церкви по своей природе органична, поэтому теория отношений этих институций является искусственной, грозящей «недоразумениями между народом и правительством»¹⁸⁹.

Одной из первоочередных задач Русской православной церкви в контексте её колонизационных функций К.П. Победоносцев видел в географической широте распространения влияния православного христианства, в том числе и в отдалённых окраинных регионах России: «Что же сказать о множестве затерянных в глубине лесов и широт полей наших храмов, где народ тупо стоит в церкви, ничего не понимая, под козлогласованием дьячка или бормотанием клирика? Увы! Не церковь повинна в этой тупости и не бедный народ повинен: повинен ленивый и не смыслящий служитель церкви; повинна власть церковная, невнимательно и равнодушно распределяющая служителей церкви; повинна, по местам, скудость и беспомощность народная»¹⁹⁰.

В данной связи К.П. Победоносцев как публицист и государственный деятель рецептурно и практически включался в обсуждение наиболее важных с точки зрения церковного строительства на окраинах (Сибири и Степном крае) вопросов. Наиболее детально охранительный дискурс церкви как равноправного актора внутренней колонизации Западной Сибири и Степного края репрезентирован в письмах обер-прокурора Святейшего Синода к высокопреосвященному Макарию Томскому – начальнику Алтайской духовной миссии, переписка с которым охватила продолжительный временной отрезок в 19 лет: с 1887 по 1906 гг. Письменная коммуникация имела частный характер, но после смерти К.П. Победоносцева и издания писем в 1910 г. стала знаковым сюжетом национал-консервативной публицистики.

¹⁸⁹ Победоносцев К.П. Московский сборник. М.: Синодальная типография, 1901. С.2.

¹⁹⁰ Там же. С.261.

Опубликованные послания К.П. Победоносцева примечательны тем, что заселение и освоение восточных окраин империи, в особенности Томской губернии, было тесно связано с миссионерской деятельностью Алтайской духовной миссии Томской епархии, что значительно усиливало колонизационные функции РПЦ и наполняло особым содержанием дискурс охранителей. Сплошной просмотр писем Победоносцева Макарию позволяет выделить довольно широкий круг обсуждаемых вопросов колонизационного характера, входивших в компетенцию Русской православной церкви, а также практических действий, направленных на поддержание миссионерской работы.

Общим местом посланий К.П. Победоносцева является упоминание об отправке через хозяйственное управление Святейшего Синода материальных средств, необходимых для обеспечения публикационной активности служащих миссии в епархиальной печати и финансовой поддержки просветительских инициатив РПЦ в Западной Сибири и Степном крае. Характерно, что публикации в епархиальной прессе имели и обратный эффект, часто становясь важным формальным поводом для поддержки различных низовых инициатив. Так, ознакомившись со статьёй священника Синьковского о нуждах Больше-нарымской школы и сочтя дело полезным, Победоносцев сообщал: «Посылаю Вам особо сто (100) рублей и покорнейше прошу доставить эти деньги по назначению»¹⁹¹; «Сейчас попало мне на глаза в № 5 Томских Епархиальных Ведомостей, в описании поездки Вашей в Нарымский край, на странице 9-й, известие об учительнице деревни Карнауховой, девице Тюменцевой, очень хорошо ведущей школу грамоты и получающей всего 5 рублей в месяц. Достоинство ободрить ее к добрым трудам. Прилагаемые 40 рублей прошу Ваше Преосвященство переслать ей в пособие»¹⁹².

¹⁹¹Победоносцев К.П. 38 писем бывшего обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева к высокопреосвященнейшему Макарию, архиепископу Томскому / [Публикатор: свящ. С. Дмитриевский]. Томск: тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1910. С.5.

Комментируя желание Томской епархии приобрести книги для семинарий, обер-прокурор писал: «...если нужно будет выписать нам для семинарий, то пусть это будет не даром. По телеграмме Вашей Вам отправляю 488 рублей, казенные, а по нынешнему Вашему письму следует лишь 288. Оказывающиеся излишними 200 рублей не трудитесь возвращать. Эта сумма может понадобится на случай выписки экземпляров, и, во всяком случае, пусть будет обращена на нужды Миссии, коих у Вас немало¹⁹³.

Столь же однозначная поддержка направлялась и на церковное строительство, рассматриваемое церковью как фактор влияния на общество в отдалённых регионах империи: «При сем имею честь препроводить сто (100) рублей, пожертвованные состоящим при мне Камергером Ароновым на строение Архиерейского дома в г. Бийске»¹⁹⁴. Или: «Получив сегодня письмо вашего Преосвященства о построении церкви в Киргизской слободе г. Семипалатинска, приложу все старание к успеху сего дела. Жаль, что не сделано еще примерной сметы о способах и стоимости строения по местным условиям. За этим у нас всегда замедляются постройки в отдаленных местностях. На первый раз мог бы я отпустить от 2 до 3 тысяч рублей из имеющегося в моем распоряжении пожертвованного капитала госпожою Медынцевой. Еще несколько сот можно набрать из других средств. Записку о нуждах сей местности напечатаем в «Церковных Ведомостях» на тот конец, не привлекутся ли жертвователи»¹⁹⁵.

Помимо фиксации ключевых задач церкви, решение которых обеспечивалось финансовыми инвестициями, в эпистолярном дискурсе достаточно предметно выделены наиболее проблемные сферы миссионерской деятельности, нуждавшиеся в коррекции.

Так, К.П. Победоносцев в письмах неоднократно указывал на неэффективность насильственного обращения инородцев в христианство: «Очень

¹⁹³ Там же. С.6.

¹⁹⁴ Там же. С.4.

¹⁹⁵ Там же. С.8.

прискорбна последняя история, донныне производящая немало шума. К прискорбию, кажется, несомненно, что исправник не без участия духовенства употреблял насилия и даже истязания при крещении бурят, соединяя еще это крещение с именем Цесаревича...»¹⁹⁶.

Столь же критично оценивалась обер-прокурором и ситуация с малым числом священнослужителей в епархии. Данную проблему К.П. Победоносцев связывал с организацией образовательного пространства в периферийной части империи: «Крайне прискорбно, что у Вас оказывается такой же недостаток в священнослужителях; 32 вакансии! С этою бедой боремся мы немало в отдаленных епархиях, да даже и в ближайших, как, например, Самарской. Семинарии плохо помогают делу, особливо у Вас, где Университет, Бог знает для чего учрежденный, оттягивает, и редко на добро, лучшие силы... Что касается до Духовных Семинарий, то в отдаленных краях надлежало бы учреждать их на особых началах, упрощая курс и сосредоточивая его на существенных предметах, дабы юноши, иногда напыщенные мнимою наукой, не стремились вдаль на широкие поприща. Но, к сожалению, доселе многие не хотят понять сего и настаивают на многопредметности и на расширении путей в Академии. Думаю, что, когда устроится у Вас Церковно-учительская Семинария, она успешнее будет давать Вам людей для клира, а они-то и нужны для народа более, чем ученые-богословы, стремящиеся в город и избегающие узких путей. Вызов желающих ехать в отдаленный край никогда не приносил пользы, ибо на него отзываются лишь захудалые неудачники, или совсем негодные на своем месте клирики»¹⁹⁷.

Показательно, что в охранительном дискурсе вопрос о подготовке квалифицированных кадров для службы в миссии, с точки зрения К.П. Победоносцева, должен был решаться сугубо в рамках церковных

¹⁹⁶Победоносцев К.П. 38 писем бывшего обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева к Высокопреосвященнейшему Макарию, Архиепископу Томскому. Публикация священника С. П. Дмитриевского. Томск: Типография Приюта и Дома Трудолюбия, 1910.С.12.

¹⁹⁷ Там же. С.13.

образовательных институций, что и подчёркивалось в весьма категоричной форме. Отвечая на письмо Макария о священнике, желающем поступить в Университет, обер-прокурор Святейшего Синода писал, что данное прошение «возбуждает важный общий вопрос, требующий разрешения Святейшего Синода, и я полагаю, что слушание университетских лекций будет признано решительно несовместимым с саном и званием священника»¹⁹⁸.

Одной из главных проблем, с которой Русская православная церковь, по мнению К.П. Победоносцева, пришла в соприкосновение в результате либерализации общества во второй половине XIX в., стал кризис традиции и развитие религиозного индифферентизма в обществе. Как считал Победоносцев, прямым результатом этого процесса явился разрыв устоявшихся связей между церковью и государством, сужением поля поддержки церковных институций со стороны гражданских властей: «Ныне больше от нас всюду требуется, нежели мы по силам своим дать можем, и в то же время, быв лишены прежней от гражданских властей поддержки, принуждены одними лишь силами Церкви вести борьбу с плодящимися повсюду лжеучениями, опасными не только для Церкви, но и в особенности для государства ввиду всеобщего упадка нравов, который не может не отражаться и на самом духовенстве»¹⁹⁹.

Коррозия религиозного чувства, как полагал К.П. Победоносцев, имеет обыкновение распространяться и вширь, затрагивая окраинные регионы: «Могу себе представить, сколько смущения и огорчений доставили Вам поднявшиеся в Томске беспорядки безумной толпы студентов. К сожалению, это безумие, подобно заразной болезни, охватило всю Россию. И не было бы оно так повально, когда бы не поддерживалось еще вящим безумием взрослых людей, составляющих у нас общество. Горячка не успокаивается до сих пор, ибо, к

¹⁹⁸ Там же. С.18.

¹⁹⁹ Победоносцев К.П. 38 писем бывшего обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева к Высокопреосвященнейшему Макарию, Архиепископу Томскому. Публикация священника С. П. Дмитриевского. Томск: Типография Приюта и Дома Трудолюбия, 1910. С.17-18.

сожалению, нет еще властной той руки, со властным голосом, который изрек бы: до сего дойдеши и не преjdeши»²⁰⁰.

Колонизационный формат деятельности Русской православной церкви на окраинах империи был присущ и публицистике лидера светского направления М.Н. Каткова.

Определяя соотношение религиозной и национальной идентичности, в одной из своих программных публикаций он сформулировал мысль, кажущуюся, на первый взгляд, парадоксальной: «Национальная Церковь в России есть Церковь Православная, и никакая иная не может быть русским национальным учреждением. Но из этого отнюдь не следует, чтобы люди, исповедующие веру, не признаваемую в качестве русской национальной, не могли быть русскими. Национальность в христианском мире есть дело светское и определяется не религией, а государством»²⁰¹.

Между тем М.Н. Катков подтвердил озвученный ещё в программах российских просветителей XVIII в. тезис, согласно с которым мотив консолидации русской нации на базе культурно-языковых, политических и религиозных оснований является своеобразным вариантом переформатирования старого понятия «народность», ключевым политическим символом империи. Данное положение признавалось априори: «...Россия потому и есть Россия, великая европейская держава, что у неё один государь, одно государственное право, один господствующий язык, одна господствующая вера, одна господствующая народность. Сила русского племени... не стремится к тому, чтобы ассимилировать себе другие народности, языки и исповедания. Русский народ исполнен терпимости и враг всякой исключительности; но он не может отречься от своего значения в государстве, которое создано его громадными

²⁰⁰ Там же. С.19-20.

²⁰¹ Катков М.Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С.414.

усилиями и тяжёлыми трудами. Поэтому все теории, которые приглашают нас обратить всё наше внимание на восток, с тем, чтоб мы отступились от нашего влияния на западе, не могут иметь никакой цены для здравомыслящей и национальной политики. Они столь же мало могут смущать нас, как и льстивые уверения в значении той роли, которую могла бы принять на себя Россия в общем движении панславизма»²⁰².

Высказывания М.Н. Каткова и его прямых сторонников подвели черту под политикой «территориальной христианизации», основными признаками которой в XVIII столетии являлись религиозная нетерпимость, доминирование насильственных мер обращения в православие нехристианского населения империи, и выдвигала новые ориентиры – толерантное отношение к выбору веры при условии сохранения привилегий Русской Православной Церкви и русской нации как титульной в полиэтничном и поликонфессиональном пространстве империи.

М.Н. Катков писал: «В чем же может состоять у нас расширение религиозной свободы, и с какой стороны могут быть заявлены подобные желания? Как католическая, так и другие признанные христианские Церкви пользуются у нас всеми правами и льготами, каких только могут они разумно желать. Вопрос о религиозной свободе совести отнюдь не должен быть поставлен как вопрос расширения прав той или другой иноверческой секты, но как вопрос, касающийся льгот, принадлежащих русским людям»²⁰³.

Следует отметить, что подобные рассуждения в полной мере соответствовали антифедеративному концепту государственного устройства России, репрезентируемому в дискурсе национал-консерватизма. В частности, М.Н. Катков писал: «Негодую и жалуясь на злоупотребления и излишества

²⁰² В-ва Н. П. Общий характер притязаний польской партии в Западном крае // Русский вестник 1863. Т. 46 (август). С. 833–851. с. 845, 847–848

²⁰³ Катков М.Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С.447.

централизации, попробуйте коснуться самого начала, уничтожьте централизацию не в ее злоупотреблениях, а в самом ее корне, – вы убьете целую национальность, вы разрушите труд веков, подорвете основу дальнейшего развития, но зла не уничтожите»²⁰⁴.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в условиях «внутренней колонизации» и продвижения русской оседлости в направлении территорий Западной Сибири и Степного края в дискурсе консервативных сил российского общества мотив первенства православия подчёркивался особенно отчётливо. Так, в учредительном номере издания «Омские епархиальные ведомости» за 1898 г., в редакционной статье священника Климента Скальского отмечается просветительское значение деятельности Русской православной церкви как для коренного населения Степного края, так и русских переселенцев: «Прежнее отверженное и почти забытое малое стадо Христово, затерянное в массе туземцев-магометан освежается, как пришельцами, так и новокрещенцами; церкви Божии, этот неоцененный дар небес, растут, множатся и благоухают среди векового невежества...»²⁰⁵.

Одним из важных элементов дискурса решения национального и конфессионального вопроса в масштабах империи на восточных окраинах страны во второй половине XIX столетия становится проблема аккультурационных практик в отношении инородческого населения, к числу которых эксперты консервативного толка относили активную деятельность православной церкви.

Размышляя о перспективах решения национального и конфессионального вопросов в условиях соперничества христианства, мусульманства и язычества, публицист «Русского вестника» Б.М. Юзефович писал: «Вот почему, в виду стремящейся воспользоваться нашей слабостью и бездеятельностью магометанской пропаганды...расширяющей круг своего влияния и угрожающей

²⁰⁴ Там же. С.110.

²⁰⁵ Омские епархиальные ведомости. Официальная часть № 1. 1898. С.2.

распространить свой религиозно-нравственный авторитет на всём протяжении нашего инородческого востока, поддержание христианской миссии путём деятельных мер к организации её на прочных основаниях...должно входить в число главных задач государства, не только во имя отвлечённых принципов цивилизации, но и практических интересов его внутренней политики»²⁰⁶.

В этой связи Ф. Уманец отмечал, что стремления на Восток и его завоевания недостаточно для выполнения исторической миссии России. Необходимо поддерживать результаты этого завоевания, что невозможно без поддержки русских переселенцев²⁰⁷. Согласно логике автора, создание в России центров корейской, туркменской, хивинской (по сути – инородческих) цивилизаций являлось бы препятствием для поступательного развития сообществ, принадлежавших к европейско-христианскому миру²⁰⁸. Ф. Уманец резюмировал: «Итак, именно для того, чтобы быть полезным человечеству вообще и инородцам в частности, мы должны позаботиться о том, чтобы русский человек, на всех своих вольных землях, занял прочное и влиятельное положение. Чтобы потребовать от него «много», мы не можем дать ему, мало»²⁰⁹.

В дискурсе консерваторов, требующих усиления влиятельности русского сегмента в России и на её окраинах как фундамента религиозной политики отчётливо прослеживался мотив дискредитации колониционных возможностей иноконфессиональных групп. Причём внимание авторов сознательно акцентировалось на этнической и, как следствие, конфессиональной принадлежности субъектов колонизации и пагубном её влиянии на русское население. Так, в редакционной заметке журнала «Русский вестник» в разделе «Из жизни и печати» корреспондент отмечал: «Немецкие колонисты, как сто лет тому назад, так и теперь, не обнаруживают ни малейшего желания стать русскими

²⁰⁶ Юзефович Б.М. Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России // Русский вестник. 1883. Март. Т.164. С.64.

²⁰⁷ Уманец Ф. М. Колонизация свободных земель России. СПб.: Б.м, 1884. С.226-228.

²⁰⁸ Там же. С.228.

²⁰⁹ Там же.

людьми, упорно сохраняют свои обычаи и народность и не только гонят из своих школ русских учителей, но и стараются прививать нашему народу протестантские вероучения»²¹⁰.

В опубликованных в «Русском вестнике» фрагментах книги А. Велицына о состоянии немецких колоний на Волге автор пришёл к весьма странным выводам: «При низком уровне умственного и нравственного развития большинства приволжских немцев, у всех без исключения колонистов чрезвычайно развито чувство национальности, и все они...враждебно и пренебрежительно относятся ко всему русскому...Везде в колониях бьёт живой ключ немецкой национальности. И все они одинаково ревниво охраняют эту свою обособленность и самобытность»²¹¹.

В качестве альтернативного сценария национал-консерваторы предлагали не только руководствоваться лозунгом «лишь та земля является русской, по которой прошёл плуг её пахаря», но и двигаться путём дальнейшего расширения переселенческого дела, отказа от практик частного патроната миграций, считая их продуктом подражания Западу, эскалации сотрудничества государства и православной церкви, что позволит «...воздвигать храмы, строить школьные здания, больницы..., оказывать помощь немощным и страждующим...»²¹².

В данном отношении публицисты консервативного толка обращали внимание на «сильное охлаждение к религии ...и большой упадок нравственности в российском обществе...»²¹³, что отчетливо воспроизводилось на отдалённых окраинах империи, в том числе Западной Сибири и Степном крае. Так, о религиозной индифферентности сибиряков и попадавших под их влияние

²¹⁰ Из жизни и печати // Русский вестник. 1893. Т.225. Март. С.363.

²¹¹ Велицын А. Немцы на Волге // Русский вестник. 1893. Т.225. Апрель. С.174-175.

²¹² Из жизни и печати // Русский вестник. 1891. Т.214. Июнь. С. 328-329.

²¹³ Волжский Н. Об улучшении быта духовенства // Русский вестник. 1863. Т.48. Декабрь. С.503.

переселенцев из Европейской России писали во второй половине XIX в. такие известные эксперты, как В.П. Семёнов-Тян-Шанский, П.П. Сущинский и др.²¹⁴.

По справедливому утверждению М.К. Чуркина, старожилы первого и последующего поколений попадали под мощное воздействие адептов старообрядчества и представителей религиозных сект неправославного толка, естественным образом втягиваясь в конфликт с переселенческой массой, что проявилось в регулярных конфликтах переселенцев и старожилов на религиозной почве в период активизации миграционного процесса конца XIX – начала XX вв.²¹⁵.

В целом, можно утверждать, что в дискурсе национал-консерваторов религиозная политика империи на «восточных окраинах» обсуждалась в общем контексте идей огосударствления территорий, входивших в орбиту геополитических интересов России, центральным звеном которых являлся принцип признания осваиваемых государством пространств как «своих», «русских», что закрепляло преимущество русской, и как следствие православной народности на востоке.

Противоположный взгляд на функции Русской православной церкви в регионах Сибири и Степного края начал конструироваться в 1850-х – 1860-х гг. в дискурсе российской либеральной прессы и публицистики, репрезентировавшей представления о церкви как акторе внутренней колонизации на страницах таких изданий, как «Русское богатство», «Дело», «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Русская мысль», «Русские ведомости».

Отметим, что в журналах либерального спектра российской общественно-политической мысли корреспонденции и тематические очерки, прямо или

²¹⁴Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. СПб.: Изд-во А. Ф. Девриена, 1907. Т.16. 591 с.; Сущинский, П.П. Экономический быт и правовые отношения старожилов и новосёлов на Алтае. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1898. 530 с.

²¹⁵Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX - начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Омский пед. ун-т, 2006. С.287-290.

косвенно посвящённые кругу вопросов о деятельности РПЦ на восточных окраинах в колониационном контексте, рассматривались в двух системах координат: переселенческом и религиозном. По подсчётам автора, в пореформенный период в либеральных журналах переселенческая проблематика как часть колониационного вопроса поднималась более чем в 200 публикациях, охватывая ключевые сюжеты переселенческого дела, такие как: экономические, культурно-психологические причины миграционной активности населения, финансовая и техническая поддержка переселенцев, организация их передвижения и обустройства на новом месте, церковное обеспечение переселенцев и т.д.²¹⁶.

Более предметно тема инкорпорации церкви в решение колониационных задач в центральной журнальной периодике либерального толка просматривается в публикациях и рецензиях общерелигиозного характера. Так, в хронологическом диапазоне 1867-1916 гг. миссионерскому делу в Западной Сибири и Степном крае было посвящено 5 публикаций, в которых детально освещены обстоятельства поездок по миссионерским станам, содержание бесед миссионеров с новокрещёнными, характеристики обращаемых, результаты миссионерской работы²¹⁷. Вопросу о противостоянии расколу и сектантству как акту колониационной работы Русской православной церкви в Зауралье – 6 публикаций²¹⁸. Участию церкви в организации школьного дела и просветительской работе среди паствы – 6 публикаций²¹⁹.

²¹⁶См., например: О готовности церкви-вагона, предназначенной для Сибирской железной дороги. Современная летопись // Русское богатство. 1896. № 8. С. 361.

²¹⁷См. об этом: Г.Г. Обозрение духовных журналов. Миссия и миссионеры // Русское обозрение. 1894. № 8. С.858-868; Внутреннее обозрение: Из отчёта синодального обер-прокурора // Вестник Европы. 1886. № 3. С. 375-383; Из общественной хроники // Там же. 1892. № 1. С.449-452; Рец. на кн.: Дешёвая библиотека русского паломника. Распространение христианства в Сибири // Русская мысль. 1898. № 9. С.379; Рец. на кн.: Догуревич Т. Свет Азии. Распространение христианства в Сибири // Там же. 1898. № 9. С.379.

²¹⁸См. об этом: Астырев Н.М. Субботники в России и Сибири // Северный вестник. 1891. №6. С.34-69; Быков А.А. Рец. на кн.: Сырцов И.Я. Самосжигательство сибирских старообрядцев в XVII и XVIII столетии. Тобольск, 1889 // Исторический вестник. 1889. № 12. С.664-665; Е.Р. Бунт раскольников в 1859 г. (Из воспоминаний о Сибири) // Там же. 1893. № 4. С.162-168; И.И.С. Из истории раскола в Томской губернии в XIX веке // Там же. 1901. № 6. С. 1081 – 1110; Павлов А.А. Самосжигатели и самоутопленники в Сибири в 1782-1783 гг. // Русская старина. 1879.

Незначительное, на первый взгляд, число корреспонденций, посвящённых церкви в аспекте колониационного дела, не должно вводить в заблуждение в силу того обстоятельства, что существовала широкая палитра специализированных «толстых» и «тонких» изданий, выполнявших функцию «площадки» репрезентации позиции РПЦ в духовной сфере и косвенной рефлексии колониационного вопроса («Мир Божий», «Душеполезное чтение», «Странник», «Миссионер», «Православный собеседник», «Христианское чтение» и др.). Принципиальным моментом является то, что центральные издания либеральной принадлежности задавали определённую канву общественно-политическому дискурсу колонизации, позиционируя его как общенародное дело, в котором Русская православная церковь выполняла миссионерские и просветительские функции.

Конкретизация и детализация этих общих задач происходила уже на региональном уровне, отражаясь в публикациях местной сибирской светской печати. По утверждению Н.М. Ядринцева, в XIX в. среди уже многочисленной литературы о Сибири стали выделяться «даже специальные издания, посвящённые изучению Сибири, и в этом отношении драгоценным вкладом в литературу о Сибири явились «Сибирский вестник» 1818 г. и «Азиатский вестник» 1818 – 1825 гг.»²²⁰.

Во второй половине XIX в. наряду с губернской и областной печатью, носившей правительственный характер («Томские» и «Тобольские губернские

№10. С.336-340; Чудновский С.Л. Раскольники на Алтае: (выдержки из дневника) // Северный вестник. 1890. № 9. 2 отд. С.37-74; Шерстобитов А. Старообрядческая энциклопедия: письма из Барнаульского округа // Русское богатство. 1899. № 8. 2 отд. С.127-131.

²¹⁹См. об этом: Лепта в пользу Алтайской миссии // Исторический вестник. 1890. № 7. С.234-235; По школам. Религиозно-нравственные народные чтения в с. Николаевском Змеиногорского округа Томской губернии // Народное образование. 1899. № 6, 7. С.175; Церковно-школьная хроника. Об открытии в Москве пастырских курсов для приготовления кандидатов на священнические места в переселенческих районах // Там же. 1909. № 9. С.259-260; Школьное дело на местах. К прославлению Святителя Иоанна, митрополита Тобольского и всей Сибири // Там же. 1916. № 5 / 6. С.502-504; То же // Там же. 1912. № 5 / 6. С.656; Школьное дело на местах. Старообрядцы в церковно-приходской школе // Там же. 1916. № 4. С. 426-427.

²²⁰ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. С.470.

ведомости», «Акмолинские областные ведомости»), в Иркутске издаётся ежедневная газета «Сибирь» (1873-1887 гг.), в Томске - «Сибирская газета» (1881-1888 гг.), «Сибирский вестник» (1885-1906 гг.), «Сибирские отголоски» (1906-1910 гг.), в Тобольске- «Сибирский листок» (1890-1919 гг.) и в Санкт-Петербурге – «Восточное обозрение» как специальный орган, посвящённый продвижению интересов Сибири в имперской столице²²¹.

В 1905 г. на средства сибиряка В.П. Сукачёва также в столичном городе началось издание журнала «Сибирские вопросы», предметно освещавшего темы образовательного уровня местного населения, их экономического благосостояния, развития местного самоуправления, упорядочения переселенческого дела и правильного разрешения инородческой проблематики, в том числе с упоминанием роли и функций церковной организации в общеколониационном деле.

Отметим, что характерной чертой сибирской либеральной прессы в репрезентациях церкви как актора колониационного процесса являлась достаточно жёсткая и часто нелюбезная критика деятельности Русской православной церкви в различных сферах сибирской жизни и, в первую очередь, в реализации миссионерской функции и просветительских задач в области народного образования. Так, например, из 16 корреспонденций и заметок на церковную тему, опубликованных в период 1908-1912 гг. в журнале «Сибирские вопросы», 5 было посвящено миссионерской работе сибирских епархий, 11 – вопросам школьного (церковно-приходского) образования и статусу региональных священнослужителей²²². О полемическом накале и критическом осмыслении деятельности Русской Православной Церкви в Западной Сибири и Степном крае в исследуемый период непосредственно свидетельствуют даже

²²¹ Там же. С.487.

²²² См. например: Алтайская миссия в 1907 г. // Сибирские вопросы. 1908. № 29 /30. С.82-87; Бутаков Л. Пастырь // Там же. 1910. № 21. С.3-8; Ершов А.И. Сибирские просветители // Там же. 1910. № 24. С.3-12; N. Нужна ли в Сибири духовная академия // Там же. 1908. № 31 / 32. С.70-75.

некоторые названия публикаций: «Тени прошлого», «Крокодиловы слёзы», «Столп утверждения истины», «Нуль», содержание которых далеко от идиллических картин, иллюстрировавших единство церкви, государства и народа в изданиях охранительного толка.

Нельзя не отметить, что критические эскапады либеральных изданий в адрес Русской Православной Церкви основывались на позиционировании Сибири как колонии России, нуждавшейся в опеке и заботе со стороны метрополии. В этой связи корреспонденты газет и журналов в той или иной степени в своих публикациях старались абстрагироваться от провиденциальных лозунгов и задач имперского характера, которыми активно оперировали национал-консерваторы: расширение территориальных владений империи и русификация населения окраин. В одной из программных статей журнала «Сибирские вопросы» с пафосным названием «Не угашайте света» авторы, рассуждая о культурном пробуждении многочисленных народов, населявших пространство Сибири и Степного края, с горечью говорят о том, что в отношении их этнической и религиозной принадлежности местные власти регулярно используют не практики опеки, а практики насильственного принуждения²²³. Данная позиция вполне созвучна мнению статей, очерков и заметок в других изданиях либерального спектра. Так, журналист под псевдонимом «Дионео» в публикации «Из Англии» повествует об особом типе характеристики чужих национальностей (этносов), навеянных дикой злобой и ненавистничеством, которые порождают и националистические лозунги, такие как «Россия для русских!»²²⁴.

Маркируя таким образом принципиальное несовпадение позиций в подходах и практиках колониального дела, либеральные журналисты последовательно фиксировали малую эффективность церковного участия в тех

²²³ Не угашайте света! // Сибирские вопросы. 1908. № 6. С.1-4.

²²⁴ Дионео Из Англии // Русское богатство. 1903. № 6. С. 64.

сферах сибирской жизни, которые находились в компетенции Русской православной церкви как актора колонизации.

В частности, отмечался формальный характер христианизации коренных народов Зауралья, что не являлось фатальным до принятия именного Указа Императора Всероссийского Николая II Правительствующему сенату о введении в Российской империи начал веротерпимости, став позднее знаковым проявлением кризисной ситуации в РПЦ. Корреспондент «Сибирских вопросов» В. Е-в, комментируя действие данного нормативного акта, писал, что «люди, томившиеся в оковах православия, разбили их и...в консистории стали поступать буквально пудами прошения инородцев об исключении их из числа православных»²²⁵.

Определяя эту ситуацию как «православную мышеловку», автор отметил, что таковая становилась постоянным поводом для конфликтов между синодальным центром и епархиями, в которых представители Святейшего Синода, направляемые в регионы для возвращения покинувших лоно православия представителей коренных этносов, активно вмешиваются в проведение религиозно-нравственной работы среди всей паствы, распространяя на переселенческих пунктах и в старожильческих посёлках ультра-черносотенную литературу²²⁶.

Либеральная журналистика весьма скептически оценивала и общую постановку миссионерского дела в Западной Сибири и Степном крае. П.М. Головачёв предпринял попытку анализа фактов обращения инородцев в христианство, опираясь только на сухие статистические данные, которые свидетельствовали о мизерных результатах даже таких хорошо организованных и укомплектованных кадрами учреждений, как Алтайская духовная миссия. Головачёв выяснил, что в 1906 г. миссионерами не было крещено ни одного

²²⁵ Е-в В. Столп утверждения истины // Сибирские вопросы. 1909. № 24. С.20.

²²⁶ Там же. С. 27.

инородца, тогда как случаи уклонения в язычество уже обращённых носили систематический характер²²⁷.

По свидетельству корреспондента, Киргизская миссия, составленная из 23 служащих, обратила в православное христианство всего 19 человек, из которых автохтонов насчитывалось только 8 душ²²⁸. При этом Головачёв с горечью отмечал, что несмотря на незавидные итоги деятельности сибирских миссионеров, в работе очередного миссионерского съезда, проходившего в г. Киев в 1908 г., приняло участие только 2 иерарха и 2 миссионера из Сибири, а вопрос о миссионерстве среди инородцев не только не обсуждался, но и вызвал категорическое нежелание его дискутировать со стороны томского архиепископа Макария²²⁹. П.М. Головачёв резюмировал: «...многие сибирские миссии существуют уже десятки лет, но результаты их деятельности далеко не удовлетворительны. Центр тяжести обращения заключался...в акте крещения, а дальнейшее воздействие миссионеров на обращённых состояло лишь в редком требоисправлении...Всё сводилось к одной форме, видимости, отчётным цифрам»²³⁰.

Резко критическим характеристикам в публикациях либеральных журналистов была подвергнута и деятельность Русской православной церкви в сфере народного образования. В. Моравский, отвечая на эскапады охранителей, обратил внимание на особую роль церковной школы в образовательной политике, подчеркнув, что в Сибири и Степном крае таковая является часто единственным органом распространения образования в местной среде. Однако, по мнению автора, церковь во многом пренебрегла сотрудничеством с общественными

²²⁷ Головачёв П.М. Сибирские миссии // Там же. 1908. № 17 / 18. С. 1-2.

²²⁸ Там же. С.2.

²²⁹ Там же. С. 3.

²³⁰ Там же.

силами, направив свою организационную мощь на борьбу с освободительными (демократическими) идеями²³¹.

В. Моравский подчёркивал, что РПЦ, организуя школьное дело, получила мощную поддержку от государства, иногда даже в ущерб школам Министерства народного просвещения: «...правительство поддерживало церковные школы и крайне индифферентно относилось ко всем правонарушениям, допускаемым духовенством по отношению к местному населению...»²³².

Общий вывод корреспондента сводился к утверждению, что церковно-школьное дело на восточных окраинах развивается крайне медленно (95 школ в год на всё административно-территориальное пространство Зауралья), имеет по преимуществу показательно-формальный характер и подчинено решению политических задач, что резко снижает качество образования среди учащихся.

Считаем нужным заметить, что полемический накал и злободневность публикаций в либеральных сибирских изданиях, проявившиеся в публикациях пореформенного пятидесятилетия, во многом сложились благодаря активной общественно-политической линии сибирских областников (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, С.С. Шашков, П.М. Головачёв и др.).

По мнению исследователей, в начале 1870-х гг. отчётливо наметился процесс эволюции областнической идеологии и «дрейфа» концепции сибирского областничества от революционных к либеральным основаниям²³³. Всё это в целом способствовало и формированию основ либеральной программы, в которой церковно-религиозный вопрос и его интерпретация в условиях государственной колонизации отдалённого и отдельного региона занимал существенное место.

По свидетельству одного из ярких представителей сибирского областничества Г.Н. Потанина, «столичная журналистика в лице Г.Г. Пейзина и

²³¹ Моравский В. Крокодиловы слёзы // Сибирские вопросы. 1909. № 25. С. 23-24.

²³² Там же. С. 24.

²³³ Токмурзаев Б.С., Чуркин М.К., Апашева С.Н. Репрезентации Азиатской России как колонии в эпистолярном дискурсе лидеров сибирского областничества // Былые годы. 2022. № 17 (1). С.340.

И.Н. Березина указала им на два сибирских вопроса, которые им предстояло разрабатывать: вопрос о ссылке и вопрос о колониальной политике»²³⁴. Заметим, что именно тема Сибири как колонии Российской империи стала общим форматом, в рамках которого обсуждались наиболее острые темы взаимоотношений центра и восточных окраин, в том числе политики населения, в которой религиозная принадлежность субъектов колонизации занимала не последнее место.

Своеобразным импульсом к оформлению либерального дискурса стало знаменитое выступление барона Е.К. Мейендорфа на заседании Русского Императорского географического общества в 1861 г., в котором были озвучены аргументы против предоставления возможностей сибирскому обществу развиваться в умственном и материальном отношении, что, по мнению докладчика, неизбежно привело бы к росту сепаратистских настроений и желанию отделению от России²³⁵. Академик К.М. Бэр, присутствовавший на заседании, отвечая на эскапады Мейендорфа, заметил, что отделение земледельческих колоний от метрополий – естественное историческое явление²³⁶.

В результате ожесточённых дискуссий постепенно выработывалась политическая программа сибирского областничества, одно из заметных мест в которой занимал «инородческий» вопрос. Стоит отметить тот факт, что лидеры сибирского областничества своё отношение к проблеме индигенных народов Западной Сибири и Степного края сформулировали на основании серьёзных полевых исследований и богатого экспедиционного опыта, приобретённого в качестве экспертной работы. Так, Н.М. Ядринцев в 1878-1880 гг. был командирован в Алтайский горный округ в

²³⁴ Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири Томск: Паровая типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1907. С.13.

²³⁵ Там же. С.16.

²³⁶ Там же.

качестве исследователя по поручению ЗСОИРГО в Омске²³⁷. Г.Н. Потанин ещё до ареста по делу сибирских сепаратистов в 1864 г. был прикомандирован к Томскому губернскому совету по крестьянским и инородческим делам, публикуя свои соображения в неофициальном разделе газеты «Томские губернские ведомости»²³⁸.

Подчеркнём, что «инородческий» вопрос в дискурсе сибирского либерализма был тесно связан с представлениями его сторонников о религиозной политике на восточных окраинах империи и рассматривался в контексте описания и осмысления взаимоотношений коренных народов Сибири и Степного края с русскими переселенцами.

По предположению Н.М. Ядринцева, культурное влияние русского элемента должно было бы обнаружиться в Сибири при сношениях с инородцами, однако при низком уровне умственного развития русское население оказалось менее стойко, чем можно было ожидать, и само отступило от культуры и подверглось инородческому влиянию²³⁹.

Ссылаясь на исторические акты, Н.М. Ядринцев указывал, что это влияние во многом было подготовлено продолжительным во времени процессом метисации русского населения в Зауралье²⁴⁰, что не могло не оказывать воздействия на образ жизни и духовные стереотипы поведения русского народа в колонизируемом регионе. По мнению учёного, влияние русской народности на коренное население не могло пройти бесследно, но точно также произошло и обратное действие: русские сами восприняли многое от инородцев.

²³⁷Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. С.5.

²³⁸Потанин Г. Н. Исследования и материалы. Алматы: Дайк-пресс, 2006. С.11.

²³⁹Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000..С.173-174.

²⁴⁰Там же. С. 175.

Заимствование инородческой культуры, обычаев и языка русскими на востоке составляет несомненный факт²⁴¹.

Оперируя этнографическими данными, Н.М. Ядринцев пришёл к выводу, сообразно с которым русские Сибири очень часто теряли вместе с типом и свои характеристические признаки: нравы, обычаи, веру и даже язык²⁴².

Н.М. Ядринцев, в частности, писал: «...русские переходят к полигамии, к инородческим воззрениям на женщину; они воспринимают фетишизм, антропоморфизм, шаманизм и идолопоклонство, усваивают предрассудки, приметы и суеверия инородцев, изменяют одежду, переходят к образу жизни и промыслам инородцев, наконец, забывают русский язык и воспринимают инородческий²⁴³.

Сибирские либералы, таким образом, категорически не принимая тезис «охранителей» о восточных окраинах, как России, «перешагнувшей за Урал», настоятельно писали о необходимости признания колониального статуса Сибири и Степного края, что открыло бы перспективы для государственной и общественной культурно-просветительской деятельности в регионе, в том числе и в сфере религиозной политики, постоянно помня, что «при распространении религий, кроме факта восприятия, весьма важно знать, насколько усвоена религия, понята, и поддерживается ли религиозным воспитанием и примером культурной расы²⁴⁴.

Важной составляющей частью либерального дискурса в аспекте религиозной политики являлся вопрос, связанный с учётом интересов всех групп населения в колонизации, включая представителей иноэтничных и иноконфессиональных сообществ. Наиболее предметно представители либерального лагеря выражали особый взгляд на нужды и самопредставления

²⁴¹ Там же. С.196.

²⁴² Там же.

²⁴³ Там же. С.208.

²⁴⁴ Там же. С. 230.

иноэтнических мигрантов в статьях, заметках и программных документах, посвящённых переселенческому вопросу. Так, анонимный автор статьи «Сибирские вопросы и реформы», опубликованной в 1882 г. на страницах газеты «Восточное обозрение», настоятельно требовал признать Сибирь колонией, что, по его мнению, привлечёт общественное внимание к окраине в не меньшей степени, чем к Кавказу или русскому северу²⁴⁵.

Корреспондент под псевдонимом С., размышляя о взаимоотношениях центра и российской периферии, определял Сибирь как «этническое казнохранилище», подчеркивая, что единство территорий в империи не может быть достигнуто по образцу Франции или других европейских государств²⁴⁶.

Авторы либерального толка, конструируя на страницах газеты «Утренняя звезда» образ иноэтнических мигрантов, акцентировали внимание на их колонизационном потенциале: «Люди, примыкавшие к движениям, в основу которых было положено евангельское учение, в конце концов, незаметно для себя приходили к поднятию их экономического благосостояния. Они искали Царство Божие, а богатство человеческое им приложилось»²⁴⁷.

Подводя итог, отметим, что формирование представлений о Русской православной церкви как акторе колонизации Западной Сибири и Степного края происходило в системе координат общественно-политического дискурса, в котором репрезентировалась сложная гамма социальных, политических и культурных представлений о перспективах систематического и институционального влияния православия и церкви на различные категории населения колонизируемых территорий. В качестве одной из таких дискурсивных «площадок» выступала светская российско-сибирская периодическая печать: газеты, «толстые» и «тонкие» журналы. В этом дискурсе наиболее отчётливо

²⁴⁵Сибирские вопросы и реформы // Восточное обозрение. 1882. № 1. С. 11.

²⁴⁶С. Центр и окраины // Восточное обозрение. 1883. № 3. С. 4-5.

²⁴⁷Цит. по: Чуркин М.К. Переселенцы и старожилы Западной Сибири: природно-географические, социально-психологические, этнопсихологические аспекты взаимоотношений в конце XIX - начале XX вв. Омск: Омский пед. ун-т, 2001. С.110.

оказались сформулированы идеи российских национал-консерваторов, последовательно отстаивавших концепт создания «большой русской нации» за Уралом, идеи русификации населения под эгидой государства и Русской православной церкви, а также позиции сибирских либералов, в критическом ключе оценивавших различные виды деятельности церковной организации на восточных окраинах империи, настаивавших на колониальном статусе региона и требовавших максимального учёта этнической, конфессиональной и культурной специфики сибирских территорий, вошедших в круг административного влияния российского государства.

1.3. Представления о колонизационных задачах Русской православной церкви в Западной Сибири и Степном крае в репрезентации официальных церковных изданий.

Продвижение в пореформенный период русской оседлости к восточным рубежам империи, стремительный рост переселенческого движения и активизация крестьянских миграций в Западную Сибирь и Степной край, предполагавшие разработку имперских программ, направленных на координацию этих процессов, в последние десятилетия интенсивно обсуждаются в отечественной историографии²⁴⁸. Очевидно, что в процессе социально-экономического освоения новых территорий азиатской периферии России перед властью и обществом возникал комплекс вопросов, требующих оперативного разрешения. К числу таковых в конце XIX века относились проблемы мирной инкорпорации индигенных народов окраинных областей в российский социум, регулирования отношений между этноконфессиональными группами, локальными сообществами колонизируемых земель, организации управления новыми территориями, что предполагало выработку соответствующих подходов и практик, а также создания «площадок» репрезентации общественного мнения. Важным элементом «политики населения» Российской империи в исследуемый период становилась работа по формированию имперской идентичности всех

²⁴⁸ Тольц В. Российские востоковеды и общеевропейские тенденции в размышлениях об империях конца XIX – начала XX века // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917)*: Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: НЛЮ, 2010. С.266-308; Ремнёв А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков (под общей редакцией Н.Г. Суворовой). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.; Суворова Н.Г., Кадиков Э.Р. Колонизационные тексты имперских экспертов (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2015. №4(8). С. 174–193; Чуркин М.К. «Переселенческое дело» во второй половине XIX – начале XX вв. как сфера интеллектуальной рефлексии и коммуникации российской власти и общества досоветского периода // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: «История»*. 2021. Т.35. С.6-13; Лысенко Н.А. Идеал сибирского священника-миссионера в официальных периодических изданиях Русской Православной Церкви второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2014.

народов, населявших её пределы, а печатные издания, в том числе и церковные, становились пространством общественно-политического дискурса.

В данном отношении обращение к публикациям периодической печати Русской православной церкви открывает широкие перспективы выявления представлений современников событий – выходцев из церковной среды о сложных и противоречивых процессах освоения и «присвоения» Российской империей территорий восточных окраин, административных механизмах управления отдалённым регионом, социальных отношениях. Это тем более существенно, что именно периодическая печать, и, в частности, газеты и журналы в дореволюционной России выступали в качестве важного инструмента репрезентации общественного мнения, являясь одновременно «местом встречи», образующим коммуникативное пространство взаимодействия адресата и адресантов и, как следствие, представителей различных сословий, власти и общества²⁴⁹.

Основными дискурсивными «площадками», в пространстве которых формировались представления служителей церкви о колонизационной программе Российской империи и частных её задачах в отношении окраин, являлись официальные периодические издания РПЦ, к разряду которых относились центральные (Синодальные) и местные (епархиальные) газеты и журналы.

Функцию центральных официальных периодических изданий Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX вв. выполнял первоначально «Церковный вестник» (1875-1917 гг.), уступивший свои позиции главного органа Святейшего Синода журналу «Церковные ведомости» (1888 – 1918 гг.)²⁵⁰. Такая релокация была во многом связана с потребностью главного контролирующего и направляющего печатного органа РПЦ иметь своё собственное издание для точечной публикации всех законоположений и

²⁴⁹Чуркин М.К. Репрезентации идей либерализма в юбилейных корреспонденциях газеты «Русские ведомости» (1863-1913 гг.) // Омский научный вестник. Серия: «Человек. Общество. Культура». 2019. Т.4. № 3. С. 17.

²⁵⁰ Церковные ведомости. 1888. № 1. С.3-4.

правительственных распоряжений по духовному ведомству, что ранее дисперсно воспроизводилось на страницах журналов «Духовная беседа» (1859-1876 гг.) и «Церковный вестник» (1876-1888 гг.).

Формулируя потребность в централизованном способе трансляции нормативной и делопроизводственной информации пастве, редакция «Церковных ведомостей» в номере издания аргументировала организацию своей деятельности следующими соображениями: необходимостью ускоренной и прямой доставки синодальных постановлений до подведомственных лиц и учреждений; потребностью широкого охвата информацией всех причтов России и опровержения ложных сведений о мероприятиях высшего духовного управления; важностью сбора информации о церковно-религиозной жизни империи с целью противостояния сектантству и духовной консолидации православного сообщества²⁵¹.

Исходя из озвученных принципов, Святейший Синод как учредитель журнала определил круг первостепенных задач, адресованных корреспондентам издания, в который входила не только канцелярская работа по публикации законоположений, Высочайших повелений, постановлений и распоряжений по духовному ведомству, но и пропаганда религиозных знаний и православной веры посредством публикаций нравоучительного характера, проповедей и статей научно-богословского содержания, а также сведений о церковной жизни в различных местностях отечества²⁵².

Показательно, что разъяснение программных задач журнала не исчерпывалось только первым номером издания. В течение 1888 г. корреспонденты неоднократно подчёркивали, что одной из важнейших миссий «Церковных ведомостей» является освобождение епархиальных изданий от

²⁵¹ Там же. С.4

²⁵² Церковные ведомости. 1888. № 1. С.4-5.

обязательств публикации официальных церковных материалов, что даёт возможность «направлять свои заботы к выражению местных потребностей»²⁵³.

Тем не менее редакция журнала «Церковные ведомости» как центрального синодального печатного органа регулярно демонстрировала заинтересованность и вовлечённость в обсуждение общегосударственных вопросов, в том числе связанных с задачами колониационного характера. Издание помимо официального «подвала» включало в свой состав и неофициальную часть (прибавления), на страницах которой неизменно ключевыми являлись темы организации епархиальной жизни на восточных окраинах империи, обращения иноверцев и раскольников в православие, деятельности православных миссий в Западной Сибири и Степном крае, функционирования системы народного образования в условиях этнокультурной и конфессиональной мозаичности периферийных территорий.

Следствием журнального «бума», переживаемого в России в 1860-х-1870-х гг. в результате экспонентного роста общественно-политической активности периода реформ и первого пореформенного десятилетия, стало формирование и активное расширение поля деятельности региональной прессы. Важной составляющей данного процесса являлось развитие окраинной журналистики, в том числе православной.

Отметим, что инициатива организации епархиальной периодики принадлежала херсонскому архиепископу Иннокентию (Борисову), внесшему заметный вклад в разработку программы будущей газеты²⁵⁴, ставшей идеологическим фундаментом для аналогичных изданий в масштабах Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. Важно учитывать, что Херсонская губерния как регион учреждения первой епархиальной газеты входила в «черту оседлости» и являлась местом концентрации еврейских и немецких

²⁵³Там же. № 4. С.99.

²⁵⁴ См. об этом: Нетужилов К.Е. Епархиальная периодическая печать в дореволюционной России // // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 7. № 21 (1). С.174-182.

земледельческих колоний, что несомненно способствовало формированию такого тематического спектра публикаций, в котором, помимо официальных и неофициальных аспектов церковного строительства в разных регионах империи, принимались во внимание повседневные проблемы паствы, занятой земледельческим трудом, выстраивались сценарии совместного с государственными учреждениями участия Русской православной церкви в их решении.

Создание епархиальных периодических изданий в Западной Сибири и Степном крае пришлось на период 1880–1890-х гг. (1880 г. – Томск, 1882 г. – Тобольск, 1898 г. – Омск), что было связано с рядом обстоятельств.

Во-первых, становление и включённость епархиальной прессы в обсуждение важнейших государственных вопросов с акцентированием темы народной религиозности и нравственности тесно связано с кризисом влияния РПЦ на российское общество. Очевидно, что во второй половине XIX в. следствием либеральных реформ, процессов экономической, социальной и культурной модернизации страны явилась секуляризация сознания не только образованных слоёв населения, но и крестьянской массы, ставшей титульной частью населения восточных окраин в результате переселенческого движения в пореформенный период. Именно в 1860-х – начале 1870-х гг. в сельском хозяйстве России, выступавшей основным «поставщиком» мигрантов в западную часть Сибири и степные области, проявились неблагоприятные признаки аграрно-экологического кризиса, последствия которого усугубились отменой крепостных отношений и ликвидацией помещичьей опеки над крестьянством. Результатом данных процессов стал рост производственной и сословной мобильности земледельческого населения Российской империи, его активная включённость в практики промыслового «отхода», внутрирегиональные и межрегиональные миграции. Вышеперечисленные обстоятельства способствовали постепенному ограничению влияния Русской православной церкви на свою паству, что

требовало максимальной мобилизации её ресурсов, активной вербализации идей и принципов православной веры в специальных периодических изданиях.

Во-вторых, в ситуации территориальной протяжённости сибирских губерний и административных пространств Степного края епархиальная печать получала важную функцию коммуникационного центра, соединявшего священнослужителей друг с другом и прозелитами, что отражало степень участия церкви в решении государственных колонизационных задач и фиксировалось в программных публикациях региональных изданий. В частности, в Указе Святейшего Синода на имя епископа Тобольского и Сибирского Василия о разрешении издания с 1882 г. «Тобольских епархиальных ведомостей» подчёркивалась как значимость совместных действий представителей официальной церкви в Сибири, так и важность вовлечения региональных епархий в решение общегосударственных задач, что выражалось в обязанности издания не только публиковать «распоряжения гражданского правительства», но и следовать им беспрекословно²⁵⁵.

В-третьих, что принципиально важно для настоящего исследования, официальные епархиальные издания в публикациях корреспондентов, региональных представителей РПЦ, репрезентировали представления данной части общества об Азиатской России как составляющей общеимперского пространства, озвучивая тем самым позицию церкви о широком спектре вопросов колонизационного характера.

Таким образом, деятельность епархиальных изданий имела многовекторный характер и изначально конструировалась по схеме: власть – редакция; редакция – корреспонденты; корреспонденты – читатели. При этом для редакции и корреспондентского корпуса производимый ими печатный «продукт» имел и

²⁵⁵ Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 1. С. 6, 10.

прикладное значение, что выражалось в обязательстве «хранить ведомости, дабы они во всякое время были в готовности для нужных справок»²⁵⁶.

Епархиальные ведомости имели довольно ясную и универсальную программу, утверждённую Святейшим Правительственным Синодом, и включали в свой состав две части: официальную и неофициальную. При этом функциональные задачи каждого из разделов чётко оговаривались. Так, официальная часть издания предполагала публикацию правительственных распоряжений по духовному ведомству (до 1889 г.), епархиальных резолюций, постановлений духовных консисторий; сведений делопроизводственного характера, касающихся образовательных структур епархии, Миссионерского общества, Епархиального Православного Братства; информации о ротациях и награждениях священнослужителей, а также объявления о праздных местах: священнических, дьяконских, причетнических и учительских в церковно-приходских школах и школах грамоты²⁵⁷.

В неофициальной части публиковались слова, поучения и беседы, краткие жизнеописания для чтения в церкви, семье и школах; статьи по вопросам церковного и церковно-школьного благоустройства; общедоступные материалы религиозно-нравственного содержания, сведения по истории церкви и религии, отчёты епархиальных учреждений и их представителей; известия, заметки, некрологи, рекламные объявления.

Следует отметить, что в организации и определении основных пунктов программы деятельности епархиальной прессы в Западной Сибири (Томск, Тобольск) и Степном крае (Омск) можно увидеть ряд особенностей, связанных с историческим ходом колонизации Азиатской России, одновременным характером продвижения русской оседлости в эти регионы, спецификой административно-территориального и культурно-хозяйственного статуса

²⁵⁶Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 1. С.10.

²⁵⁷ Официальная часть // Тобольские епархиальные ведомости. 1898. № 1. С.2.

восточных окраин в процессе имперской инкорпорации. Фактически до конца XVIII века основной зоной расселения в Зауралье являлась лесная полоса Западной Сибири, где приоритетные позиции занимали Тобольск и Томск, выполнявшие соответственно функции административно-территориального и экономического центра обширного региона. Продвижение России в XIX в. на восток (обнаружение золота в Мариинской тайге, открытие горных месторождений Алтая и Восточной Сибири) и юг (основание Омской крепости и обретение ею статуса форпоста восточной политики империи) во многом определило направление миграционных потоков и создание очагов гражданственности в Азиатской России. Так, расположение Томска на пересечении главных водных и сухопутных путей, соединявших западную и восточную части Сибири, вкупе с прилегающими к данному району территориями Алтайского горного округа, обладавшего как промышленным потенциалом, так и обширным фондом плодородных земель, открыло в пореформенный период «шлюзы» для массового переселенческого движения из европейских губерний России (в период с 1885 по 1893 гг. – 75 % от общего числа мигрантов)²⁵⁸.

Территориальная близость Тобольской губернии к Европейской России, наличие сухопутных путей сообщения, активно способствовало заселению этого региона лицами земледельческого сословия (в период с 1885 по 1893 гг. – 15 % от общего числа мигрантов)²⁵⁹. К этому необходимо добавить, что в пореформенную эпоху, вплоть до начала законодательной поддержки переселенческого движения в конце 1880-х – начале 1890-х гг., основную массу мигрантов составляли малосостоятельные крестьяне из центрально-черноземных губерний, что также

²⁵⁸ Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб.: Государственная типография, 1900. С.196.

²⁵⁹ Там же.

являлось определяющим условием массового их оседания в ближайших районах Азиатской России²⁶⁰.

В 1850-х – 1860-х гг. в результате долгосрочного обсуждения вопроса об алгоритмах интеграции индигенного населения Азиатской России в сибирско-русский социум, зафиксированных в решениях II Сибирского комитета (1852 г.), предполагавших ограничение административных возможностей местной власти и расширение юрисдикции генерал-губернаторских полномочий, в масштабах имперской власти возможности аграрной колонизации Степного края (прежде всего Акмолинской и Семипалатинской областей) расценивались как реальные и перспективные. К середине 1870-х гг. почва для предоставления Степному краю статуса одного из ареалов российской колонизации была в целом подготовлена²⁶¹. Поток переселенцев-крестьян в Степной край, наметившийся в 1870-е-1880-е гг. к концу 1890-х гг., достиг отметки 21 % от общего числа мигрантов (по этому показателю регион уступал только Томской области)²⁶².

Принимая во внимание указанные обстоятельства, следует учитывать, что содержание и характер репрезентации поля деятельности Русской православной церкви как актора внутренней колонизации в епархиальных изданиях Западной Сибири и Степного края определялись рядом обстоятельств, связанных со спецификой этих регионов.

Очевидно, что в общественно-политическом дискурсе пореформенного времени сложилось устойчивое понимание того факта, что пространства Западной Сибири, максимально активно вовлекаемые в земледельческое

²⁶⁰ Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. С.276.

²⁶¹ Чуркин М.К. Аграрная колонизация Степного края: общественно-политический дискурс и имперские практики второй половины XIX – начала XX вв.: монография / М. К. Чуркин, Б. С. Токмурзаев. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2019. 262 с.

²⁶² Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб.: Государственная типография, 1900. С.196.

освоение, являются не колонией, а окраиной Российского государства. Данная позиция, транслируемая национал-консервативной прессой, поддерживалась и декларировалась имперской властью, приобретая отчётливые доктринальные контуры в знаковые юбилейные годы. Так, в год 300-летия празднования присоединения Сибири к России (1882 г.) в «охранительных» изданиях центральным являлся тезис, провозглашённый М.Н. Катковым: «Сибирь не колония только, не окраина, не придаток, - она есть существенная часть России, и таковую ей следует быть во всём её гражданском устройстве»²⁶³. Решающим аргументом в пользу позиционирования Тобольской и Томской губерний как продолжения Европейской России, её внутренних окраин, в 1880-х – 1890-х гг. становятся коммеморативные практики «сибирского взятия» в конце XVI – начала XVII вв., историческое значение которого активно освещалось не только в центральных, но и в региональных изданиях, в том числе в епархиальной прессе Западной Сибири.

Широкое празднование 300-летия покорения Сибири Ермаком (6 декабря 1882 г.), явилось для РПЦ и её сибирских епархий важным событием идентификационного характера, а региональные епархиальные издания Тобольской и Томской губернии получили благоприятную возможность для трансляции официальной церковью своего исторического вклада в государственное строительство на окраинах и рефлексии особой миссии в современных обстоятельствах.

В публикациях, посвящённых предстоящему юбилею, настоятельно подчёркивалось миссионерско-православное содержание экспедиции Ермака, который «...в 1580 и 1581 гг., во время похода в эту страну идолопоклонства и исламизма имел подвижную часовню с иконами и священнослужителей, отправлявших церковную службу»²⁶⁴. Интересно, что в заметке

²⁶³ Современная летопись («Московские ведомости» № 342) // Русский вестник. 1882. № 12. С.996.

²⁶⁴ Из истории распространения христианства в Сибири // Томские епархиальные ведомости. 1882. № 1. С.18.

подчёркивается дальнейшая преемственность практик «завоевания сибирской страны», в рамках которых православная церковь последовательно освящала деятельность стрельцов, служилых людей, промысловиков и вольных землепашцев, что выразилось в постоянном сооружении часовен, церквей и монастырей²⁶⁵.

В то же время, по мнению корреспондента «Тобольских епархиальных ведомостей», озвученному в публикации юбилейного 1882 г., функция церкви не ограничивалась в Сибири только внешними формами деятельности, но, напротив, выполняла важные колонизационные задачи. С горечью констатируя факт, что поход Ермака не превратил Сибирь «в торжественный храм блаженства»²⁶⁶, сделав её колонией ссыльных, автор подчеркнул, что для многих государственных преступников эта земля стала своеобразным чистилищем, и в этих условиях православная церковь, направлявшая паству, становилась реальной, действовавшей в содружестве с государством, силой²⁶⁷.

В трёхчастном повествовании о завоевании Сибири и присоединении её к России, опубликованном на страницах «Томских епархиальных ведомостей», за пространном описанием фактической канвы событий 1580-х гг. явственно ощущается присутствие православной церкви и Божьей помощи как направляющей силы: «Наконец 12 июня 1579 года, после торжественного молебного пения, Ермак с войском сел в лодки и отправился вверх по Чусовой искать счастья в Сибири»²⁶⁸. Автор публикации, говоря о «сибирском взятии», ссылаясь на проповедническую речь, произнесённую в связи с прошлым, 200-летним юбилеем Сибири, делает акцент на особой роли православия и православной церкви в «распространении истинного света богопознания среди

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ 300-летие Сибири // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 23-24. С.473.

²⁶⁷ Там же. С.475.

²⁶⁸ Завоевание Сибири и присоединение её к России // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 22. С.650

язычников»²⁶⁹, подчёркивая при этом, что сам Ермак, не чуждый православной религии, «был главным виновником просвещения дикой страны светом евангельским»²⁷⁰.

Важным сюжетом, в рамках которого Русская православная церковь представляла себя в качестве инструмента решения колонизационных задач, являлись юбилейные заметки, содержавшие хронологическое описание церковно-исторических событий прошлого Сибири, пространные обзоры деятельности церкви на восточных окраинах страны, речи участников юбилейных торжеств.

В череде сведений, представленных на страницах данных материалов, регулярно встречаются не только упоминания о строительстве церквей и монастырей в местах постоянной оседлости служилых людей в Сибири, но и размышления церковных деятелей региона о стратегических решениях, необходимых для окончательного присоединения Сибири к России и полного воцерковления местного общества.

Следует отметить критический характер оценок православными корреспондентами работы Русской православной церкви в Сибири, в начальный период её освоения, что не могло не наложить отпечаток и на её будущей деятельности. Так, например, в публикациях откровенно говорится о случайном характере мобилизации священнослужителей в колонизируемый край, плохо организованном, хаотичном миссионерстве, неподконтрольности церкви «буйства страстей» первых переселенцев²⁷¹. С точки зрения представителей церкви в Сибири, изменить подобную ситуацию можно было только путём водворения в регионе церковно-иерархического порядка, достижимого посредством распространения образования, установления границ между

²⁶⁹ 300-летие Сибири // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 23-24. С.467

²⁷⁰ Судьбы православия в Сибири за минувшее 300-летие // Тобольские епархиальные ведомости. 1883. № 1. С.8

²⁷¹ Судьбы православия в Сибири за минувшее 300-летие // Тобольские епархиальные ведомости. 1883. № 1.С.11.

епархиями, регулярной материальной поддержки священнослужителей и их семей²⁷².

Нельзя не обратить внимание на то, что знаковые юбилейные даты выполняли функцию «площадки» корпоративной идентичности церковнослужителей Западной Сибири, что создавало условие для участия церкви в решении общегосударственных задач и транслировалось на страницах прессы. В данном отношении юбилеи сибирских городов - 300-летие Тобольска (1887 г.) и Томска (1904 г.) - являлись своеобразным «довеском» к общесибирскому юбилею и наполняли дискурс Русской православной церкви как актора российской колонизации восточных окраин дополнительным «шумом», который способствовал внутриепархиальной консолидации, осознанию персонального вклада священников в дело империостроительства на востоке страны и пониманию личной (через историю города) причастности к «цивилизаторству России на северо-востоке Азии»²⁷³. По убеждению корреспондента, автора заметки, «юбилейное торжество не должно быть торжеством семейным; оно столь же всеобластное – Сибирское, сколько и Русское»²⁷⁴.

Мотив высокой миссии православной церкви как институции, действовавшей в тесном сцеплении с государством, регулярно звучал в речах, оглашаемых на торжественных заседаниях и публикуемых впоследствии в епархиальной прессе. Учитель Тобольской семинарии Иван Беляев, выступая в юбилейные дни перед представителями разных учреждений, ведомств и сословий, особо подчёркивал тот факт, что военной экспедиции было недостаточно для завоевания такого обширного края. По мнению Беляева, только прирост христианского населения и храмовое строительство с

²⁷² Там же. С.13-14.

²⁷³ Слово в день 300-летия г. Тобольска, 2 июня 1887 г. // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 11-12.С.210.

²⁷⁴ Там же.

организацией особой Сибирской епархии в 1621 г. позволили обрести г. Тобольску статус сибирской столицы²⁷⁵.

Примечательно и то, что сценарий юбилейных мероприятий, детально представленный на страницах «Тобольских губернских ведомостей», также подтверждал выдающуюся роль церкви в колонизации края: о начале торжества возвещалось колокольным звоном, затем проводилась служба по усопшим сибирским иерархам и Ермаку с дружиной, далее следовало освещение часовни в память о государе-императоре Александре II, после чего только начинались все гражданские мероприятия²⁷⁶.

Общим знаменателем в освещении юбилейных дат, как общесибирских, так и локальных, на страницах епархиальной прессы Западной Сибири являлось обращение прежде всего к историческим обстоятельствам колонизации периферийных территорий на востоке страны. Именно в общий контекст «сибирского взятия» и последующей колонизации епархиальные корреспонденты вписывали последующие события распространения гражданственности в Западной Сибири, выделяя яркие факты градостроительства и уникальной организаторской роли церкви в данном процессе. Так, редактор «Томских епархиальных ведомостей» в вступительном комментарии к юбилейной заметке о покорении и колонизации Сибири уточнял, что «в виду исполнившегося 300-летия Томска полезно вспомнить о первых годах гражданской жизни всей Сибири»²⁷⁷.

Если томские журналисты были достаточно скупы на производство публикаций по городской юбилейной тематике, что было связано с начавшейся русско-японской кампанией и актуализацией статей, очерков и заметок

²⁷⁵ Беляев И. Речь, читанная в празднество 300-летия г. Тобольска // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 11-12. С.212-234.

²⁷⁶ Приготовление Тобольска к празднованию 300-летия // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 7-8. С. 157-158; К.Г. Порядок празднования Тобольском 300-летнего своего юбилея // Там же. № 11-12. С.234-244.

²⁷⁷ Покорение Сибири и ея колонизация // Томские епархиальные ведомости. 1904. № 24. Приложение. С.2.

военно-мобилизационного содержания, то корреспонденты «Тобольских епархиальных ведомостей» в 1887 г. имели гораздо больше возможностей для освещения широкого спектра тем, относившихся к юбилею города, в том числе и исторически-ретроспективных эпизодов.

Своеобразная «артподготовка» началась в 7-8 выпусках газеты, с последующим подробным описанием подготовки и проведения юбилея в 9-12 номерах издания. Совершенно естественно, что в юбилейных публикациях значительное место занимали события общесибирской истории, в канву которых вплетались история и современное состояние церковного дела в Западной Сибири. Так, краткий очерк истории города Тобольска, опубликованный в одном из юбилейных номеров, был составлен таким образом, чтобы подчеркнуть решающую роль православной церкви в формировании основ гражданственности в первых сибирских городах. Краткое перечисление общеизвестных обстоятельств строительства крепостей в 1586 (Тюмень) и 1587 (Тобольск) гг., оборачивается в тексте заметки пространными сообщениями о храмовом строительстве, учреждении монастырей, миссионерской работе с инородцами и иноверцами, а также детальным описанием организационной деятельности Русской православной церкви в Тобольске как главном кафедральном городе Сибири²⁷⁸.

Одной из центральных в публикациях историко-ретроспективного характера выступает идея церкви как защитницы населения от жизненного неурядиства и стихийных бедствий. В юбилейной риторике епархиальных корреспондентов с завидной частотой встречаются реплики о Сибири как отдалённой территории, население которой регулярно сталкивается с алармическими ситуациями: внешним врагом, лихоимством местных чиновников, природными стихиями, в преодолении которых церковь выступала в качестве главного заступника населения, а её иерархи - Киприан,

²⁷⁸ Краткий исторический очерк города Тобольска // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 9-10. С.169-176.

Макарий, Нектарий, Герасим, Симеон и др. - являлись первыми инициаторами и организаторами благотворительной деятельности в крае²⁷⁹.

Вовлечённость церковной организации в колонизационное дело в Западной Сибири не ограничивалась лишь признанием его общегосударственного характера с последующей формально-публичной демонстрацией поддержки власти. На страницах епархиальных изданий региона транслировалось представление служителей церкви о первоочередных задачах регионального клира в решении широкого круга проблем, препятствовавших инкорпорации местного социума в общеимперское «тело». В данной связи в епархиальных изданиях выстраивался многоаспектный дискурс, в котором обсуждаемые проблемы были тесно связаны с колонизационной программой Российской империи на окраинах страны. Позиция Русской православной церкви, таким образом, репрезентировалась в публикациях, посвящённых базовым возможностям коммуникации церковной организации Западной Сибири со своей паствой, готовности вести проповедническую деятельность среди иноверцев и миссионерскую работу в инородческой среде, но главным образом – противостоять сектантству и церковному расколу среди русского населения. Последний вопрос с точки зрения имперской власти и её главного союзника - РПЦ - являлся первостепенным, поскольку для губерний Тобольской и Томской как районов внутренней и, по преимуществу, русской колонизации являлся максимально травматическим, чем ставил под сомнение результаты имперской «политики населения» и практической работы православной церкви в России и её регионах. По составу населения в Тобольской и Томской губерниях наблюдалось абсолютное (более 87 % - великороссы) преобладание русского

²⁷⁹См., например: Покорение Сибири и её колонизация // // Томские епархиальные ведомости. 1904. № 24. С.1-4; Беляев И. Речь, читанная в празднество 300-летия г. Тобольска...С.212-234; Тобольские архипастыри // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 9-10. С.177-190.

этнического сегмента²⁸⁰, однако в плане распределения по вероисповеданиям ситуация была более сложной. Лукавство вероисповедной статистики по России вообще и Западной Сибири в частности заключалось в объединении данных по числу православных и старообрядцев под общим титулом – христиане, составлявших в Западной Сибири подавляющее большинство – 94 %²⁸¹. При этом важно отметить, что включая раскольников и сектантов христианского толка в общий «список», Российская империя проводила в их отношении дискриминационную политику, что фиксировалось, например, в антистароверческом законодательстве с ярко выраженной ограничительно-запретительной и карательной риторикой вплоть до 1905 г.²⁸².

Несмотря на предпринимаемые меры, в начале XX века в губерниях Западной Сибири число сторонников церковного раскола являлось значительным. По данным на 1910 г., в Тобольской губернии число раскольников достигало по всем уездам 84 350 душ обоего пола (4,6 % населения); в Томской губернии – 136 700 душ (4,4 %) ²⁸³. По численности сторонники раскола уступали только православным, представляя собой хорошо организованное в хозяйственно-экономическом и социокультурном плане сообщество. Выскажем предположение, что репрессивно-полицейские действия властей в отношении уклонявшихся в раскол имели следствием не столько сокращение числа раскольников и сектантов, сколько вносили серьёзную погрешность в статистические показатели по расколу в масштабах всей России, в особенности периферийных регионов, куда сторонники старой веры приходили вместе с переселенческим потоком из европейской части страны.

²⁸⁰ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная книга для русских людей. Т.16. Западная Сибирь // под ред. В.П. Семёнова и под общ. руководством П.П. Семёнова (Тянь-Шанского) и В.И. Ламанского. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1907. С.223.

²⁸¹ Там же.

²⁸² Законы о раскольниках и сектантах // Издание 2-е. Под ред. А.Ф. Скорова. М., Типолитография И. Пашкова, 1903. 226 с.

²⁸³ ГИА ОО. Ф.86. Оп.1. Д.3. Л.1-2.

Данный тезис во многом подтверждается массивным дискурсом темы раскола на страницах епархиальной прессы Тобольской и Томской губернии, а манера обсуждения этого острого вопроса априори свидетельствует, что православная церковь, опираясь на репрессивное законодательство, стремилась к решению данной проблемы не только карательными, но и мирными путями, более того, рассматривая меры по преодолению раскола в сибирском населении как одну из важнейших колонизационных задач русской церкви в регионе.

В виду того, что проблемы, так или иначе связанные с ближайшими и исторически отдалёнными последствиями церковного раскола для Западной Сибири и общества региона, регулярно освещались на страницах епархиальных изданий, имеет смысл выделить ключевые сюжеты, обосновывавшие право и обязанность местных епархий обсуждать факты уклонения в раскол и принимать стратегические и тактические меры по его искоренению, рассматривая данный вид деятельности как участие в государственной колонизационной работе.

По мнению корреспондентов епархиальных ведомостей, являвшихся рупором официального православия в западно-сибирских губерниях, приверженность населения раскольничьему учению в Тобольской и Томской губернии стала результатом долгосрочной исторической традиции.

По свидетельству И. Сырцова, автора обширной (на два номера) публикации, посвящённой истории сибирского раскола «...Сибирь уже слишком 200 лет служит одним из главнейших его притонов»²⁸⁴. По мнению исследователя, значительный подъём раскольничьего движения в губерниях Западной Сибири и прирост его адептов пришёлся на период 1850-х-1860-х гг. с появлением у старообрядцев епископов австрийского поставления, что способствовало консолидации сторонников раскола в Азиатской России.

²⁸⁴ Сырцов И. Старообрядческая иерархия в Сибири // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 4. С.271.

Сознание опасности консолидации сибирских приверженцев старообрядчества, приводило к тому, что представления о противостоянии расколу в дискурсе западно-сибирской епархиальной печати репрезентировались в виде трёх основных стратегий, исполнение которых возлагалось на РПЦ.

Во-первых, часть авторов, ориентируясь на широко распространённое в общественной и церковной среде мнение, настаивало на необходимости массовой финансовой поддержки и обеспечения высокого материального уровня жизни священнослужителей вообще и служивших в раскольничьих приходах в частности²⁸⁵.

Во-вторых, в отдельных корреспонденциях транслировался более взвешенный подход к организации противораскольничьей деятельности, основанный на тезисе о специальной подготовке квалифицированных священников для работы в старообрядческой среде. В рамках данной стратегии журналисты епархиальных изданий обсуждали и возможность привлечения пастырей не из семинарской, а из крестьянской среды, рассчитывая привлечь к противодействию расколу наиболее грамотную часть профессиональных земледельцев²⁸⁶.

В-третьих, представители западно-сибирского клира, о чём можно с уверенностью судить, опираясь на спектр публикаций по раскольничьему вопросу, в массе своей были склонны к принятию и трансляции более сложных и многомерных решений, включавших различные варианты коммуникации с религиозными уклонистами. Так, например, на страницах епархиальных изданий регулярно публиковались внебогослужебные беседы пастырей и

²⁸⁵РГИА. Ф. 804. Оп.1. Р.1. Д.69. Л.2 об.-3.; Ф. 804. Оп.1. Р.3. Д.411. Л.5-6.; «Сельский священник» по вопросу о материальном обеспечении духовенства // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 11-12. С. 232-237; Отчёт братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского в г. Бийске за 1887/в четвертый отчетный год // Томские епархиальные ведомости. 1889. № 3. С.5.

²⁸⁶ Отчёт братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского в г. Бийске за 1887/в четвертый отчетный год...С.6.

паствы, в которых церковные иерархи обстоятельно и в доступной форме рассуждали о содержании христианской веры, обычаях, церковных уставах и заповедях, настоятельно внедряя в сознание простонародья мысль о необходимости религиозного усердия. Подобные беседы неформального характера адресовались не только простым людям, но и священникам, которые позиционировались как «идушие впереди», чья задача заключалась в воспитании народа в духе «сыновней покорности церкви, беспредельной преданности Царю Православному, Самодержавному и беззаветной любви к родине святой»²⁸⁷.

Заметное место в спектре публикаций изданий занимали сообщения о поездках православных священников и миссионеров в уезды, волости и деревни максимальной концентрации раскольников с проведением нравоучительных бесед²⁸⁸.

По мнениям чиновников Святейшего Синода, опубликованных на страницах епархиальной печати, усилия приходского духовенства по противодействию расколу проявлялись в двух направлениях: через жёсткие требования соблюдения церковного устава и посредством «вразумления раскольников, и обличении, в духе любви, заблуждений их путём церковной проповеди... беседами о предметах веры... распространением между ними книг и брошюр»²⁸⁹. При этом однозначно признавалась большая эффективность и перспективность второго варианта коммуникации официальной церкви со сторонниками раскола²⁹⁰.

²⁸⁷ Там же. С.8.; Л-ев М. К вопросу о внебогослужебных собеседованиях // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 13. С.251-263.

²⁸⁸ Собеседования миссионера священника села Карасевского // Томские епархиальные ведомости. 1890. № 4. С.14-22; Заметки о посещении председателем противораскольничьего братства святителя Димитрия местностей Бийского округа заражённых расколом // Там же. 1890. № 3. С.16-26; Беседа со старообрядцами-беспоповцами о необходимости и вечности священства // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 16. С.315-324;

²⁸⁹ Извлечение из всеподданейшего отчёта г. Обер-Прокурора Святейшего Синода за 1880 г. // Там же. 1882. № 11-12. С.242.

²⁹⁰ Там же.

В целом схожими, но несколько скорректированными в пользу большей коммуникации церковной организации с индигенными народами, являются представления о колониционных задачах Русской православной церкви, репрезентируемые в епархиальном издании Степного края – «Омских епархиальных ведомостях».

«Омские епархиальные ведомости» - официальный орган Омской епархии - выходили в печать в период 1898-1917 гг.

В процессе исследования нами был произведён сплошной просмотр издания за 1898-1899 гг., позволивший выявить тексты, прямо или косвенно репрезентирующие колониционные задачи церкви в регионе, а также формы, содержание, стратегии и практики реализации этих задач акторами Русской православной церкви в условиях российской периферии. Проведённый анализ продемонстрировал тематическую многоплановость публикаций «Омских епархиальных ведомостей», так или иначе фиксировавших и отражавших имперские настроения и приоритеты Русской православной церкви в колонизируемом регионе.

Тем не менее мы склонны полагать, что стержневыми для редакторов и корреспондентов газеты являлись вопросы православно-христианского культуртрегерства, объектами которого выступали индигенные народы Степного края, нетвёрдое идейно (религиозно) русское крестьянское население и молодое поколение, только вступающее в жизнь. Таким образом, в центре нашего внимания располагались тексты официального и неофициального разделов, репрезентирующие христианское миссионерство Русской православной церкви, а также широкую гамму проблем образования и воспитания.

Декларируя в программной статье факт начала издания первого печатного органа православной церкви в Степном крае, его редактор, священник Климент Скальский, акцентировал внимание на основных функциях церкви, созвучных государственным интересам колонизации азиатских пространств России. В

публикации со звучным названием «Господи благослови!» он связал организацию православной епархии в Степном крае с двумя факторами: «хотением Божиим и словом Венценосца» (государя императора), подчеркнув при этом бедственное духовное положение населения региона в предшествующий этому событию период, определив его как «...долгие годы блуждания во тьме магометанства и языческого невежества...»²⁹¹.

Стоит также обратить внимание на то, что появление печатного органа РПЦ в Степном крае вызвало огромное воодушевление церковных пастырей, поскольку открывало перспективы для более тесных и продуктивных контактов с народной массой независимо от этнического происхождения и религиозных предпочтений её представителей.

Многие церковные иерархи на рубеже XIX – XX вв. активно обсуждали проблему секуляризации сознания паствы, что, по их мнению, было связано с деятельностью государства в продолжение XVIII – XIX вв., направленной на автономизацию и сословную кастовость духовенства. Митрополит Антоний (Храповицкий) констатировал: «Духовенство делалось все учение, все культурнее, а народ все невежественнее и менее освоенным с православною дисциплиною. Так было с народом исконно православным, великороссийским, а что сказать о забитых, поработанных западных малороссах, белорусах или потомках старокрещенных инородцев Заволжья и Сибири?»²⁹².

«На этом фоне православное духовенство российских окраин остро ощущало свою востребованность, воспринимая колонизационные усилия светских властей как важное условие реализации миссионерских задач церкви: «Прежнее отверженное и почти забытое малое стадо Христово, затерянное в

²⁹¹ Скальский К. Господи благослави! // Омские епархиальные ведомости. 1898. № 1. С.2.

²⁹² Митрополит Антоний (Храповицкий) Сила Православия / Сост., предисл., прим., указатель имен А. Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. С.286.

массе туземцев-магометан, освежается как пришельцами, так и новокрещенцами; церкви Божии...растут, множатся и благоухают среди векового невежества»²⁹³.

В этой связи одной из своих главных функций в Степном крае православная церковь видела в распространении христианского вероучения посредством миссионерской деятельности, информация о содержании которой регулярно освещалась на страницах церковно-приходского издания «Омские епархиальные ведомости». Показательно, что сведения о православном миссионерстве в Степном крае, коренное население которого находилось под сильным влиянием мусульманства, что вызывало беспокойство светских и церковных администраций, публиковались, как правило, большими плотными блоками, будучи включёнными в официальную часть издания нескольких номеров. Так, в 1899 г. «Омские епархиальные ведомости» представили отчёт о состоянии Киргизской миссии Омской епархии за 1898 г. в пяти номерах издания (№ 17-21), где были отражены обстоятельства учреждения православной миссии, кадровый её состав, территориальный ареал деятельности и влияния миссионеров, основные трудности, с которыми сталкивалась миссия за отчётный период²⁹⁴.

Рефлексируя содержание опубликованного отчёта, необходимо отметить, что его авторы, по всей видимости, принимали как руководство к действию концепцию «охранителей», ставшую важным принципом государственной колонизационной политики на рубеже столетий: только та земля является русской, где прошёл плуг её пахаря. Очевидно, что к концу XIX века в область преданий отошли жаркие дискуссии о субъектах колонизации «восточных окраин» и в сознании власти и общества окончательно сложилось убеждение, согласно которому именно крестьянство и, прежде всего, переселенческий элемент, будет находиться в авангарде аграрно-земледельческого освоения края, что поспособствует успешному освоению новых территорий. Представители

²⁹³ Скальский К. Господи благослави! // Омские епархиальные ведомости. 1898. № 1. С.2.

²⁹⁴ Омские епархиальные ведомости. 1899. № 17-21.

Киргизской миссии отмечали, что предметом пастырских попечений миссионера является как инородческое, так и русское население. Однако при этом констатировали, что именно российские переселенцы, пришедшие из европейских губерний, в меньшей степени чем старожилы, подвержены инородческому влиянию, активно способствуя «обрусению новокрещённых киргиз»²⁹⁵. Авторы отчёта подчёркивали, что переселенцы из Европейской России стремятся селиться при миссионерских церквях, что объясняется малым количеством православных храмов в Акмолинской и Семипалатинской областях, при этом сетуя о недостаточном количестве нарезанных для переселенцев земельных наделов²⁹⁶.

Одним из объяснений постоянной заботы миссионеров о переселенцах как потенциально твёрдых поборниках православного христианства в отдалённом крае являлась трудная и не всегда эффективная работа среди части русского и коренного населения Степного края. В отчёте говорилось: «Дело миссионера много бы облегчалось, если бы другая половина его паствы, рождённые чада святой церкви – русские, были ему помощниками если не словом, то по крайней мере примером собственной жизни во Христе»²⁹⁷. Между тем, и на это обращается внимание в отчёте, среди русского населения, в том числе представителей власти, часто встречаются прямые вероотступники. Далее следует подробный рассказ об одном из письмоводителей в киргизской волости – Коллежском регистраторе Ризенко, который «носил турецкую феску, отпал в магометанство, принял обрезание, совершал намазы, жил с киргизкой, имел от неё детей»²⁹⁸.

Среди старожильческого населения частыми были эпизоды уклонения в раскол. В «Омских епархиальных ведомостях» за 1899 г. 12 номеров издания

²⁹⁵ Отчёт о состоянии Киргизской миссии Омской епархии за 1898 г. // Омские епархиальные ведомости. 1899. № 18. С.6.

²⁹⁶ Там же. С.6-7.

²⁹⁷ Отчёт о состоянии Киргизской миссии... // Там же. № 19. С.6.

²⁹⁸ Там же.

было посвящено теме распространения старообрядческих ересей в европейской и азиатской частях империи. Не фиксируясь предметно на теме влияния старообрядцев на сибирское население, автор статьи, священник Михаил Тифлов, предпринял попытку выработки рецептуры противодействия иноверцам. На риторический вопрос «чем поддерживается раскол» автор уверенно ответил: «прежде всего – невежеством»²⁹⁹. Негативный образ старообрядчества усиливался и публикацией на страницах ведомостей сообщений о происшествиях на почве раскола. Так, священник Тарханской Успенской церкви отец Иоанн Колесников прислал в газету заметку о крестьянине-старообрядце Самсоне Филиппеве, огульно объявившем владыку еретиком, после чего Самсон заболел, распух и умер; в другом случае раскольника, назвавшего попов собаками, также постигла скоропостижная смерть³⁰⁰. В качестве основного инструмента сохранения истинных православных ценностей предлагалось активное внедрение церковно-приходского образования, а также ведение правильного образа жизни в рамках самой церковной организации (не курить табак, не пить вино, не прелюбодействовать, не богохульствовать и т.д.)³⁰¹.

В обстоятельствах колонизации и решения имперских задач этно-конфессионального характера идеальные модели поведения миссионеров являлись действенным методом вовлечения в христианство жителей степных областей, территориально отстоящих от крупных городов и крестьянских селений, ведущих кочевое хозяйство. Комментируя миссионерские поездки вглубь степей, равно как и посещение населённых пунктов, к которым были приписаны новокрещённые киргизы, М. Тифлов писал: «Хотя путешествие с евангельскою проповедью и есть первое условие обращения к вере Христовой степняков-киргиз, нельзя заключить, что достаточно миссионеру проехать раз по киргизским аулам с сеянием Слова Божия, чтобы в то же время собрать хоть

²⁹⁹ Тифлов М. Русское сектантство и меры к ослаблению его // Омские епархиальные ведомости. 1899. № 10. С.1.

³⁰⁰ Он же. // Омские епархиальные ведомости. 1899. № 11. С.8.

³⁰¹ Он же. // Омские епархиальные ведомости. 1899. № 10. С.2.

несколько плодов от своего сеяния. Бывают поездки как бы безуспешные...»³⁰². По утверждению священника, препятствия миссионерскому успеху чинят фанатики мулы из татар и турецких выходцев, численное преобладание инородческого населения над русским в отдалённых районах, а также административная волокита в уездах в деле предоставления местными администрациями списков потенциальных прозелитов для крещения³⁰³.

Одной из задач, стоявших перед российским государством на окраинах, в том числе восточных, являлась реализация идеи интеграции национальных меньшинств в общеимперское пространство. В условиях Сибири и Степного края, территориально отдалённых от государственного ядра, процессы интеграции усложнялись этнической и конфессиональной гетерогенностью населения, что исключало вероятность быстрой культурной ассимиляции и настраивало власти и общество на такие действия, которые обеспечили бы сохранение религиозной и национальной идентичности народов азиатской части страны. По заключению В. Тольц, в 1870-х гг. в российском общественно-политическом дискурсе формировались новые представления о способах «встраивания» иноэтничных и иноконфессиональных сообществ восточных окраин в имперский социум.

Один из таких вариантов «мягкой» инкорпорации был порождён идеологией движения «малой родины», ставившего целью достижение национальной и религиозной консолидации путём развития и поощрения любви к конкретной местности проживания человека³⁰⁴. Таким образом, считалось, что обретение общеимперской идентичности мозаичным населением восточных окраин возможно путём воспитания чувства идентичности региональной. В этой связи имперские администрации и представители Русской православной церкви в Степном крае, опираясь на общественное мнение и «площадки» его

³⁰² Отчёт о состоянии Киргизской миссии Омской епархии за 1898 г. // Омские епархиальные ведомости. 1899. № 18. С.6-7.

³⁰³ Там же. С.7.

³⁰⁴ Тольц В. «Собственный восток России»...С.69-70.

репрезентации, осуществляли активную поддержку и «продвижение» регионального школьного образования (светского и церковного), краеведческой деятельности, организации и функционирования местных музеев.

В этой работе центральное место, безусловно, отводилось воспитанию детей и школьному образованию, в которых религиозная составляющая занимала первенствующее место. В первом номере ведомостей за 1898 г. была опубликована пространная речь педагога, просветителя, краеведа К.В. Ельницкого о развитии религиозного чувства в детях, в которой автор достаточно предметно обозначил основные факторы религиозного воспитания молодого поколения, особо подчеркнув важность влияния таких институтов, как семья, общество, церковь и школа³⁰⁵. По разумению Ельницкого, «воспитывая религиозное чувство ученика, нужно оберегать религиозность его от всякого извращения на ложный путь, как например, на путь лицемерия, на путь нетерпимости к другим религиям, на путь религиозного индифферентизма»³⁰⁶.

Примечательно, что в статьях издания, посвящённых школьно-церковному образованию, тема религиозного воспитания рассматривалась уже более предметно, в том числе и в контексте формирования имперской идентичности, объединения духовной жизни сибирской окраины и центральных губерний «путём укрепления в этом крае православия, русской народности и гражданственности»³⁰⁷. Следует отметить, что тема образования репрезентировалась во всех номерах «Омских епархиальных ведомостей». Так, в 1899 г., предметом пристального внимания корреспондентов газеты стали вопросы функционирования краткосрочных педагогических курсов для начальных учителей и учительниц (№ 5-16); речи и воззвания педагогов и

³⁰⁵ Ельницкий К. Несколько слов о воспитании религиозного чувства в детях // Омские епархиальные ведомости. 1898. № 1. С.14-21.

³⁰⁶ Там же. С.20.

³⁰⁷ Церковное дело в районе Сибирской железной дороги // Россия. Комитет Сибирской железной дороги (Материалы). Б.м., 1894. Т.1. С.116.

школьных администраторов к учителям церковно-приходских школ Омской епархии, выступления на съездах деятелей и руководителей инородческого просвещения (1899 № 7, 12, 20); отчёты и правила попечительства при церковно-приходских школах (№ 14, 15). Большинство текстов прямо или косвенно фиксирует основные задачи, стоявшие перед церковно-приходским образованием, акцентируя внимание на первенствующей роли в этом процессе имперской власти и восприятию образования как государственного дела. В итоговом обращении к учителям, участникам краткосрочных педагогических курсов, прошедших в 1899 гг., в частности говорилось: «Мы имеем в своих руках дело, удостоенное внимания наших Великих Монархов. А еще говорят, что мы, сельские учителя, заброшены, нас не видят, не знают, не обращают внимания на нас. Наш благополучно царствующий Государь Император в великие дни Священного Коронования Своего вспоминает нас и жертвует сельским учителям крупную сумму...Святейший Синод отпускает суммы, чтобы собрать нас из глухих сел и деревень, приставляет к нам людей высокообразованных, чтобы мы имели возможность послушать просветительных их речей...Наш местный Архипастырь прибывает к нам на открытие курсов с теплым словом и благословением. Наши Начальники вызывают нас в главный город нашей епархии, сближаются с нами ежедневным свиданием, разговорами, сердечно относятся к нам и нашим нуждам. Это ли не внимание к нам?!»³⁰⁸. В качестве резюме в обращении подчёркивается: «Труд же учителя особенно важен, ибо народное образование есть существенный фактор к процветанию государства»³⁰⁹.

В качестве знакового элемента, обеспечивавшего поддержание имперской идентичности, в корреспонденциях «Омских епархиальных ведомостей» рассматривалась особая роль духовенства в образовании. Наблюдатель церковных школ Российской империи В.И. Шемякин в критической по содержанию речи,

³⁰⁸ Акт закрытия летних педагогических курсов для учащихся в церковных школах Омской епархии // Омские епархиальные ведомости. 1899. № 16. С.2.

³⁰⁹ Там же.

посвящённой обзору исторического прошлого инородческих школ, отметил как позитивный момент перемены в организации образования коренного населения окраин империи в 1880-х – 1890-х гг., подчеркнув своевременность передачи духовенству преобладающего значения в деле обучения новокрещённых: «Начальное школьное обучение инородцев в первые два года на родном наречии и перевод священного писания и богослужбных книг на их языки придали новый характер христианскому просвещению инородческих племен восточной России³¹⁰.

В целом, можно говорить о том, что «Омские епархиальные ведомости», как и другие церковные периодические издания выполняли важную посредническую функцию между паствой и клиром, духовной и светской властью, являясь инструментом репрезентации представлений церкви о своей культуртрегерской миссии и колонизационных задачах, фиксируемых в сегменте общественно-политического дискурса приверженцев православной веры.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. официальная периодика Русской православной церкви позиционирует себя как платформа репрезентации задач колонизационной политики Российской империи в Западной Сибири и Степном крае. Круг этих задач по идеологическому содержанию совпадает с представлениями церковной организации о формах, методах и практиках коммуникации как с воцерковлённой частью окраинного социума, так и лицами, по тем или иным причинам не интегрированными в православное сообщество. Епархиальная периодическая печать в указанный период выступает не только транслятором государственных и официально-церковных установлений, декларирующих принципы религиозной политики в пределах слабо освоенных и частично интегрированных в общеимперское пространство регионов, но и манифестирует основные сферы деятельности церкви как актора колонизации,

³¹⁰ Речь наблюдателя церковных школ Российской империи В.И. Шемякина // Омские епархиальные ведомости. 1899. № 20. С.3-5.

особо акцентируя внимание на противодействии расколу (Западная Сибирь) и культуртрегерской и миссионерской работе с инородческими группами населения (Степной край).

Подводя общие итоги решения проблемы, связанной с выявлением статуса и функций Русской Православной Церкви в колониационном процессе в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX вв., отметим, что репрезентация представлений российского социума реализовывалась в трёх уровнях.

Во-первых, в имперском сегменте дискурса Русская Православная Церковь маркировалась как традиционный институт, ответственный за выполнение патерналистских функций по отношению ко всему православному населению Российской империи. При этом, в условиях либерализации общества в период реформ 1860-х-1870-х гг. и активизации горизонтальной мобильности населения, самодержавная власть демонстрировала готовность к своеобразной «перезагрузке» форм сотрудничества с РПЦ и предоставлению церковным институциям относительной самостоятельности в решении текущих задач колонизации восточных окраин империи.

Во-вторых, в рамках идейно-политического соперничества российских национал-консерваторов и либералов, отражённого в дискурсе светской периодической прессы, вопрос о статусе и функциях Русской Православной Церкви в пореформенных условиях встраивался в общий контекст обсуждения принадлежности территорий Азиатской России: окраина (собственная земля) или колония. Если «охранители» настаивали лишь на трансляции практик духовного наставничества Церкви в обстоятельствах продвижения за Урал, что должно было выразиться в русификации индигенных народов и опеке православной паствы, в соответствии с дряхлеющей формулой «православие, самодержавие, народность», то либералы, воспринимая пространства восточной периферии как зону колониальных интересов Российской империи, говорили о широком

культуртрегерстве РПЦ, которое должно было содействовать решению адаптационных задач переселенческого движения.

В-третьих, в дискурсе официальной церковной периодики второй половины XIX – начала XX вв., выработался медиальный алгоритм вовлечения Православной Церкви в обсуждение и практическую реализацию колониационной политики на восточных окраинах империи. РПЦ не допускала отказа от мессианских задач торжества православия в «темном царстве» язычества, демонстрируя при этом готовность к участию в решении текущих практикоориентированных задач империостроительства в Западной Сибири и Степном крае.

Глава II Русская православная церковь в имперских практиках политики внутренней колонизации в Западной Сибири и Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв.

2.1. Миссионерское дело Русской православной церкви в Западной Сибири и Степном крае в контексте «инородческой» политики Российской империи.

Историографическая традиция и логика настоящего исследования наглядно подтверждают факт включённости Русской православной церкви в обсуждение и принятие практических решений, так или иначе связанных с «политикой населения» на восточных окраинах империи. По вполне справедливому и обоснованному замечанию современных исследователей, Западная Сибирь и Степной край, активно вовлекаемые в процесс имперского освоения, изначально позиционировались в представлениях власти и консервативного сегмента общественно-политического дискурса как регион русского доминирования, в котором роли субъектов колонизации должны были быть распределены изначально и с учетом накопленного колонизационного опыта. При этом Сибирь вообще и в Степной край в частности риторически включались в идеологию «внутреннего империализма», а на стыке XIX–XX вв. рассматривались как пространство интенсивной коллаборации церкви и государства ³¹¹.

Исторически императивом к началу формирования миссионерского движения в России стал церковный раскол и принятие закона от 7 апреля 1685 г., направленного на противодействие влиянию старообрядчества, а также грамоты, адресованной сибирскому митрополиту Павлу, содержащей предупреждение об осторожности при обращении в православие представителей различных

³¹¹ См. об этом: Чуркин М.К. Дискурс имперской инкорпорации Западной Сибири в программных публикациях церковно-приходской печати начала 80-х гг. XIX в. (на материалах «Тобольских епархиальных ведомостей») // Известия Иркутского государственного ун-та. Серия «История». 2022. Т.39. С.14.

вероисповеданий. Данное косвенное свидетельство позволяет говорить о первых практических шагах миссионерства, основанных на принципах добровольного вхождения народов Российской империи в православное христианство в конце XVII столетия³¹².

Ко второй половине XIX в. сложились достаточно сложные контекстуальные условия реализации миссионерской деятельности, что обуславливалось законодательным утверждением приоритета православной веры в Российской империи: «Первенствующая и господствующая в Империи вера есть Христианская Православного Кафолического Восточного исповедания»³¹³, и провозглашённым ранее в законах 1719 г., 1721 г. и 1763 г. принципом веротерпимости, гласившем, что «все не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского Государства, природные и в подданство принятые, также иностранцы, состоящие в Российской службе или временно в России пребывающие, пользуются повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по ее обрядам»³¹⁴.

В историко-статистическом обзоре инородческих миссий в Сибири, опубликованном на страницах региональной епархиальной печати, приведены показательные сведения, иллюстрирующие объективные сложности функционирования миссий в заданных идеологических обстоятельствах. В частности, относительно Обдорской миссии, учреждённой в 1832 г., говорилось, что первые обдорские миссионеры, встретив сильное препятствие в своих действиях не только со стороны язычников, но даже и крещённых инородцев, в следующем же 1833 г. отказались от миссионерского служения, почему Святейший Синод постановил: «В Обдорске, по не имению в виду довольно

³¹² Софронов В.Ю. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Барнаул, 2007. С.7.

³¹³ О вере // Свод законов Российской Империи. Т. 1. Ч. 1. С. 10. Ст. 40.

³¹⁴ Там же. Ст.44.

способов и надежд, до времени не учреждать миссии...»³¹⁵. Лишь спустя 20 лет, в 1854 г., миссионерство здесь было восстановлено.

В целом, в границах Западной Сибири и Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. активно функционировало 9 инородческих миссий, в составе которых 2 действовали в Западной Сибири (Обдорская, Алтайская) и 1 – в Степном крае (Киргизская). Помимо названных часть миссий, учреждённых в Западной Сибири в XIX столетии, во второй половине века были упразднены: Кондинская миссия, открытая в 1844 г. при Кондинском монастыре, перестала функционировать в 1892 г.; Сургутская миссия просуществовала с 1867 по 1897 гг. и была ликвидирована в виду отсутствия в регионе язычников. В то же время, в 1900 г., в виде опыта при Тобольской епархии была образована Тобольская противомусульманская миссия в составе одного священника и одного псаломщика, усилиями которых в 1901 и 1902 гг. в святое крещение оказалось обращена 21 душа обоёго пола местных татар, в том числе целое семейство в составе 5 человек³¹⁶.

Алтайская миссия, основанная в 1830 г. архимандритом Макарием (Глухарёвым), действовала в Бийском и Кузнецком округах Томской губернии. В ареал её деятельности входили местные алтайские инородцы-шаманисты тюркского происхождения и часть киргизов, исповедовавших ислам. По свидетельству современников, Алтайская миссия считалась наиболее успешной в своей практике (в христианство к началу XX в. было обращено более половины индигенных народов), что во многом объяснялось пристальным вниманием к региону как центру кабинетской промышленности и земледелия: здесь насчитывалось 17 миссионерских станов, часть из которых подлежала упразднению, в виду того, что «православная паства этих станов настолько утвердилась в правилах веры и жизни христианской, что не нуждается уже в

³¹⁵ Краткие историко-статистические сведения о современных инородческих миссиях в Сибири // Томские епархиальные ведомости. 1904. № 17. С.5.

³¹⁶ Там же.

усиленном миссионерском воздействии и может довольствоваться обычным руководством приходских священников»³¹⁷.

Киргизская миссия выделилась из алтайской в 1882 г. и до 1895 г. находилась в юрисдикции Томской епархии и подчинении начальника алтайской миссии. Однако с учреждением самостоятельной Омской епархии киргизская миссия получила автономность, свою «штаб-квартиру» в г. Семипалатинск, сосредоточившись на просветительской деятельности в отношении киргизов-мусульман, число которых достигало в этот период порядка 1 млн. душ., что составляло только для Акмолинской области порядка 64 % к общей численности населения³¹⁸, а по Степному краю в целом – 73, 5 %³¹⁹.

Миссионерская деятельность Русской православной церкви на восточных окраинах империи имеет обширную историографию, а практики миссионерства в Западной Сибири и Степном крае неоднократно оказывались в центре исследовательской «оптики» историков³²⁰. Вместе с тем вне поля зрения учёных часто оказывались проблемы, связанные с выявлением содержания деятельности миссий в ситуативном контексте «политики населения» Российской империи на окраинах, определением специфических условий решения инородческого вопроса в губерниях, приобретших статус «внутренних» территорий страны (Тобольская, Томская) и только включаемых в ареал имперской инкорпорации (Степной край), установлением обстоятельств и каналов трансляции церковного просветительства в отношении индигенных народов Зауралья. Вне историографического дискурса

³¹⁷ Там же. С.6

³¹⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Акмолинская область. СПб.: Центральная типо-литография, 1904. С.V.

³¹⁹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная книга для русских людей. Т.18. Киргизский край // под ред. В.П. Семёнова и под общ. руководством П.П. Семёнова (Тянь-Шанского) и В.И. Ламанского. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1907. С.182.

³²⁰ См. об этом: Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири: (XIX - начало XX в.) Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2001. 177 с.; Софронов В.Ю. Деятельность противомусульманской миссии в Тобольской епархии / [Электронный ресурс]. URL: www.zaimka.ru (Дата обращения: 22.07.2022); Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 683 с.; Лысенко Ю.А. Киргизская Духовная миссия Омской епархии в 1881–1917 гг.// Макарьевские чтения: материалы Шестой международной конференции. Горно-Алтайск, 2007. С.47-58.

располагается также тема социокультурной идентичности миссионеров, осознания сообществом сопричастности к миссионерскому делу и православной церкви как актору внутренней колонизации во второй половине XIX – начале XX вв.

Необходимо отметить, что РПЦ в своей миссионерской деятельности опиралась на долгосрочный исторический опыт коммуникации с коренными народами, исповедовавшими язычество, в соприкосновение с которыми приходили военные и промысловые команды, создавая условия для организации административно-территориального управления инкорпорируемыми землями. По определению А. Эткинда, Московское централизованное государство, а впоследствии Российская империя, в своей субарктической колонии создала политическую пирамиду из четырех уровней: далекого государя, европейских промышленников, местных трапперов и, наконец, пушных животных³²¹. Несмотря на естественное сокращение возможностей пушного промысла, на рубеже XIX – XX вв. доходы от данного вида деятельности были достаточно высокими и составляли порядка 13 % рынка природных ресурсов Российской империи.

Важным является и то, что ко второй половине XIX века вся территория пушного промысла в границах восточных окраин, невзирая на резкое сокращение доходности и сужения поля коммерческой выгоды, оставалась под властью России, требовала мер организационного характера, в том числе и в религиозной сфере.

Не менее существенным являлся и общий атмосферный фон колонизационного процесса, формировавшийся под влиянием дискурса о цивилизованных и нецивилизованных народах, развёрнутого в европейской общественно-политической мысли 1840-х-1850-х гг. Определение Ф.Энгельсом славянского населения Европы как «жалких, вымирающих наций, обречённых на

³²¹ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С.109-143.

уничтожение, не давших ни одного доказательства своей способности выйти из состояния феодализма, основанного на закрепощении»³²² в известной степени всколыхнуло в российском обществе националистические настроения, которые в политической системе координат приобретали масштаб этноцентризма, а в культурно-антропологическом плане вылились в утверждение крайних теорий русского национализма в духе М.Н. Каткова и И.А. Сикорского, ставивших во главу угла русский вопрос и задачи усиленной русификации на окраинах империи³²³. Наличие данной тенденции отмечали в начале 1870-х гг. сибирские областники. Н.М. Ядринцев, информируя Г.Н. Потанина письмом о подготовке очерков о сибирских инородцах, описывает текущую ситуацию следующим образом: «Русский человек «промышляет» инородца, а последствия этой политики – воззрения на Восток как на завоеванную страну»³²⁴.

Твёрдая убеждённость национал-консервативного сегмента русского общества в существовании «собственного Востока», нуждавшегося в культуртрегерской коррекции, актуализировалась в связи с текущими политическими и социально-экономическими процессами, приобретая абрис государственного дела, в реализации которого знаковая роль должна была принадлежать и Русской православной церкви. События на западных окраинах, связанные с волнением польской шляхты, прецеденты сепаратизма в Сибири (дело сибирских сепаратистов), освобождение крестьян и начало либеральных реформ в России остро ставили вопрос об алгоритмах имперской инкорпорации Западной Сибири и Степного края, и миссионерской деятельности РПЦ в этой весьма аморфной программе отводилось особое место.

³²²Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения: В 3-х т. М.: Политиздат, 1986. Т.3., С.357.

³²³См. например: Катков М.Н. Важность для России истинно национальной политики // Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 152-156; Сикорский И.А. О психологических основах национализма (Читано проф. И.А. Сикорским в собрании членов клуба русских националистов 8 апреля 1910 года). Киев, 1910. 15 с.

³²⁴Письма Н.М. Ядринцева к Потанину. Красноярск, 1918. С.22.

Ярким подтверждением актуализации миссионерского вопроса стал факт учреждения Православного миссионерского общества в России в 1865 г., в уставе которого подчёркивалась неразрывная связь организации с государством через покровительство Ея Императорского Величества Государыни Императрицы и наблюдательные функции Святейшего Синода³²⁵. Основная задача общества формулировалась как «содействие православным миссиям в деле обращения в православную веру обитающих в пределах Русской Империи не-христиан и утверждения обращённых как в истинах святой веры, так и правилах христианской жизни³²⁶. При этом особо отмечалось, что общество первоначально обращается к миссиям в пределах восточной России, а по мере развития его средств может простираться на миссии в других частях империи³²⁷. Помимо констатации уставных требований и широкой публикации самого Устава, общество стремилось к широкой популяризации своей работы, используя официальные каналы – издания Святейшего Синода.

Так, на страницах «Церковных ведомостей», в разделе «Прибавления», публиковались подробные разъяснения цели деятельности общества, в которых особо отмечалось, что эпицентром деятельности миссионеров долгие годы будет оставаться Азиатская Россия, где многие обыватели не ведают истинного Бога, поклоняются бездушным истуканам³²⁸.

В журнале «Миссионерское обозрение» регулярно печатались тексты проповедей, внебогослужебных бесед, сведения о невоцерковленных или уклонившихся в раскол категориях населения России, адресованные служителям миссий, и представлявших собой своеобразное письменное руководство к осуществлению ими практических действий. В публикациях корреспондентов издания много место уделялось и злободневному вопросу о качествах, которыми

³²⁵ Устав православного миссионерского общества // Таврические епархиальные ведомости. 1870. № 1. С.432.

³²⁶ Там же. С.433.

³²⁷ Там же.

³²⁸ О цели православного миссионерского общества // Церковные ведомости. 188. № 5. С.103-104.

должен обладать истинный миссионер. Будирование данной проблемы имело непосредственное отношение к практикам миссионерства на колонизируемых окраинах и претензиям либеральной части российского общества, отмечавшей, что миссионеры «духовное ставят на полицейскую почву и в вопросах совести ждут себе подмогу от гражданской власти»³²⁹. Обеспокоенность состоянием миссионерского дела разделял ряд светских и церковных деятелей. Профессор Казанского университета А.И. Якобий в своих публицистических статьях отмечал факт «угасания инородцев»³³⁰; Тобольский протоиерей Г. Тутолмин взывал к необходимости обновления Березовско-Обдорской миссии³³¹; священник З. Козлов в заметках, размещённых в епархиальных ведомостях, констатировал неудовлетворительное духовно-нравственное состояние инородцев, связывая его причины с деятельностью миссионеров³³².

Автор статьи, посвящённой описанию типа современного миссионера, в качестве защитного аргумента использовал фрагмент отчёта рязанского миссионера, который заканчивался словами: «Служение Слову я полагаю главной задачей миссионера. На помощь слову необходимо присоединять молитву. Всяческих других средств в деле миссии я старался избегать...»³³³. Один из видных миссионеров, Владикавказский кафедральный протоиерей Никандр Колпиков, определял общий круг задач для деятелей миссионерства следующим образом: «Утверждать православных в вере и добром житии, воспитывать в них любовь и преданность церкви, ограждать православных от пагубного влияния ересеучителей, привлекать отпавших в лоно Святой Соборной и Апостольской Церкви»³³⁴.

³²⁹ Э.О. Миссионерство, секты и раскол // Миссионерское обозрение. 1899. Июль-август. С.118.

³³⁰ Якобий А.И. Угасание инородческих племен Севера // Тобольские епархиальные ведомости. 1894. №14. С. 234.

³³¹ Тутолмин Г. Назревающая вопиющая необходимость обновления и расширения Березовско-Обдорской миссии // Там же. 1918. №11,14-15

³³² Там же.

³³³ Там же. С.119.

³³⁴ Колпиков Н. Священник-миссионер как священнодействователь и совершитель треб // Миссионерское обозрение. 1899. Июль-август. С.15.

Деятельность миссий в Западной Сибири, в частности губерниях Тобольской и Томской, осуществлялась с учётом распределения населения по губернским территориям и его этнической принадлежности, приобретая практикоориентированный формат в районах максимальной концентрации групп, не принадлежавших к русскому народу и христианско-православному вероисповеданию. По констатации П.П. Семёнова-Тян-Шанского, в Западной Сибири главную массу населения, в девять с лишним раз превышающую численность всех других элементов, взятых вместе, составляют русские люди, а остальное приходится на древних аборигенов страны – финские и тюркские племена³³⁵. Согласно статистике начала XX в., христианское население Западной Сибири достигло отметки 95 % от общего числа обитателей края³³⁶.

Вместе с тем алгоритмы миссионерской работы даже в пределах западно-сибирского пространства зависели от комплекса факторов, среди которых первенствующие позиции занимали природно-географические условия местности, распределение населения по округам и традиции хозяйственно-экономической специализации населения. Так, например, в Тобольской губернии наибольшую площадь занимал Березовский округ – 49, 5 % площади губернии (10 округов), территория которого представляла собой обширную равнинную тундру с суровым климатом, исключавшим земледельческие занятия, и преимущественно коренным населением³³⁷. Северная часть Туринского и Тобольского, а также весь Сургутский округ были непригодны для жизни и деятельности земледельческого населения³³⁸.

Основные группы индигенного населения Тобольской губернии – остяки (ханты), вогулы (манси), самоеды (ненцы), ведущие традиционный образ жизни и

³³⁵Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная книга для русских людей. Т.16. Западная Сибирь...С.220.

³³⁶ Там же. С.223.

³³⁷Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Тобольская губерния. СПб.: Центральная типо-литография, 1905. С.V.

³³⁸Там же.

придерживавшиеся языческих верований, были сосредоточены в границах Берёзовского округа (остяки здесь составляли 51,8 % всех жителей), в северной части Сургутского округа (71,6 %) и северной же части Тобольской губернии (12,4 %)³³⁹. При этом следует учитывать, что в отличие от остяков, вогулы и самоеды были в значительно меньшей степени распределены по территориям западно-сибирских округов, компактно обитая соответственно в Туринском, Тобольском округах и северной тундровой части Берёзовского округа³⁴⁰.

Таким образом, деятельность Тобольского епархиального комитета, учреждённого в составе Православного миссионерского общества в 1872 г., в значительной мере была ориентирована на просветительскую работу в среде коренных групп населения губернии. В одном из отчётов комитета прямо говорилось о том, что «преимущественно пастыри святой церкви, по мере материальных своих средств обнаружили искреннее желание послужить великой цели, а именно: просвещению светом Евангельского учения, живущих в пределах Тобольской епархии язычников и утверждению обращённых из них в веру и правилах христианского благочестия»³⁴¹.

К числу первоочередных практик в деятельности миссий относилось следующее: изыскание средств для удовлетворения нужд миссионеров, миссионерских заведений и школ; содействие расширению территориальных пределов действия миссий и обращения язычников в православное христианство; организация и проведение воспитательно-христианской работы среди крещённого инородческого населения³⁴².

Алгоритм практической работы миссионеров Тобольской епархии был тесно связан сезонами года и циклом хозяйственной деятельности автохтонов — самоедов, остяков, вогулов. Так, представители Обдорской миссии, включавшей в

³³⁹ Там же. С. XXXV.

³⁴⁰ Там же. С. XXXVI.

³⁴¹ Отчёт Тобольского епархиального комитета Высочайше утверждённого православного миссионерского общества за 1887 год // Тобольские епархиальные ведомости. 1888. № 11-12. С. 126.

³⁴² Там же. С. 127.

свой состав настоятеля, помощника настоятеля, 2-3 священников, 2 дьяконов и 3-4 псаломщиков³⁴³, приступали к активной просветительской работе в январе, когда для взноса ясака, сбыта шкур и приобретения предметов домашнего обихода в Обдорск стекалась основная масса инородческого населения Тобольского Севера. Именно на этой стадии совершались акты крещения, скрупулёзно фиксируемые в ежегодных отчётах, совершались богослужения, в программу которых входило объяснение содержания православной веры и правил христианской жизни.

В марте часть миссионеров во главе со священником направлялась вверх по р. Обь с целью посещения инородческих юрт и приобщения местных обывателей к христианству. Далее, в начале июля, взяв с собой походную церковь и все необходимые принадлежности, группа миссионеров направлялась вниз по реке для проповеди слова Божьего, совершая по пути во время остановок беседы с инородческим населением о тщетности идолопоклонства, промысле Божьем, Божьем суде, религиозной нравственности.

С середины июля организовывались экспедиции в «заповедные» места для предполагаемого основания миссионерского стана, где также производилось крещение и узаконение браков коренных народов³⁴⁴.

Деятельность Сургутской миссии распределялась между самоедами-язычниками и инородцами-остяками, заселявшими Сургутский округ Тобольской губернии. Специфика функционирования миссии определялась спорадическими контактами православного священства с язычниками-самоедами, приезжавшими в Сургут и районы Сургутского округа в январе и декабре каждого года для сбыта продуктов рыболовного и звероловного промыслов, а также приобретения предметов домашнего обихода. Задачи миссионеров, таким образом, заключались

³⁴³ Подсчитано автором: Отчёты Тобольского епархиального комитета Высочайше утверждённого православного миссионерского общества. 1872-1906 гг.

³⁴⁴ Отчёты Тобольского епархиального комитета Высочайше утверждённого православного миссионерского общества. 1872-1906 гг...

в оперативных действиях по крещению невоцерковлённых и проповедей и богослужебных бесед утверждающего характера с теми, кто уже был обращён в православие. В данной связи служители миссии старались максимально упростить содержание просветительских бесед, оперируя примерами из общественной и частной жизни инородцев, соотнося эти сюжеты с принципами христианства, поощрялась также деятельность добровольных помощников миссионеров из русского служилого населения. Так, в одном из отчётов сообщается об опыте прихожанина Троицкой церкви урядника Е. Кайдалова, хорошо знавшего ненецкий язык, взявшего к себе в дом некрещеную самоедку 30 лет и научившего её православным молитвам и основам христианской жизни³⁴⁵.

Миссионерские практики по отношению к окрещённым инородцам-остякам также были затруднены эпизодическим форматом коммуникации с пастырями. Однако в отличие от миссионерской работы с самоедами, к которым часто было невозможно добраться, поездки в станы остяков, живших в пределах Сургутского округа, являлись частью просветительской программы миссии. Данные миссионерские путешествия носили регулярный характер, прерываясь только на период установления и вскрытия рек, и предполагали серии религиозно-просветительских бесед и действий по крещению инородцев края³⁴⁶.

Важной составляющей в деятельности миссий Тобольской епархии в отношении коренного населения являлась работа по организации школьного инородческого образования. Во второй половине XIX – начале XX вв. в границах Тобольской епархии успешно функционировали школы грамотности: Обдорская церковно-миссионерская школа, Абалакская инородческая школа и школа, созданная для вогулов. Учителями в таких школах, как правило, являлись священники и дьяконы, закончившие учительские семинарии, а основными предметами – Закон Божий, русский и славянские языки, чистописание,

³⁴⁵Отчёт Тобольского епархиального комитета Высочайше утверждённого православного миссионерского общества за 1887 год...С.136-137.

³⁴⁶ Там же. С.137-142.

арифметика и церковное пение. В 1880-х гг. в инородческих школах активно вводилось обучение различным ремёслам. Наиболее успешные ученики, продвинувшиеся в сфере понимания основ христианства, препровождались в Тобольское духовное училище для продолжения образования с целью поступления на службу при миссиях Тобольской епархии³⁴⁷.

Одним из направлений деятельности Тобольской епархии исследуемого периода являлось миссионерство среди мусульманского населения губернии. В связи с назревшей потребностью отправки проповедников в степные зоны Западной Сибири Святейший Синод отправлял запросы в Главное управление Западной Сибири об открытии миссий в Акмолинской и Семипалатинской областях, входивших в первой половине XIX в. в состав Тобольской губернии. Однако только в 1882 г. Синод разрешил учредить «Киргизскую миссию» как отделение Алтайской духовной миссии, а открытие Тобольской противомусульманской миссии, расквартированной непосредственно в Тобольске и ориентированной в своей просветительской программе на деятельность среди сторонников ислама в Тобольской губернии, состоялось только 15 февраля 1900 г. Комментируя факт открытия миссии, тобольский епархиальный миссионер священник Ефрем Елисеев писал, что, несмотря на широкое распространение православия в инородческой среде губернии, «миссионерство не закончилось, но даже затруднилось в лице аборигенов-татар, принявших враждебный христианству и всему доброму – ислам, исповедывавших до сего – шаманство»³⁴⁸. По мнению Елисеева, распространение христианства в мусульманской среде необыкновенно затруднено сплочённостью адептов ислама, поэтому «появление миссионера среди татар более опасно, чем агнца среди множества волков...»³⁴⁹.

³⁴⁷Отчёт Тобольского епархиального комитета Высочайше утверждённого православного миссионерского общества за 1887 год...С.144.

³⁴⁸ Елисеев Е. Учреждение противомусульманской миссии в Тобольской епархии. СПб.: Т-во «Книговед», 1902. С.2.

³⁴⁹ Там же. С. 14.

Формулируя задачи Тобольской противомусульманской миссии, священник настаивал на том, что противостояние исламу возможно только при условии участия в этом деле всего духовенства епархии и прихожан-христиан, которые, общаясь со своими знакомыми мусульманами, будут настойчиво приглашать их в христианство³⁵⁰.

Практическая деятельность миссии наглядно продемонстрировала справедливость этих предостережений и пожеланий. Первые успехи миссии были зафиксированы спустя более чем год после её учреждения, 18 ноября 1901 г., когда в православие было обращено 9 мусульман, из которых 3 были крещены в Тюменском Троицком монастыре, а ещё 6 человек в селе Велижанском Тюменского уезда³⁵¹. Показательно, что в дальнейшем статистика обращённых в православие сторонников ислама оставалась стабильно невысокой. Согласно сведениям отчётов, в первое десятилетие XX века общее число новообращённых составило лишь около 150 душ обоего пола³⁵².

По мнению миссионеров, причина незначительных количественных показателей обращения в христианство татар-мусульман Тобольской губернии коренилась в способности данной этно-конфессиональной группы к консолидации и совместным протестным действиям. По свидетельству главы миссии Е.Елисеева, «знаменательная дата» крещения 9 мусульман Тюменского уезда обернулась антирусскими волнениями татар в Тобольске в 1902 г.³⁵³. В то же время деятельность миссий в контексте обращения в православие татарского населения не всегда встречала поддержку государственных структур, и в частности полиции, представители которой оказывали помощь миссионерам только в результате напоминания статьи закона, в соответствии с которой

³⁵⁰ Там же. С.18.

³⁵¹ Елисеев Е. Знаменательный день в жизни Тобольской миссии// Тобольские епархиальные ведомости. 1901. №24. С. 554–556.

³⁵² Подсчитано автором по: Отчеты Тобольского епархиального комитета Православного Миссионерского Общества за 1900-1910 гг.

³⁵³ Елисеев Е. Записки миссионера за 1902 г. СПб.: Книговед, 1902. С.9.

«посланных от духовного начальства проповедников слова Божьего губернское начальство не только охраняет между иноверцами от всяких обид, но и оказывает им во время проповеди всякое вспомоществование»³⁵⁴.

В целом, современниками и исследователями деятельность православных миссий Тобольской епархии оценивалась неоднозначно. А.Н. Сулоцкий, комментируя результаты функционирования Обдорской миссии и признавая успехи в деле христианизации кочевых инородцев, отмечал, что достижения миссионеров не соответствовали ожиданиям духовного начальства частью по свойствам язычников, лишённых постоянной опеки пастырей, частью по ограниченности материальных средств, выделяемых миссии. Сулоцкий указывал, что привлечь народы севера-запада Сибири к христианству «можно только постепенным сближением, долговременным знакомством, внушающим доверие, и материальной помощью»³⁵⁵. Слова протоиерея подтверждаются и материалами отчётов миссионерских отделов Тобольской епархии, в которых прямо говорится о скромных финансовых возможностях миссионеров, не получавших в период своей деятельности «выдающихся пожертвований»³⁵⁶.

Деятельность Алтайской духовной миссии на фоне относительных неудач в миссионерской работе отделений Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. носила практически образцовый характер, что во многом корректировалось переориентацией переселенческих потоков в направлении земледельческих зон Томской губернии и интенсивным развитием кабинетской промышленности и аграрного сектора на Алтае.

Примечательно, что в организации сибирского миссионерства вообще и особенно Алтайской духовной миссии значимую роль играл субъективный

³⁵⁴ Там же. С.17.

³⁵⁵Сулоцкий А.И. Миссионерства Берёзовского края – обдорское, кондинское и в особенности сургутское. СПб.: Тип. духов, журн. «Странник», 1869. 14 с. Оттиск из: Странник. 1869. С.108-109.

³⁵⁶Отчёт Тобольского епархиального комитета Высочайше утверждённого православного миссионерского общества за 1887 год...С.128.

фактор. Архимандрит Макарий, возглавивший руководство миссией в 1884 г., разработал правила, по сути, программу, ставшую основой всей миссионерской работы в Томской губернии. Важным является и то, что Алтайское миссионерство было тесным образом связано с казанской школой востоковедения, в практической работе опираясь на идеи А.К. Казем-бека и Н.И. Ильминского³⁵⁷.

Базисом программы стали принципы, учитывавшие полиэтничность и поликонфессиональность населения региона, а также правило, согласно которому миссионеры должны были нести в край просвещение, культуру и современные практики хозяйственной деятельности, что требовало постоянных контактов с инородческим населением, его изучения, а также распространения грамотности в среде индигенных народов³⁵⁸. Результаты миссионерской работы Макария были впечатляющими: он лично крестил 675 инородцев, устроил пять православных селений с двумя церквями, тремя школами, одной больницей и богадельней. К 1892 г. на Алтае более половины местного населения были христианами (19 216 человек). Кроме того, усилиями Макария и его сподвижников-миссионеров в Томской губернии было обустроено 192 православных поселения, 49 храмов и молитвенных домов, 2 монастыря, регулярно совершалось богослужение на алтайских наречиях, в том числе на телеутском³⁵⁹. В пределах миссии функционировало 25 училищ (2 мужских, 2 женских и 21 смешанных). Высшее образование для миссионерских целей давалось в катехизаторском училище, состоящем при Бийском архиерейском доме, под личным наблюдением начальника миссии. В женском училище при

³⁵⁷ Фендель Е.Р. Коренные народы Нарымского края в трудах Макария (Невского): к вопросу о теоретических подходах // Вестник Томского государственного ун-та. История. 2014. № 3 (29). С.101-102.

³⁵⁸ Мануил (Лемешевский), митр. Макарий, митр. Московский и Коломенский // «Царю Небесному и земному верный». М.: Паломник, 1996. С. 253.

³⁵⁹ Нестеров С. В. Жизнь и труды алтайского миссионера архимандрита Макария (Глухарева) и актуальные вопросы его духовного наследия. М.: ПСТГУ, 2005. С.211.

Улалинском монастыре кроме грамотности производилось обучение женскому рукоделию³⁶⁰.

Разумеется, в организации миссионерства в Томской губернии иерархи церкви должны были строго учитывать реальные этно-конфессиональные и социокультурные обстоятельства реализации принципов и положений миссионерской программы. По статистическим данным, к концу XIX в. состав Томской губернии входило 7 округов: Барнаульский, Бийский, Змеиногорский, Каинский, Кузнецкий, Мариинский и Томский, общая численность которых составляла 1 927 тыс. человек³⁶¹. К титульному (русскому) этносу принадлежало абсолютное большинство – 86,01 % всего населения. Далее по численности следовали украинцы (5,15%) и татары(4,94%). От одного процента и менее составляли киргиз-кайсаки(казахи) – 24 343 человек, или 1,28% от всего населения губернии, мордва(0,76%), иудеи(евреи) (0,4%), поляки(0,33%), белорусы (0,24%)³⁶². В вероисповедном отношении 90,4% принадлежало к православному христианству, к старообрядчеству - 5,14 %, мусульманству - 2,09 %, римско-католической конфессии - 0,47 %, язычникам - 1,34%³⁶³.

Относительно стабильная и равнозначная статистика неправославных элементов в населении Томской губернии предполагала и соответствующее распределение усилий миссионеров, их пространственных перемещений и контактов с невоцерковленными, что детально фиксировалось в отчётах миссий и путевых заметках православных служителей³⁶⁴.

Необходимо отметить, что сообразно с программой миссионерской деятельности, озвученной духовным лидером Алтайской миссии архимандритом

³⁶⁰ Извлечение из всеподданейшего отчета Обер-Прокурора Святейшаго Синода по ведомству православного исповедания за 1886 г. // Церковные ведомости. 1889. № 9. С.82.

³⁶¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н.А. Тройницкого. [Санкт-Петербург]: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. 27 см. 79: Томская губерния. 1904. [4], XXVI, С.17.

³⁶² Там же. С.10.

³⁶³ Там же. С.18.

³⁶⁴ Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии: сборник архивных документов. Барнаул: Алтайский дом печати, 2016. 204 с.; Отчёты Алтайской духовной миссии. 1879-1919 гг.

Макарием, центральной задачей являлось тщательное изучение образа жизни, традиций и поведенческих стереотипов инородцев и иноверцев региона, кочевья и станы которых располагались в значительном удалении от очагов гражданской жизни губернии. Миссионер Урскульского отделения Алтайской духовной миссии, священник Константин Соколов, сравнивал труд миссионера с трудом землепашца: Наступает весна, дорогая пора для земледельца, и он выходит для сеяния на селе своем. Весь день видите вы его тогда в поле, в поте лица трудящегося над обработкою нивы своей. Не может и миссионер, этот духовный земледелец, сидеть спокойно в четырех стенах дома, при наступлении времени благоприятного для сеяния слова Божьего на дарованной ему Богом ниве, когда он видит, что и тепленько стало, и бурные, горные реки угомонились, и подножный корм для его лошадок есть³⁶⁵.

Заметим, что миссионерство в отношении язычников Томской губернии было связано с преодолением больших расстояний, поскольку данная категория коренного населения была сконцентрирована, главным образом, в территориальном ареале Нарымского округа, где проживали кочевники-самоеды и остяки. Обращение этих групп в православное христианство, по мнению самих миссионеров, было невозможно без понимания сущности их религиозных убеждений.

Во многом поэтому поездкам миссий в отдалённый регион всегда предшествовало доскональное ознакомление с теми сведениями, которые были оставлены светскими путешественниками (Новицкий, Плато Карпини, Марко Поло, Финш, Кастрен, Миддендорф и др.)³⁶⁶. Детальный сбор сведений о коренных жителях Нарымского края, с миссионерской точки зрения, был полезен в качестве своеобразной преамбулы к осуществлению планов миссии. Так, Н. Городков, опубликовавший в региональных епархиальных ведомостях серию

³⁶⁵ Соколов К. Из записок миссионера Урскульского отделения Алтайской духовной миссии // Томские епархиальные ведомости. 1891. № 20. С.12.

³⁶⁶ Городков Н. Самоеды Нарымского края Томской губернии // Томские епархиальные ведомости. 1888. № 18, 24.

статей, посвящённых нарымским самоедам и осякам, в итоге констатировал, что изучать религию и религиозную жизнь известного народа удобнее всего самим служителям религии, и если бы «...духовенство, проживающее среди нашего самоедского населения, захотело бы заняться изучением их религии, то вероятно увидело и услышало бы ещё больше, чем мог видеть и слышать Кастрен»³⁶⁷.

Тем не менее обстоятельное исследование религиозных взглядов инородцев Нарымского края, в том числе и предшественников миссионеров, открывало перед священниками православных миссий широкие возможности конструирования стратегических и тактических программ христианизации инородцев. Складывалось понимание, что сам по себе факт обращения самоедов и осяков в православие не означал подлинного принятия ими христианства, а долгосрочные контакты с русским населением не столько укрепляли автохтонов в православной вере, сколько способствовали их нравственному падению.

По заключению упомянутого выше Н. Городкова, «несмотря на то, что многие самоеды и осяки были обращены в христианство, христианство привилось мало даже внешним образом, не говоря уже о внутренней стороне его. При постоянно бродячей жизни по лесам и речным угодьям, миссионерам нередко приходилось ограничиваться одним крещением и сжиганием идолов, да постройкой храмов на огромном расстоянии друг от друга. О тщательном научении христианским истинам нечего было и думать»³⁶⁸.

Совмещение экспертной работы по изучению религиозных воззрений с практической деятельностью наглядно проявлялось и в миссионерских практиках в отношении других регионов и групп населения, в частности инородцев Алтая. Именно в процессе христианизации коренных народов в областях Алтая были разработаны и внедрены в практическую сферу основные направления миссионерской программы деятельности. При этом характерно, что служители

³⁶⁷Там же. № 24. С.10.

³⁶⁸ Там же. С.13.

миссии, возглавляемой с 1883 г. архимандритом Макарием (Невским), склонны были к ограниченному и постепенному крещению инородцев. Так, в отчёте Алтайской духовной миссии за 1883 г. говорилось, что «если бы при том малом числе деятелей и той скудости материальных средств, какие были в первый период существования миссии, алтайцы стали креститься сотнями или тысячами, как желалось бы некоторым ревнителям не по разуму, было бы много крещённых, но мало истинных христиан, а могло быть и того хуже, повторилась бы та история отпадения, которая случилась в Казанской и других губерниях... Оставленные без научения, эти, номинальные христиане Алтая, могли бы возвратиться к шаманству, или быть увлечёнными в буддизм, через пропаганду соседей из Монголии, или, что гораздо хуже, попасть под влияние магометанства через соседство с киргизами и торговые отношения с татарами Тобольска и Казани»³⁶⁹.

В итоге к основным векторам миссионерской работы, в которой Русская Православная Церковь отчётливо позиционировала себя в качестве актора колонизации периферийных территорий Западной Сибири с преобладающим иноэтничным и иноконфессиональным сегментом населения, относилось следующее: богослужение и проповедования на церковно-славянском наречии и языках местных инородцев во всех станах, церквях и молитвенных домах; воскресные беседы, устраиваемые совместно для русского и инородческого населения; обучение и воспитание детей, получавших при миссиях начальное образование; подготовка и цензурирование переводов на инородческие языки церковных книг духовно-нравственного содержания; улучшение быта новокрещённых путём распространения новейших орудий труда и опыта хозяйственной деятельности; организация миссионерских больниц и фельдшерских пунктов в отдалённых местностях; благотворительность и

³⁶⁹Отчёт об Алтайской и Киргизской миссиях за 1883 г. Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1883. С.13-14.

приходское попечительство, направленные на преодоление нищеты и пороков среди коренного населения³⁷⁰.

В результате деятельности Алтайской духовной миссии в продолжительный исторический отрезок второй половины XX – начала XX вв. её сотрудниками были охвачены широкие слои некрещеного и невоцерковлённого населения в Нарымском округе, на Алтае, в Горной Шории, Хакасии. За период деятельности число миссионерских селений, в которых проживало 46 729 крещеных инородцев, в Томской губернии достигло 434. В миссионерских станах насчитывалось 11 приписных храмов, 47 молитвенных домов и 10 часовен. Помимо богослужебных учреждений на территории Алтайской миссии действовали Архиерейское подворье, 6 миссионерских монастырей и общин, а также целый ряд благотворительных учреждений, что свидетельствует не только о значимых количественных показателях учреждения Русской православной церкви, но и высоком авторитете института церкви в регионе, наиболее активно включаемом в исследуемый период в административно-территориальное и социокультурное пространство российского государства.

Функционирование Киргизской миссии, выделившейся в 1882 г. из Алтайской духовной миссии и вошедшей в 1895 г. в состав Омской епархии, определялось и было связано с политическими и культурными задачами колонизации степных территорий на восточных окраинах империи. Если в XVIII – первой половине XIX вв. Россия, проявляя активный интерес к степным перифериям Востока действует в основном дипломатическими и разведывательно-экспертными методами, то во второй половине XIX столетия формируются предпосылки для административно-территориального

³⁷⁰ Там же. С.14-18.

«присвоения» и аграрного освоения прилегавших к внутреннему ареалу земледельческой колонизации Акмолинской и Семипалатинской областей³⁷¹.

Не подлежит сомнению, что имперское «оцентрирование» пространств Степного края, вовлекаемых в земледельческий оборот, невозможно было выстроить вне системы координат «политики населения», учёта его этнического и вероисповедного состава, что во многом должно было определить и функциональные задачи Русской православной церкви в регионе. По статистическим данным, представленным П.П. Семёновым-Тян-Шанским, в Акмолинской и Семипалатинской областях Степного (Киргизского) края кочевое инородческое население в начале XX в. являлось преобладающим, и если в первой соотношение было практически равнозначным: 442 224 душ кочевых и 361 770 оседлых, то во второй области число кочевников равнялось 591 701 человек, тогда как оседлых насчитывалось 94 352 души³⁷². В целом, коренной этнос – киргизы (казахи) составляли 73,6 % населения, русские – 25, 8 %³⁷³ По вероисповеданию население делилось преимущественно на две большие группы: мусульман (73,5 %) и христиан (26,4 %), разбавленных фрагментарно язычниками-калмыками (0, 4 %)³⁷⁴. В одном из миссионерских отчётов (1898 г.) прямо говорится о том, что основным препятствием к спокойной и последовательной христианизации индигенного населения является тотальное их преобладание над русским и приводится показательная статистика по

³⁷¹Чуркин М.К.Репрезентации власти и общества Кокандского ханства в травелогах русских путешественников первой половины XIX в. // Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований: Материалы второй Всероссийской научной конференции, посвящённой памяти известного учёного, педагога, просветителя и общественного деятеля, доктора исторических наук, профессора Александра Владимировича Старцева (1956-2019), Барнаул, 05–06 мая 2022 года / Под редакцией Д.Л. Проказина. – Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2022. С.68-73.

³⁷² Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная книга для русских людей. Т.18. Киргизский край...С.179.

³⁷³ Там же. С. 182.

³⁷⁴ Там же. С.184.

Семипалатинской области, где на 37 000 русских обывателей приходится до 800 000 инородцев³⁷⁵.

Показательно, что тенденция прироста русского населения в связи с реализацией планов аграрного переселения в Степной край проявлялась крайне медленно. Так, например, известный специалист в восточном вопросе, западно-сибирский генерал-губернатор А.О. Дюгамель, считал, что «...несмотря на то, что встречаются самые благоприятные условия и роскошные пастбища, эта степь не годится для земледелия и всегда будет населена исключительно кочевым племенем»³⁷⁶.

В 1873 г. акмолинский губернатор В.С. Цытович, рассуждая во всеподданнейшем отчёте о необходимости «соединить в развитии в кочевом населении русской цивилизации и просвещения» посредством реализации «возможности соприкосновения киргизских зимовых стойбищ с оседлыми поселениями», получил от генерал-губернатора А.П. Хрущёва резко негативный отзыв: «Утопия»³⁷⁷. Только с момента вступления в должность генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Кознакова (1875 г.) начала формироваться альтернативная позиция, предельно лаконично озвученная в материалах Всеподданнейшего отчёта: «Положение степных областей требует особого внимания. Со времени принятия киргизами русского подданства, успехи, сделанные ими в гражданственности, ничтожны... Доколе киргизы будут одиноко совершать в пустынных пространствах огромные орбиты своих кочёвок, вдали от русского населения, они останутся верноподданными лишь по названию...»³⁷⁸. По мнению старшего чиновника особых поручений Н.Н. Балакшина, «осторожное водворение русских в означенной местности с течением времени уравнесило бы преобладающий в ней киргизско-мусульманский

³⁷⁵ Отчёт о состоянии Киргизской миссии Омской епархии за 1898 г. // Омские епархиальные ведомости. 1898. № 18. С.7.

³⁷⁶ Автобиография А.О. Дюгамеля // Русский архив. 1885. № 7. С.25.

³⁷⁷ ГИАОО. Ф. 3, Оп. 7. Д. 11285. Л. 309.

³⁷⁸ ГИАОО. Ф.3. Оп.8. Д.13315. Л.232.

элемент и не только не вызывало бы никакого кризиса в пастушьем быту киргизов, напротив, послужило бы...к их же обеспечению в экономическом отношении, усиливая производство в степях и способствуя развитию торгового движения»³⁷⁹.

По всей вероятности, разворачивание миссионерской деятельности в Степном крае и создание собственно Киргизской миссии непосредственным образом вплетались в имперские планы относительно земледельческой колонизации. Так, протоиерей Вербицкий, предоставляя редакции Томских епархиальных ведомостей материалы, содержавшие краткие сведения о деятельности Киргизской миссии, особо подчёркивал тот факт, что потребность в её создании появилась раньше, чем в организации Алтайской духовной миссии, и архимандрит Макарий (Невский) ещё в 1850-х гг. настаивал на приоритетном значении миссионерской деятельности в степных регионах. Однако он получил отказ³⁸⁰, и миссионерская работа в степных областях началась только в 1880-х гг., когда отчетливо обозначился курс на аграрно-земледельческое освоение областей Степного края.

В 1880-х гг. оформляются основные направления деятельности Киргизской миссии и происходит разделение зон ответственности с миссией Алтайской, ориентированной на работу с телеутами и татарами. Служители Киргизской миссии должны были основные усилия направить на автохтонное киргизское население, которое испытывало на себе мощное влияние со стороны мусульманских проповедников. По подсчётам протоиерея В. Вербицкого, число необращённых в Семипалатинской области Степного края достигало 500 000 коренного населения, в Акмолинской – порядка 350 000³⁸¹.

В этой связи не только церковные иерархи, но и представители чиновной бюрократии выражали тревогу по поводу нерешительных действий центральной

³⁷⁹ ГИАОО. Ф.3. Оп.8. Д.13315. Л. 558-561.

³⁸⁰ Краткие сведения об Алтайской духовной миссии // Томские епархиальные ведомости. 1886. № 22. С.15.

³⁸¹ Там же. С. 16.

власти по заселению и русификации края, справедливо полагая, что ограничения аграрных переселений в Степной край открывает шлюзы для создания «заповедного для русских киргизско-мусульманского государства»³⁸². Данное заявление, как и множество подобных ему, во многом стало платформой коллаборации церкви и государства в решении ключевых колонизационных задач, гарантировало поддержку миссионерских акций в отношении коренного населения. В качестве иллюстрации можно привести риторические приёмы, используемые имперскими экспертами (Балакшин Н.Н.): «ради защиты Христа от мусульманского изуверства», «водворение русских поселенцев в степных областях... уравнило бы в степях мусульманский элемент русскою народностью»³⁸³.

Информация о влиянии мусульманских проповедников на автохтонов Степного края – общее место отчётов по результатам миссионерской деятельности. В частности, представители Киргизской миссии, оценивая свою работу в 1898 г., отмечали безуспешность многих своих поездок по киргизским станам, что во многом объяснялось активной пропагандой «фанатиков-мулл из татар и турецких выходцев, во множестве наводняющих степь истарающихся вкоренить среди доверчивых киргиз ислам»³⁸⁴. Муллы, в их характеристике – «настоящие хищные птицы, которые по отъезде миссионера, налетают на аул и похищают упавшее было семя слова»³⁸⁵.

Таким образом, крещение и просветительская работа среди киргизского населения с целью ограничения влияния исламских проповедников представляли собой генеральное направление в деятельности Киргизской миссии.

Одним из положительных факторов, сопутствовавших деятельности миссионеров в Степном крае, являлась в целом позитивная, а в отдельных случаях

³⁸² ГИАОО. Ф. 3. Оп.7. Д.11587. Т.1. Л.38.

³⁸³ Там же. Оп.8. Д.13315. Л. 652-652 об.

³⁸⁴ Отчёт о состоянии Киргизской миссии Омской епархии за 1898 г...С.7.

³⁸⁵ Там же.

индифферентная реакция автохтонного населения на практики просветительской работы миссий. Священник-миссионер Филарет Синьковский, отчитываясь о поездке в 1888 г. в пос. Буконский стана Киргизской миссии отмечал, что «во время миссионерских своих поездок по киргизским аулам, к их проповеди почти все слушатели относились с полным, а некоторые с необыкновенным вниманием. Везде принимали охотно, с почтением, а иногда и с почетом»³⁸⁶. В то же время, по констатации миссионеров, в противостоянии с исламским влиянием одного расположения или терпимого к православию отношения инородцев было явно недостаточно. К разряду основных сложностей, прямо или косвенно упоминавшихся на страницах отчётов и в записках священников миссий, относилось:

Во-первых, дефицит ассигнуемых финансов и пожертвований, что постоянно направляло руководителей миссий к поиску различных путей расширения материальных возможностей. Православное миссионерское общество часто выступало посредником в прошениях региональных миссионеров, публикуя на страницах центральной епархиальной прессы воззвания о пожертвованиях в пользу миссионерского дела, объясняя попутно сколь трудным является путь миссионерства в Сибири и Степном крае³⁸⁷. Ф. Синьковский, благодаря Господа за финансовую поддержку в отчётном 1888 г., попутно заметил, что основным ходатаям благотворителей выступил генерал-губернатор Степного края Г.А. Колпаковский, подчеркнув тем самым ограниченный и не всегда добровольный формат материальной помощи Киргизской миссии³⁸⁸. Отчасти проблема заключалась в том, что учреждённый в 1897 г. Омский епархиальный комитет православного миссионерского общества не контролировал деятельность Киргизской миссии, а лишь оказывал ей содействие, в том числе занимался

³⁸⁶Записки Киргизского миссионера, священника Филарета Синьковского, за 1888 год // Томские епархиальные ведомости. 1889. № 8. С.1.

³⁸⁷ Воззвание о пожертвованиях на пользу миссионерского дела // Церковные ведомости. 1888. № 8. С.191-193.

³⁸⁸ Записки Киргизского миссионера, священника Филарета Синьковского, за 1888 год...С.2.

поиском средств на миссионерские нужды епархии, «...стремился возбудить сочувствие к миссионерскому делу и привлечь ревнителей православной веры и христианского благочестия к посильным жертвованиям, необходимым для осуществления цели – обращение в православие обитающих в пределах Российской империи не христиан и утверждения обращенных в истинах Святой веры и правилах христианской нравственности»³⁸⁹.

Во-вторых, отдалённость киргизских аулов от областных городов и большие расстояния между населёнными пунктами (100-150 вёрст), что часто приводило к парализации деятельности священников, по воле обстоятельств служивших в нескольких приходах. Ф. Синьковский с горечью замечает: «Неудивительно, если вся догматика таких христиан, которые редко видят духовного пастыря, ограничивается крестным знаменем и знанием одной-двух молитв, без понимания их смысла»³⁹⁰.

В-третьих, низкий уровень элементарной грамотности населения киргизских аулов в условиях территориальной близости татарских населённых пунктов, грамотные жители которых произвольно брали на себя функцию учителей и жизненных наставников (проповедников), крайне неустойчивых в вероисповедных представлениях инородцев. Так, в Аккульской волости, ауле Баймурун, географически близком к Семипалатинску, самовольно учительствовал татарин, представлявшийся муллой и ведший с киргизами соответствующие беседы. Священник, ставший свидетелем данного события, сетовал: «Теперь же много предстоит проповедникам христианства борьбы с развивающимся среди киргизов исламом, благодаря быстро усиливающейся среди них мусульманской грамотности»³⁹¹.

³⁸⁹ Отчет Омского епархиального Комитета православного миссионерского общества за 1902 г. // Омские епархиальные ведомости. 1903. №10. С.28.

³⁹⁰ Там же. С.3.

³⁹¹ Там же. С.5.

В целом, следует отметить, что Киргизская миссия Омской епархии осваивала достаточно узкий, но чрезвычайно важный в колониационном отношении участок работы, реализуя государственные и церковные задачи в Семипалатинской и Акмолинской областях Степного края и части уездов Алтайского горного округа Томской губернии. Системность организации станов создавала в целом благоприятные условия для реализации задач православной миссии по религиозно-нравственному воспитанию новокрещеных, их хозяйственно-экономической адаптации и встраиванию в российский социум с сохранением этно-культурного своеобразия.

Резюмируя, отметим, что во второй половине XIX – начале XX вв. миссионерское дело Русской Православной Церкви в Западной Сибири и Степном крае становится эффективным инструментом внутренней колонизации и конструируется в рамках инородческой политики Российской империи на восточных окраинах, в основе которой лежали принципы патернализма и идеи создания условия для «взреления» индигенных народов. В обстоятельствах культурной модернизации пореформенного времени с сопутствовавшим ей развитием религиозного индифферентизма в сознании населения центра страны инородцы Западной Сибири и Степного края в массе своей оставались в лоне традиционализма, что создавало благоприятные предпосылки для успешной миссионерской работы Русской Православной Церкви в этой среде. В процессе организации миссионерских станов, совершения регулярных сезонных и внесезонных поездок в аулы и кочевья коренных народов, трансляции в инородческую среду практик российского образования и просвещения происходила не только инкорпорация автохтонов в состав русского социума, но и постепенное формирование особой социокультурной идентичности православных служителей, основанной на чувстве сопричастности дела православной церкви государственным планам колонизации окраин империи.

2.2. Признанные «терпимые» и непризнанные религиозные сообщества Западной Сибири и Степного края в сфере идеологии и деятельности Русской православной церкви.

Позиция Русской православной церкви в отношении инославных христианских сообществ, а также нехристианских объединений соотносилась с государственной конфессиональной политикой, фиксировалась в общественно-политическом дискурсе и законодательстве Российской империи.

В риторике российских государственно-церковных и общественных деятелей центральное место занимал вопрос о тесном сотрудничестве церкви и государства как условия, необходимом для реализации идеи гражданского союза. По убеждению К.П. Победоносцева, «когда начинается борьба из-за начал духовно-религиозных, невозможно рассчитать, какими пределами она ограничится и какие элементы вовлечет в себя; до чего дойдет и где уляжется море страстей, взволнованное спором за убеждения и верования»³⁹². Обер-прокурор Святейшего Синода, один из лидеров российского консерватизма, полагал, что основные грани противоборства церкви и государства в Западной Европе сформировались в эпоху Реформации³⁹³, а католичество и протестантизм в равной степени отразили в своих вероисповедных концепциях претензии на политическую власть, в то время как в православии - «корень всей жизни народа, главные ключи всякого добра и правды на земле»³⁹⁴.

Журналист и издатель консервативного толка М.Н. Катков, в равной степени критически относясь ко всем вариантам раскола и росту влияния римско-католической и протестантской церквей, в своих публикациях сформулировал тезис: «Православие – основа русской народности»,³⁹⁵.

³⁹² Победоносцев К.П. Церковь и государство // Московский сборник. М.: Синодальная типография, 1901. С.1.

³⁹³ Там же. С.4.

³⁹⁴ Там же. С.255.

³⁹⁵ Катков М.Н. Идеология охранительства. М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. 800 с.

Размышления идеологов российского консерватизма о границах свободы вероисповеданий в целом сводились к выводу, сформулированному М.Н. Катковым: «Вопрос религиозной свободы не должен быть поставлен как вопрос расширения прав той или другой иноверческой секты, но как вопрос, касающийся льгот, принадлежащих русским людям»³⁹⁶.

В заданном дискурсивном поле во второй половине XIX – начале XX вв. реализовывалась идеология и деятельность РПЦ по отношению к той части подданных Российской империи, которая не была включена в сферу влияния отечественного православия.

В соответствии со Сводом законов Российской империи модель государственно-конфессиональных отношений, неизменно реализуемая в системе координат отечественного колониационного процесса, включала в себя три иерархических ступени: официальное православие, «терпимые» вероисповедания (католики, протестанты, нехристианские сообщества: иудеи, мусульмане, буддисты, язычники), непризнанные религиозные объединения (раскольники и сектанты).

Принимая во внимание тот факт, что вопрос инкорпорации мусульман Азиатской России, а также лиц, уклонившихся в старообрядческий раскол, являлся составляющей частью миссионерской деятельности РПЦ и детально обсужден в предыдущем параграфе диссертации, внимание автора будет сосредоточено главным образом на «терпимых» христианских (католики, протестанты) и нетерпимых (сектанты штундо-баптисты) сообществах, численность и влияние которых в условиях аграрных переселений второй половины XIX – начала XX вв. неуклонно возрастали.

Очевидным представляется, что в ситуации внутренней колонизации исследуемого периода наибольший объем прав и преференций распространялся на сторонников официального православия, в то время как в отношении

³⁹⁶ Там же. С. 447.

представителей «терпимых» вероисповедных групп устанавливался отдельный правовой режим, а непризнанные религиозные сообщества до 1905 г. являлись нелегитимными, что не лишало их возможности придерживаться избранной вероисповедной концепции, но в принципе исключало любые формы пропаганды своих религиозных взглядов. Закон в части о предупреждении и пресечении расколов и ересей между православными (ст.45) гласил: «Раскольники не преследуются за мнения о вере, но запрещается им совращать и склонять кого-либо в раскол свой, под каким бы то видом ни было, чинить какие-либо дерзости против православной церкви или против её священнослужителей и вообще уклоняться почему-либо от соблюдения общих правил благоустройства, законом определенных»³⁹⁷. Ограниченность в правах раскольников и сектантов как «нетерпимых» закреплялась и широкими полномочиями светских губернских властей по содействию православному духовенству в охранении прав Церкви и незыблемости православной веры. Так, согласно ст. 298 Общего Губернского Учреждения, высшим чиновникам вменялось в обязанность «наблюдать тщательно, чтобы ереси, расколы и другие, предрассудками и невежеством порождаемые заблуждения, не были распространяемы между жителями вверенной им губернии, и чтобы, для отвращения сего зла и производимых оным соблазнов, были употребляемы благовременно все предписанные общими установлениями и особыми Высочайшими повелениями меры»³⁹⁸.

Выделяя принципиальные факторы выстраивания коммуникации РПЦ с иноверцами в условиях имперской периферии, обозначим, по крайней мере, два значимых обстоятельства:

Во-первых, взаимоотношения РПЦ в исследуемый период с признанными «терпимыми» и непризнанными религиозными сообществами Западной Сибири и Степного края выстраивались в соответствии с принципами и понятиями,

³⁹⁷ Скоров А.Ф. Законы о раскольниках и сектантах. М.: Типолитография Пашкова, 1903. С.95.

³⁹⁸ Там же.С.1-2.

сложившимися в XVIII столетии. По замечанию Р. Вильпиус, казаки, проникшие в Сибирь в 1580-х гг., и их последователи не занимались переименованием открытых ими территорий и не пытались разрушить или изменить образ жизни местного населения, которое продолжало поклоняться своим богам, разговаривать на своих языках, регулярно выплачивая дань завоевателям³⁹⁹. Однако, как полагает Р. Вильпиус, на рубеже XVII – XVIII вв. прежняя религиозная политика Московского царства, основанная на прагматических соображениях, стала восприниматься как признак отсталости Российской империи, стимулируя новое мышление в категориях межрелигиозного соперничества европейских держав, в дискурс которого Россия начала включаться с петровского времени⁴⁰⁰. По констатации исследователей, к концу XVIII в. территориальные приобретения России на юге и востоке превратили её в одну из обширных держав в мире, и эти завоевания породили имперское ощущение принадлежности к «цивилизированным» народам, что в свою очередь нашло воплощение в политике религиозной нетерпимости и агрессивной компании насильственной христианизации⁴⁰¹.

Безусловно, в обстоятельствах внутренней колонизации и продвижения русской оседлости на восточные окраины империи в продолжении XVIII – XIX в. политика религиозной нетерпимости амортизировалась как полиэтничным составом рядовых колонистов, так и широко распространённой практикой формирования корпуса региональной бюрократии, в котором этноконфессиональная специфика проявлялась максимально рельефно. Однако напряжённо-негативное отношение к иноверцам в сибирском обществе, регламентируемое и направляемое имперским дискурсом, сохранялось и

³⁹⁹ Вильпиус Р. Вестернизация России и формирование российской цивилизаторской миссии в XVIII в. // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917): Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вильпиус, Алексей Миллер. М.: НЛО, 2010. С.22-23.*

⁴⁰⁰ Там же. С.27.

⁴⁰¹ См. Ходарковский М. *Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500-1800. М.: НЛО, 2019. С.13; Вильпиус Р. Указ соч. С.27.*

тиражировалось. Будущий руководитель Западно-Сибирского отдела ИРГО и генерал от инфантерии И.Ф. Бабков в связи со своим назначением в 1858 г. оберквартирмейстером отдельного сибирского корпуса с плохо скрываемым раздражением описывал иноплеменный состав омского чиновничества: «...все они, по происхождению, принадлежали к иностранным народностям и большинство были иноверцы... немцы и шведы-лютеране, поляки, литвины...Словом сказать, не было ни одного человека с русской фамилией. Таким образом, по приезде в Омск, я сразу попал в какую-то немецкую колонию»⁴⁰².

Во-вторых, учитывая гетерогенность имперского пространства, фронтальный и дисперсный характер заселения окраин России, светские и церковные власти не рассчитывали на действенность ассимиляционных мероприятий в отношении «терпимых» адептов христианства и иноверцев, но при этом стремились получить в их лице лояльных подданных.

Характерно, что обеспечение лояльности понималось на региональном уровне двояко: как изоляция / автономизация «терпимых колонистов-земледельцев и предоставление им возможности реализовать свой экономический потенциал и как создание затруднений бюрократического характера тем группам населения, которые принадлежали к «нетерпимым» или намеревалось перейти в данную категорию (уклониться в раскол).

Так, в послании тобольского губернатора в Переселенческое управление (1910 г.), говорилось: «Благодаря разнородному по религии, экономической, духовной культуре населению, задерживается нормальное развитие поселка, причем численно слабейшая сторона нередко подавляется в ее культурно-экономических начинаниях. Я признал необходимым... селить переселенцев нерусской национальности и неправославных при значительных их партиях на

⁴⁰² Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859-1875 г. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1912. С.6-7.

отдельных от русского православного населения участках»⁴⁰³. В подобных ситуациях жизни и производственной деятельности в условиях бесконфликтной среды своеобразной гарантией политической и религиозной лояльности являлась экономическая и финансовая состоятельность колонистов.

В этой связи показательно, что в случаях, когда «терпимые» иноверцы демонстрировали готовность к хозяйственной и бытовой коммуникации с русским православным сегментом крестьянского населения, предчувствуя экономическую выгоду, имперские власти предпочитали принимать такие решения, которые обеспечивали успех колонизационного дела, полагая, что в сравнительно отдалённой перспективе они будут способствовать и лояльности колонистов. Так, крестьянский начальник Тарского уезда, получив прошение от немцев-колонистов информировал тобольского губернатора: «Из изложенного явствует, что просители желают устроиться лишь при благоприятных условиях, между тем как они при своей культуре были бы хорошими колонизаторами и для менее благоприятных в этом отношении местностей, таких как Тарский уезд. По сему, считаю необходимым предоставить им право выбрать в пределах Тарского уезда из свободного фонда тот или иной участок»⁴⁰⁴.

В отношении «нетерпимых» широкое распространение приобрели ограничения технического порядка, когда власти реагировали на прошения об исключении из православных метрических книг, демонстрируя готовность к сотрудничеству, но всегда находили повод для отказа истцам. Так, по ходатайству крестьянки села Половического Яминской волости Кузнецкого уезда Томской губернии Варвары Этапиной об исключении её из православия в связи с переходом в старообрядчество крестьянское отделение губернского управления

⁴⁰³ РГИА. Ф.391. Оп.4. Д.1. Л.15.

⁴⁰⁴ РГИА ф.391, Оп.4, Д.1, Л.12.

объявило, что «прошение Этапиной оставлено без движения за непредоставлением гербового сбора – 2-х марок по 75 копеек»⁴⁰⁵.

В процессе формирования стратегии инкорпорации признанных «терпимых» и непризнанных религиозных объединений в общее духовное пространство империи иерархи РПЦ отталкивались от вероисповедного состава населения России и его движения, демонстрируя по этому поводу сдержанный оптимизм. Так, Л. Тихомиров в размышлениях об обязательности для русского государства исторической вероисповедной политики, оперируя материалами переписи 1897 г., констатировал стабильное преобладание в населении Российской империи православного элемента: 1867 г. – 73, 8 %; 1897 г. – 73, 9 % (соответственно 74,5 и 118 млн. душ обоего пола)⁴⁰⁶. Вместе с тем автором была отмечена общая тенденция за 30 лет (1867-1897 гг.), в соответствии с которой в России обозначился существенный прирост сторонников нехристианских вероисповеданий (иудеи – 121 %; мусульмане – 70 %), представителей «терпимых» христиан (католики – 68 %; протестанты – 57 %) и уклонистов – раскольников и сектантов (41 %)⁴⁰⁷. По мнению Л. Тихомирова, в обозримой перспективе главная опасность для религиозной стабильности России будет исходить от мусульманства, число последователей которых, в том числе и за счёт присоединения к империи восточных окраин, возросло от 5, 5 млн. в 1867 г. до 13, 5 млн. в 1897 г.⁴⁰⁸. Критически оценивая усилия государства и РПЦ по амортизации влияния ислама, Тихомиров писал: «Должно вспомнить, что наша миссия в магометанских областях повсюду численно ничтожна. В то время, когда магометанство из Казани обратило к Исламу всю Киргизскую степь, мы лишь в самое последнее время организовали Киргизскую миссию, и как организовали!

⁴⁰⁵ ГАТО. Ф.3. Оп.44. Д.3964. Л.3.

⁴⁰⁶ Тихомиров Л. Вероисповедный состав России и обязательность для русского государства исторической вероисповедной политики // Миссионерское обозрение. 1902. № 4. С. 434.

⁴⁰⁷ Там же. С. 435.

⁴⁰⁸ Там же. С.434; См. об этом: Статистика российской империи. XXIX. Волости и населенные места. 1893. Вып.10. Тобольская губерния. СПб.: 1894. С.49.

Она состояла первоначально из 2-3 человек, да и теперь их немногим больше, а ограждение, например, имущественных интересов православных киргизов от произвола магометан и доселе составляет одну мечту. Мы доселе считаем себя очень щедрыми, когда даем на миссионерские нужды десятки тысяч там, где они требуют сотен тысяч. А между тем, это такие расходы, которые, с государственной точки зрения, принадлежат к наиболее производительным, ибо для охраны национально-государственной безопасности дают больше, нежели издержки на вооруженную силу»⁴⁰⁹.

На основании статистических выкладок, Л. Тихомиров сделал вывод о необходимости сохранения вероисповедальной политики в плане усиления государственной помощи деятельности РПЦ, раскрывая эту задачу так: «В тех местностях, где православная масса сплочена и где в исторических условиях не имеется ничего особенно неблагоприятного для действия православной Церкви, мы можем быть удовлетворены положением, открываемым статистическими данными за последние 30 лет. Но там, где инославие или иноверие является очень могущественным,— мы не можем иногда не испытывать тревожного чувства... В таких угрожаемых местностях представители всех ведомств и чинов отнюдь не позволяли себе вида индифферентизма или даже предпочтения к иноверцам, но являлись в своем личном и служебном поведении тем, чем должны быть по закону слуги и агенты православного государства»⁴¹⁰.

К числу таких «угрожаемых» местностей, что фиксировалось и в текстах региональных священнослужителей, относились территории Западной Сибири и Степного края, в особенности районы, недавно вошедшие в ареал гражданской колонизации, где православные епархии созданы были сравнительно поздно. Священник села Новоселье Тюкалинского уезда И. Голошубин, составивший справочную книгу Омской епархии, отмечал, что год организации епархии (1895

⁴⁰⁹ Тихомиров Л. Вероисповедный состав России и обязательность для русского государства исторической вероисповедной политики // Миссионерское обозрение. 1902. № 4. С. 446.

⁴¹⁰ Там же. С. 446.

г.) совпал по времени с началом переселений сюда крестьян из малоземельных губерний России, что «нарушило нормальную, тихую жизнь обширной территории»⁴¹¹. Как отмечал автор, вместе с переселенцами на тучных и плодородных землях юной Омской епархии стали оседать не только раскольники и сектанты, но и штундисты, штундо-баптисты, молокане, духоборы, «свивающие здесь довольно прочные гнёзда и имеющие успех в проповеди и влиянии на православное население»⁴¹². Авторитет их настолько высок, что некоторые крестьяне (посёлок Тургеневский Тюкалинского уезда), считавшиеся ранее православными, выбросили из своих хат святые иконы⁴¹³.

Следует заметить, что процесс адаптации признанных «терпимых» и непризнанных групп, члены которых официально отклонились от православия, был пролонгирован во времени и зависел от многих факторов объективного и субъективного характера. При этом выбор форм коммуникации с иноверцами и практик инкорпорации в отношении каждого из сообществ деятелями РПЦ в регионах определялся законами Российской империи с учётом исторического опыта взаимодействия с той или иной группой.

Так, формирование католических общин в Западной Сибири и Степном крае в продолжении XIX в. определялось политическими и экономическими обстоятельствами. Значительный приток адептов католичества был связан с подавлением восстания польской шляхты в 1863 – 1864 гг. в Царстве Польском. По подсчётам специалистов, за участие в антиправительственных действиях в Сибирь было выслано не менее 20 тыс. душ, большинство из которых исповедовало католицизм⁴¹⁴. Западная Сибирь стала местом ссылки в административном порядке и на водворение, а оседавшие на землях Томской и Тобольской губерний, а также Семипалатинской области получили статус

⁴¹¹ Голошубин И.Ф. Справочная книга Омской епархии...С.1.

⁴¹² Там же. С. 3.

⁴¹³ Там же.

⁴¹⁴ Максимов С.В. Сибирь и каторга: в 3-х ч. СПб.: Тип. А. Граншеля, 1871. С.80.

«польских переселенцев», поскольку власти намеревались «вписать» данную группу в крестьянское сословие и использовать в интересах земледельческой колонизации региона. Статистические данные, собранные С.В. Максимовым по Томской губернии, в сопоставлении с цифрами численности поляков-католиков в губернии в продолжительной временной перспективе (до 1911 г.), косвенно подтверждают тот факт, что в конце XIX – начале XX вв., после возвращения на родину большого числа ссыльных, прирост католического населения осуществлялся уже за счёт добровольных переселений. Так, Максимов утверждал, что в 1871 г. в губернию поступило 6306 человек. По переписи 1897 г. в Томской губернии насчитывалось всего 8973 душ католического вероисповедания, а в последующие 15 лет численность представителей католической диаспоры динамично возрастала. В 1909 г. в городах и селах губернии число католиков составляло 36 000, в 1910 г. – более 41 000 чел.; в 1912 г. – 43 500 чел., а в 1913 г. – 52 000 чел., что в среднем колебалось от 1,07 до 1,35 % населения губернии⁴¹⁵. К 1914 г. на территории Томской губернии число представителей римско-католического вероисповедания составляло 43 868 душ⁴¹⁶, и этот прирост был предопределён аграрным переселением, особенно в период Столыпинской аграрной реформы, а также индустриальной миграцией в связи со строительством Сибирской железной дороги и территориального пространства, примыкавшего к ней.

С 1880-х гг. к переселенцам из центрально-черноземных губерний, оказавшихся в эпицентре аграрно-экологического кризиса, добавились широким фронтом выходцы из малороссийских (Полтавская, Харьковская, Киевская, Волынская, Подольская, Черниговская) и белорусских губерний (Витебская, Могилёвская, Гродненская, Минская, Полоцкая), представлявшие собой весьма пёстрый в этническом и конфессиональном отношении конгломерат и

⁴¹⁵ Подсчитано автором по: ГАТО Ф.3 Оп.77 Д.341 Л.27.

⁴¹⁶ Там же.

мигрировавшие в общем переселенческом потоке. К концу XIX в. католичества придерживалось 97,3 % сибирских поляков, 94,8 % литовцев, 81,1 % латышей, 10,1 % немцев, 0,7 % белорусов, 0,05 % цыган, 0,03 % великороссов⁴¹⁷. К 1910 г. процентное соотношение католиков по национальностям не претерпело существенных изменений и оставалось стабильным.

Ввиду того обстоятельства, что вопрос о переселениях из малороссийских и белорусских губерний в Западную Сибирь и Степной край достаточно хорошо изучен и имеет обширную историографию, имеет смысл остановиться на общем атмосферном фоне, окаймлявшем миграции из западных губерний Российской империи. В конце XIX в., как утверждают исследователи, чётко обозначилась тенденция смещения колонизационных потоков к восточным окраинам империи, что в известной степени реанимировало дискурс о субъектах освоения новых территорий. Вновь, как и в середине столетия, в охранительной печати и публицистике были возражены национал-консервативные лозунги о необходимости «распространения и упрочения русской народности». По констатации М.К. Чуркина, прирост в этот период крестьянских прошений о переселении из западных регионов империи вызывал соответствующую реакцию властей: массовое желание крестьян Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии в 1897 г. отправиться в Сибирь было воспринято как начало «переселенческой лихорадки», что инициировало командирование чиновника особых поручений надворного советника Розалион-Сошальского для ознакомления с положением переселенческого дела в Западном крае⁴¹⁸.

Показательным можно считать и отношение МВД от 31.05.1888 г. за № 6510, в котором говорилось о нежелательности практики массовой выдачи

⁴¹⁷ Первая Всеобщая Перепись населения Российской империи 1897 г. СПб. 1901.т. 73, с. 60-61; т. 74, с. 64-65; т. 75 с. 60-61.

⁴¹⁸ Чуркин М.К. «Плохие и «хорошие» колонисты в дискурсе российских национал-консерваторов (вторая половина XIX века) // Вестник Омского университета. 2018. № 2 (18). С. 123.

потенциальным мигрантам ходаческих свидетельств, поскольку это якобы способствует усилению переселенческой активности, «особенно среди крестьян Витебской губернии с 1886 г.»⁴¹⁹. Автор отношения недвусмысленно заметил, что «Витебская губерния отнесена к числу местностей, выселение из коих русских и православных крестьян признается нежелательным по политическим соображениям»⁴²⁰. Опасения властей подтверждались и тривиальной статистикой: в конце XIX – начале XX вв. в белорусские губернии лидировали среди территорий, в которых выезд максимально преобладал над въездом. В этот период из Белоруссии выселилось 5,0 % населения, что превышало выезд из Центрально-чернозёмной части России (4, 44 %).⁴²¹

Однако, несмотря на ограничения, с конца XIX века в Западной Сибири и Степном крае чётко обозначились черты процесса формирования новой категории населения – сибирского католичества, в рамках которого на первом этапе (с 1881 по 1906 гг.) происходила этноконфессиональная легализация крестьянских миграций, возникали своеобразные форпосты институционализации католичества - молитвенные дома как альтернатива приходским церквям, появившимся ранее: в Томске (1833 г.), Тобольске (1847 г), Омске (1862 г.). На втором этапе (с 1906 по 1914 гг.), складывается система покровительственных мер со стороны правительства по отношению к переселенцам-католикам, в том числе к организации их конфессиональной повседневности⁴²².

В рамках означенной периодизации перспективным с исследовательской точки зрения представляется выделение практик РПЦ как актора колонизации и субъекта государственной конфессиональной политики, ориентированных на инкорпорацию католиков в общеимперское пространство в регионах Западной Сибири и Степного края.

⁴¹⁹РГИА. Ф.391. Оп.1. Д.263. Л.376.

⁴²⁰ Там же. Л.377.

⁴²¹ Там же. Л. 378.

⁴²² См., например: Недзлюк Т. Г. Римско-католическая церковь в полиэтническом пространстве Западной Сибири. 1881-1918 гг. Новосибирск: «Прометей», 2009. С. 34.

Общая формула политики русификации, охватившей религиозную сферу в 1880-х гг., в том числе и по отношению к католикам, была ясно отражена в постановлении Государственного Совета от 1893 г.: «Все христиане Римско-католического исповедания, духовные и светские...сносятся с Римскою Курией не иначе, как через министра внутренних дел. Никакие буллы, послания и наставления и вообще никакие исходящие от Папского управления акты не могут быть приводимы в действие в Империи и Великом Княжестве Финляндском без Высочайшего Его Императорского Величества разрешения, испрашиваемого министром внутренних дел, по предварительном удостоверении, что сии акты не заключают в себе ничего противного государственным постановлениям и священным правам и преимуществам Верховной Самодержавной власти»⁴²³.

Также имеет смысл говорить о том, что формирование и функционирование католических общин в Западной Сибири и Степном крае осуществлялось в условиях абсолютного приоритета православного вероисповедания над другими конфессиями, что являлось нормативно-правовой платформой в практиках коммуникации деятелей РПЦ с католиками.

В этой связи Русская православная церковь в колонизируемых регионах предельно трепетно относилась к конфессиональной мобильности населения, стараясь максимально ограничить переход из православия в другие веры, опираясь как на действующее законодательство, так и силовые методы, апеллируя к гражданскому начальству. Согласно имперским законам, свободный переход в православие допускался по отношению ко всем иноверным и инославным гражданам, тогда как «рождённым в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер запрещается отступить от нея и принять иную веру, хотя бы то и христианскую»⁴²⁴. Переход из христианства в другие исповедания был

⁴²³ Свод законов Российской империи. СПб., 1896. Т. XI. Ч. 1.

⁴²⁴ Свод законов Российской империи. Т. 14, ст. 36. СПб., 1892.

возможен только при условии специального согласия соответствующих гражданских чинов⁴²⁵.

В опубликованном на страницах сибирской епархиальной печати Указе Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода, Преосвященному Макарию, Епископу Томскому и Семипалатинскому, от 2 июня 1891 г., за № 7, о порядке совершения браков между лицами православного и католического исповедания настоятельно говорилось о необходимости принятия мер к неуклонному исполнению католическими священниками законных требований православного духовенства относительно выдачи метрических записей о лицах римско-католического исповедания, вступающих в брак с православными. В указе со ссылкой на практики оглашения смешанных браков в западных губерниях Российской империи отмечалась необходимость упрощения процедуры браков католиков с православными ввиду того, что дети, рождённые в таких союзах, автоматически принадлежат к православной вере. При этом констатировалась значимость участия в вопросах заключения браков представителей гражданских властей - чинов местной полиции, «ответственных за предоставление при выдаче помянутых удостоверений»⁴²⁶.

Одним из эффективных рычагов противодействия влиянию со стороны «терпимых» религиозных общин, в частности католиков, на православное население РПЦ в Западной Сибири и Степном крае рассматривала практики, направленные на поддержание конфессиональной идентичности посредством церковных проповедей и внебогослужебных бесед. Так, в соответствии с Указом Tobольской консистории от 18 июня 1881 г., в целях улучшения проповеднической деятельности в Tobольской епархии пастырям предписывалось вести во всех церквях собеседования о предметах веры и нравственности. При

⁴²⁵ Суворов Н. Учебник церковного права. М., 1912, С. 515-523.

⁴²⁶ Отдел официальный. Распоряжения высшего начальства // Томские епархиальные ведомости. 1891. № 24. С.6.

этом оговаривалось, что целью подобных действий является раскрытие в понятии и сердцах народных масс учения православной церкви как со стороны догматической, так и нравственной, искоренение суеверий и ограждение его от зловредного влияния непризванных учителей, убеждение в том, что истинно христианской является только церковь православная⁴²⁷.

Практики РПЦ, направленные на легитимацию католиков в Западной Сибири и Степном крае на рубеже XIX – XX вв., сопровождаемые законодательным ограничением их прав и активной деятельностью церковной организации по пропаганде православного христианства в народной среде региона, подверглись существенной коррекции в период от старта Столыпинской аграрной политики до начала Первой мировой войны. Усиление земледельческой колонизации и переселение в общем миграционном потоке выходцев из западных губерний России – адептов католичества, создание консолидированных общин, объединённых хозяйственными интересами и задачами, включение этноконфессионального сообщества католиков в решение общегосударственных задач аграрной колонизации, во многом вынужденно переориентировали церковь к политике опеки или невмешательства во внутренние дела сибирских католиков.

В первое десятилетие XX в. в Степном крае и Западной Сибири стали формироваться компактные очаги моноконфессиональных католических переселенческих посёлков. В Кокчетавском уезде Акмолинской области были образованы посёлки Келлеровка(1898), Линеевка (1900), Любимовка(1901), Розовка (1900). Ряд католических немецких поселений сложились к востоку от Петропавловска: Тонконогово (1902), Грайлих, Херсоновка, № 66, Фольц-хутор. В Кустанайском уезде были образованы католические посёлки Воскресенский и Озёрное, к северо-западу от Актюбинска – посёлок Варжинский(1911), под

⁴²⁷Л-ев М. К вопросу о внебогослужебных беседах // Тобольские губернские ведомости. 1882. № 13. С.253.

Семипалатинском - колония Мариенбург (Переменовское, Переменовка)⁴²⁸. С принятием Государственной Думой и Государственным Советом закона от 19 сентября 1906 г. «О передаче кабинетских земель в Алтайском округе в распоряжение Главного управления Землеустройства и Земледелия для образования переселенческих участков» началось массовое переселенческое движение немцев-католиков в Алтайский округ Томской губернии, где в Славгородском уезде за период 1907-1914 гг. было основано 52 католических поселения⁴²⁹.

С активизацией аграрных переселений, приданием им статуса колонизационного дела с установлением государственного патроната над миграциями, на первый план были выдвинуты колонизационные возможности этно-локальных конфессиональных сообществ, а надзор и сопровождение переселенческой деятельности перешло в юрисдикцию специального учреждения – Переселенческого управления (1896 г.).

Именно чиновники Переселенческого управления в начале XX в. отчётливо понимали, что колонизационный земельный фонд близлежащих к Уралу территорий, расположенных в благоприятных для земледельческого освоения лесостепных ареалах фактически исчерпан, и представители новой миграционной волны в ближайшие годы будут включаться в освоение подтаёжных, таёжных и степных территорий Зауралья. Оценивая высокий потенциал иноконфессиональных мигрантов (католиков-латышей), современники переселенческого дела, в частности, отмечали: «В глухом Тарском урмане мне пришлось попасть в только что возникшие посёлки латышей; за один год латыши расчистили из-под густого леса широкие квадраты пахотных полей,... эти поля

⁴²⁸ Бургард Л.А. Особенности расселения немцев-католиков в Казахстане и их взаимосвязь с практикой религиозной жизни (конец XIX – начало XXI вв.) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник науч. трудов X Международной науч.-практ. конф., г. Усть-Каменогорск, 15-16 мая 2009 г. Усть-Каменогорск: «Либрус», 2009. С. 82-93.

⁴²⁹ Батурич С.П. Римско-католическая церковь в Сибири на рубеже XIX – XX вв. // HISTORICAL SCIENCES. № 10 (62). 2020. С.177.

были разбиты на полосы, на которых были произведены посевы мудреного плодосеменного севооборота; на усадьбах, кроме чистых и просторных домов были готовые теплые хлева и сеновалы, - словом, можно было вообразить себя где-нибудь в окрестностях Дерпта или в имении новгородского помещика...»⁴³⁰.

Признавая эффективность и рациональность аграрного производства в хозяйствах мигрантов-католиков, власти в лице Переселенческого управления старались обеспечить данной группе комфортные условия для отправления своих духовных нужд, поощряя возведение католических храмов. Так, в 1906 г. были построены молитвенные дома в поселках Вяземский, Ломовицкий, Маличевка, Кыштовка, филиальный костел в г. Каинске, в 1907 г. - филиальный костел в г. Барнауле, в 1908 г. филиальный костел в поселке Верхне-Куртамское, в 1909 г. - молитвенные дома в поселках Келлеровка и Мариенбург, в 1910 г. - молитвенные дома в г. Тара и поселке Хлебный, филиальный костел в поселке Зачулымский, 1911 г. - молитвенные дома в поселках Гриневици и Елизаветинский, в 1912 г. молитвенный дом в поселке Зеленополь, в 1914 г. филиальный костел в г. Славгороде. В г. Тобольске в 1909 г. был достроен и освящен новый костел в готическом стиле из красного кирпича, в том же году Ишимской церкви даровано новое здание, а в Ново-Николаевске построен каменный костел, получивший статус приходского храма⁴³¹.

Процесс легитимации протестантизма в Западной Сибири и Степном крае начался в пореформенный период, что, по свидетельству исследователей, нашло отражение в официальном делопроизводстве 1861-1874 гг., в частности в переписке имперских чиновников «По отношению Первого отделения Главного Управления Западной Сибири об устройстве колонии ссыльных лютеран в

⁴³⁰ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С.242.

⁴³¹ Батулин С.П. Римско-католическая церковь в Сибири на рубеже XIX – XX вв. // // HISTORICAL SCIENCES. № 10 (62). 2020. С.177.

Сибири⁴³². В качестве акторов протестантской конфессии выступили преимущественно немцы-колонисты, шедшие в губернии и области региона в общем переселенческом потоке, представляя практически все губернии Европейской России, что предметно запечатлено в историографической традиции переселений иноконфессиональных мигрантов⁴³³.

Местом компактного расселения этнических немцев в Западной Сибири и Степном крае стали Тюкалинский и Тарский уезды Тобольской губернии, Барнаульский и Змеиногорский Томской губернии, Омский и Акмолинский Акмолинской области, Павлодарский Семипалатинской области⁴³⁴. При этом главным ареалом концентрации немцев-колонистов стали области Степного края (Акмолинская и Семипалатинская), на землях которых к 1914-1915 гг. проживало около 30 000 душ обоего пола⁴³⁵. В Томской и Тобольской губерниях число земледельцев немецкой национальности равнялось 5000⁴³⁶.

Показательно, что переселенческая «волна» принесла в общем потоке религиозно-лояльных колонистов-протестантов и представителей рационалистического сектантства – баптистов, штундистов, молокан и т.д. В сибирском обществе в конце XX столетия были уже достаточно хорошо знакомы с каноническими протестантами – лютеранами, тогда как адепты вышеназванных сообществ не были широко известны, что явилось поводом для причисления их местным духовенством в разряд сектантов и основанием для борьбы с ними.

⁴³² Недзелюк Т.Г. Государственно-конфессиональная политика Российской империи в зоне сибирского фронта (по материалам архивного хранения) // Астраханские Петровские чтения. материалы VI Международной научной конференции "Петр Первый и имперские практики фронтального пространства". Астрахань, 2022. С.

⁴³³ Малиновский Л.В. Причины и обстоятельства миграции немецких колонистов на Восток в XIX – начале XX вв. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы междунар. науч. конф. Анапа, 26-30 сентября 1997. М.: Готика, 1998. С.89-96; Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой трети XX вв. Омск: Изд. Дом «Наука», 2011. 320 с.; Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914-1920 годы). Омск: ОмГПУ, 2010. 336 с.

⁴³⁴ См. об этом: Вибе П.П. Политика государственного регулирования переселения немцев-колонистов в Сибирь в конце XIX – начале XX вв. // Немцы Сибири: история и современность. Омск, 1995. С.30-44;

⁴³⁵ РГИА. Ф.391. Оп.4. Д.235. Л.16; Оп.6. Д.316. Л.356.

⁴³⁶ Вибе П.П. Указ. соч. С. 31-33.

Наиболее предметно идеологические конвенции РПЦ в отношении данной категории протестантов транслировались на страницах сибирской епархиальной печати и рассматривались в качестве руководства к действию на местном уровне. Отметим, что епархиальная пресса Западной Сибири и Степного края активно отражала вопросы борьбы с сектантством посредством публикации сообщений о работе и решениях миссионерских съездов. Статьи и заметки на тему сектантского движения в рамках протестантской конфессии встраивались в круг обсуждаемых на государственном уровне проблем религиозного кризиса православия в российском обществе, становясь предметом широкого общенационального дискурса.

В 1910 г. публицистическая активность церковной печати резко увеличилась в связи с продолжавшейся реакцией на революцию 1905-1907 гг. и объявленной имперской властью кампанией против сектантов, главным образом – баптистов и штундо-баптистов. С изданием циркуляра Министерства Внутренних Дел «О порядке проведения сектантских собраний» регулярные коммуникации сторонников сектантства могли осуществляться только внутри специальных помещений и с разрешения полиции. Строго пресекалась евангелизация несовершеннолетних и несанкционированные собрания по изучению Библии.

В антисектантскую кампанию, главным инструментом которой стали публикации против баптистов и немцев как подготовленных в Германии проповедников и распространителей сектантских идей оперативно включились и епархиальные журналисты, увидевшие в данном явлении опасность для государства и церкви. Показательны в данном отношении программные статьи, буквально наводнившие церковную прессу в 1910 г.⁴³⁷.

⁴³⁷ См., например: Приемы сектантской полемики и пропаганды лжеучения // Омские епархиальные ведомости. 1910. № 5. С. 26-36; Меры против сектантской пропаганды // Тобольские епархиальные ведомости. 1910. № 23. С. 552-554; Противосектантские беседы в городе Ново-Николаевске // Томские епархиальные ведомости. 1910. № 10. С.391-397.

Основным мотивом антисектантских текстов стал расширенный поиск и критика врагов православия, к числу которых авторы относили не только собственно сообщества «нетерпимых» протестантов, но, главным образом, подчёркивали тесную связь между сектантами и лево-радикальными партиями, а также левой российской интеллигенцией.

Следует отметить, что в современных исследованиях существование такой «смычки» признаётся авторами со ссылкой на решение Первого съезда РСДРП в 1903 г., в резолюции которого было записано: «Сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из демократических течений, направленных против существующего порядка вещей»⁴³⁸. В 1910 г. церковные публицисты, видя в баптистах серьёзную антиправославную организацию, усиление влияния сектантов связывали с подготовительной деятельностью «столпов порнографии, декаденства и всяческой нравственной грязи - Горького, Андреева, Арцыбашева, Куприна и прочих... врагов, порой злобных, порой даже фанатичных и нетерпимых, готовых на гонения и преследования, но всегда и неизменно глубоко невежественных в вопросах той веры и Церкви, которую клянут и отрицают»⁴³⁹. Автор этих строк, священник Илья Фокин, в один год со статьёй в Томских епархиальных ведомостях публикует на страницах уже омского издания статью с громким названием «Клевета на людей веры и церкви», в которой вселенским злом объявил интеллигенцию, страдавшую агностицизмом: «Из двух людей - религиозно-нравственного и атеиста-безбожника, если есть один тупой реакционер, так это, несомненно, атеист-безбожник, опустевший духом, ко всему безразличный, все отрицающий, не знающий ни каких высших ценностей и приближающийся по типу к низшему существу - к животному»⁴⁴⁰.

⁴³⁸ См. об этом: Клибанов А.И. В.Д. Бонч-Бруевич и проблемы религиозно-общественных движений в России // Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения. Т.1.: О религии, религиозном сектантстве и церкви. М.: Академия наук, 1959. С.21; Энгельштейн Л. Скопцы и Царство Небесное: скопческий путь к искуплению. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С.15.

⁴³⁹ Фокин И. Современные враги православия // Томские епархиальные ведомости. 1910. № 14. С. 563.

⁴⁴⁰ Фокин И. Клевета на людей веры и церкви // Омские епархиальные ведомости. 1910. № 4. С. 39.

Показательно, что избранные тон и стилистика, ставшие своеобразной «визитной карточкой» церковного дискурса постреволюционного времени, переносились с известными оговорками и на «нетерпимые» конфессиональные сообщества. Риторика дезавуирования и делегитимизации «врага», отработанная в обличении атеистов леворадикального толка, автоматически переносилась на идейных противников православной веры, определяемых в категориях «темные, загнанные люди, извращающие догматы еретики»⁴⁴¹.

Вместе с тем в условиях государственной антисектантской кампании РПЦ в Западной Сибири и Степном крае постепенно выработала достаточно рациональный алгоритм противодействия «нетерпимым», в том числе баптистам, что выражалось в следующем:

Во-первых, иерархи православия и рядовое священство стремились разобраться с причинами эскалации сектантства во вверенных им епархиях. Существовало понимание, что приток сектантов в губернии и области региона был связан, по крайней мере, с двумя основополагающими факторами: переселенческим движением, а также строительством и техническим обслуживанием Сибирской железной дороги. Так, в отчёте миссионера Д. Несмеянова о состоянии сектантства в Омской епархии фиксировалось, что таковое занесено переселенцами из Европейской России - выходцами из Самарской, Тамбовской, Киевской, Астраханской, из области войска Донского, Таврической, Харьковской, Полтавской, Екатеринославской, Могилевской губерний. В результате, констатировал Несмеянов, «нет ни одного уезда, где не было бы сектантов, особенно штундо-баптистов»⁴⁴².

Как отмечали авторы публикаций, помимо прямого переселения сектантов в общем миграционном потоке баптисты оседали в регионе при крупных

⁴⁴¹Меры против сектантской пропаганды...С.553; Приемы сектантской полемики и пропаганды лжеучения...С.35-36.

⁴⁴² Отчёт Омского епархиального противосектантского и противораскольничьего миссионера Д. Несмеянова о состоянии сектантства и раскола в Омской епархии и деятельности миссионеров за 1909 г. // Омские епархиальные ведомости. 1910. № 9. С.8.

железнодорожных станциях, в результате чего формировались крупные очаги штундо-баптизма, члены которого были тесно связаны друг с другом, а также, в основном финансово, с единомышленниками в материнских колониях. В одной из заметок, посвящённой организации баптистов при железной дороге, в частности, говорилось о том, что обнаружить эпицентр сектантской работы и выявить лидеров чрезвычайно сложно, поскольку «большинство их проживает при Сибирской железной дороге, а служащие весьма часто меняют место своего служения или по домашним обстоятельствам или по распоряжению начальства, то учесть хотябы приблизительно число инославного населения не представляется возможным». Далее следует приписка автора: «Сообщаю об этом для уяснения того, чтобы было понятно, почему два-три дома сектантов совсем были не заметны»⁴⁴³. По свидетельству Д. Несмеянова, с 1905 г. штундо-баптисты стали селиться в православных селах и деревнях, чтобы иметь постоянную возможность пропагандировать свое лжеучение: «В отдаленных от приходских храмов поселках, штундо-баптисты часто устраивают молитвенные собрания и почти силой зазывают к себе православных, лишенных возможности молиться в храмах. Положение православных очень тяжело в таких случаях...»⁴⁴⁴

Тревожные сообщения корреспондента во многом подтверждаются и официальными данными, сообразно с которыми переселения привели к образованию в границах Томской епархии центров баптизма в г. Ново-Николаевске, посёлке Васильчикове и станции Каинск, каждый из которых вёл активную пропаганду в соседних населённых пунктах, в том числе и посредством идейной обработки крестьян переселенческих посёлков, часто посещавших города и станции «...за получением пособия от переселенческих чиновников, за покупками предметов домашнего обихода на базар, за исправлением

⁴⁴³ Баптисты в Ново-Николаевске и духовная борьба с ними // Томские епархиальные ведомости. 1910. № 16. С.653.

⁴⁴⁴ Отчёт Омского епархиального противосектантского и противораскольничьего миссионера Д. Несмеянова...С.13.

православных треб к православному священнику, с телесными болезнями в лечебницу...»⁴⁴⁵.

Церковные журналисты, практически единодушно признавали эффективность и слаженность действий штундо-баптистских проповедников. Так, например, в Ново-Николаевске сектанты «открыли публичное проповедывание своего вероучения, снявши квартиру под молитвенное собрание, и через местную газету оповестили население об этом и о готовящемся крещении по евангельскому учению. Это заинтересовало публику, и народ пошел смотреть толпами службу нового вероучения»⁴⁴⁶; в Каинске баптисты предпринимали экскурсии целым обществом в соседние деревни и устраивали в них торжественные моления⁴⁴⁷. В дополнение к пропаганде баптисты использовали и материальное вознаграждение как инструмент влияния на своих потенциальных адептов. Крестьянин села Карасукского Милай получил из Ново-Николаевска для развития баптизма в глухой деревне Сарбалык Ярковского прихода, куда переселилось 5 семей баптистов из России, 300 рублей деньгами и на такую же сумму товаром, открыл для удобства пропаганды в деревне лавку и «...начал щедрою рукою раздавать, вместе с выписками текстов, приводимых баптистами в защиту своего учения, и легко приобретенный товар. Первое время народ охотно внимал ему и еще более охотно разбирал безвозмездно раздаваемый товар»⁴⁴⁸.

Недооценки и «шапкозакидательских» настроений в отношении иноэтничных сектантов в среде православных священников и миссионеров не было, что подтверждается рефлексией рядовых деятелей церкви, которые указывали, что «в материальном отношении сектанты живут много лучше православных; среди них встречаются крупные богачи и капиталисты. Городские сектанты имеют торговли, мельницы... На участках занимаются хлебопашеством

⁴⁴⁵ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3732. Л. 1 – 2.

⁴⁴⁶Баптисты в Ново-Николаевске и духовная борьба с ними...С.653.

⁴⁴⁷Отчёт о состоянии расколо-сектантства в пределах Томской епархии и деятельности Томского совета Братства Св. Димитрия Митрополита Ростовского за 1910-1911 гг. // Томские епархиальные ведомости. 1911. № 19. С.981.

⁴⁴⁸Там же. С.980.

и скотоводством в обширном размере...Бедных братьев поддерживают деньгами и хлебом...К чести сектантов, все они ведут трезвый образ жизни и отличаются большим трудолюбием...»⁴⁴⁹.

Во-вторых, учитывая изворотливость и качественную подготовку баптистских пропагандистов, РПЦ при организации практик антисектантской деятельности, ориентировалась на чёткий план, реализация которого была призвана амортизировать влияние сектантов на православное население и, прежде всего, крестьян-переселенцев, число которых стремительно росло. Опасения у светских и духовных региональных властей вызывало и воздействие сектантов (штундо-баптистов) на представителей других протестантских сообществ, характеризовавшихся устойчивой терпимостью к православию, в частности молокан, которые, по свидетельству представителей православного клира, «отличаются большей простотой, скромностью, вежливостью в обращении и отсутствием прочной боевой штундо-баптистской организации»⁴⁵⁰. Вместе с тем корреспонденты Омских епархиальных ведомостей с горечью констатировали, что с 1905 г. штундо-баптистские проповедники производят значительные опустошения среди молокан, которые все чаще переходят в баптисты, отказываясь от духовного понимания слова Божия⁴⁵¹.

Одним из широко распространённых способов противодействия сектантам протестантского толка выступали практики бесед с паствой в православных храмах, которые проводились одновременно в нескольких церквях, расположенных в разных частях крупных населённых пунктов. Так, в Омске, в крупном баптистском центре, проповеди, раскрывавшие сущность лжеучения сектантов с опорой на Священное писание, оглашались в Кафедральном соборе,

⁴⁴⁹ Отчёт Омского епархиального противосектантского и противораскольничьего миссионера Д. Несмеянова...С.16.

⁴⁵⁰ Там же. С.15.

⁴⁵¹ Там же. С.16.

Братском и Ильинском храме⁴⁵². Эффективность проповедей усиливалась и далеко неоднозначной реакцией на их проповеднические усилия со стороны старожильской части сибирского населения, достаточно индифферентной к вопросам веры. По уверению Д. Несмеянова, «усилия штундо-баптистов заронить в их души искру сомнения в православии редко увенчиваются успехом. В большинстве случаев сектантские пропагандисты с позором, а иногда и с побоями изгоняются из домов и даже селений. Влиянию штундо-баптистской пропаганды подвержены, главным образом, переселенцы, особенно малороссы»⁴⁵³. Симптоматично, что проповеди и беседы священников являлись разнонаправленными и охватывали не только православный сегмент епархии, но и непосредственно сектантов: штундистов, баптистов, молокан и т.д. Более того, притчевые священники Томской епархии в 1908 г. обратились к епархиальному начальству об учреждении специальной миссионерской должности в приходах с целью разоблачения среди баптистов «лжемудрования» их лидеров⁴⁵⁴. В результате, уже 3, 4 и 10 мая беседы с сектантами вел законоучитель учительского института священник Иоанн Ливанови настолько успешно, что сектанты, чувствуя себя несостоятельными, отказались от бесед, а православные утвердились в правильности православия и в неправоте баптизма⁴⁵⁵.

К числу тривиальных, но продуктивных практик противостояния штундо-баптизму в епархиальных сообществах Зауралья позиционировалось заинтересованное и неформальное отношение приходских священников к любым проявлениям сектантской активности. В качестве образца, епархиальные журналисты приводили деятельность отца Павлова, протоиерея собора г. Павлодара, которой смог полностью предотвратить случаи совращения паствы в штундо-баптизм, «зорко следя за врагами православия и принимая все меры для

⁴⁵² Отчёт Омского епархиального братства за 1909 г. // Омские епархиальные ведомости. 1910. № 9. С.27.

⁴⁵³ Отчёт Омского епархиального противосектантского и противораскольничьего миссионера Д. Несмеянова...С. 17.

⁴⁵⁴ Баптисты в Ново-Николаевске и духовная борьба с ними...С.654.

⁴⁵⁵ Там же. С.655.

отражения их»⁴⁵⁶, через внятное богослужение, собеседования, раздачу брошюр противосектантского содержания. Подобная практика рассматривалась как важная в том числе и потому, что иногда возникали обратные ситуации. Архиепископ Томский и Алтайский Макарий, высказывая опасения в связи с распространением штундо-баптизма в поселке Васильчиковом, обратил особое внимание пастырей на факт равнодушного отношения к сектантству со стороны местного священнослужителя, который «увлекшись хозяйственными и крупными торговыми предприятиями, просмотрел надвинувшуюся на его приход опасность... и тем дал возможность сектантству в его приходе окрепнуть и сделаться центральным пунктом для пропаганды баптизма в соседних селениях»⁴⁵⁷. В результате, священник, как проявивший крайнюю небрежность во вверенном ему пастырском служении и поставивший свои материальные расчеты выше духовных нужд своей паствы, был уволен за штат⁴⁵⁸.

Отметим, что заинтересованность священников в осуществлении регулярной антисектантской работы поддерживалась не только словом, но и материально стимулировалась. Весьма показательным в этом плане стремление РПЦ обозначить основные приоритеты в борьбе с сектантством, с чёткой маркировкой «своих» (раскольников) и «чужих» (штундистов, баптистов, молокан и др.) религиозных диссидентов. Так, например, определением Святейшего Синода от 5 сентября 1909 г. в Томской епархии было учреждено две должности миссионеров – противосектантского и противораскольничьего. На содержание первого миссионера было ассигновано из специальных нужд по 2000

⁴⁵⁶ Там же. С.20.

⁴⁵⁷ Предложение Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Макария, Архиепископа Томского и Алтайского, от 8 июля с. г за № 2766, Томской Духовной Консистории // Томские епархиальные ведомости. 1910. № 17. С.468.

⁴⁵⁸ Там же.

рублей в год, содержание же второго миссионера Синод отнёс на счёт местных епархиальных расходов⁴⁵⁹.

К разряду широко распространенных антисектантских действий также относилась организация миссионерских кружков, призванных объединить максимально большее число ревнителей православия в борьбе с сектантами. По констатации Д. Несмеянова, в 1910 г. (13 декабря) на станции Омск был открыт миссионерский кружок, членами которого стали 300 сторонников православия, «...члены кружка устраивают 3 раза в неделю собрания, изучают слово Божие и усваивают полемику с сектантством. Польза от миссионерского кружка громадная. Пропаганда баптистов всюду встречает энергичный отпор со стороны членов кружка... Баптисты притихли, стараются вести пропаганду негласно, но и это теперь не всегда удается: зорко следят за ними члены кружка»⁴⁶⁰.

И всё-таки в отношении штундо-баптизма, распространение которого в контексте переселенческой активности крестьянства признавалось церковными деятелями Западной Сибири и Степного края достигшим критической отметки, наиболее действенными способами борьбы в начале XX в. рассматривались меры полицейско-запретительного характера, а также неустанной финансовой поддержки региональных причтов. Так, в епархиальной печати регулярно тиражировались рекомендации властям оказывать законное содействие церкви в духовном противостоянии сектантам и особенно штундо-баптистам, учитывая то обстоятельство, что право проповеди и распространения веры по российскому уголовному законодательству принадлежит только Православной Церкви⁴⁶¹.

Также, по мнению священников, к неотложным мерам борьбы с сектантством относилось «назначение усиленного жалования причтам с

⁴⁵⁹ Отчёт о деятельности Томского братства Св. Дмитрия Ростовского за 1909 / 1910 гг. // Томские епархиальные ведомости. 1910. № 20. С.561.

⁴⁶⁰ Отчёт Омского епархиального противосектантского и противораскольничьего миссионера Д. Несмеянова...// Омские епархиальные ведомости. 1910. № 10. С.9.

⁴⁶¹ Меры против сектантской пропаганды // Тобольские епархиальные ведомости. 1910. № 23. С.554.

сектантским населением, а там, где это жалование существовало в ничтожных размерах, требовалось его увеличение...»⁴⁶².

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв., в условиях постоянной эскалации аграрных переселений в Западную Сибирь и Степной край, являвшихся фактором внутренней колонизации восточных окраин империи, Русская православная церковь стремилась выстроить взаимоотношения не только с традиционным для себя православным сегментом населения региона, но и лицами иной вероисповедной принадлежности, а также сектантским миром. Специфическим фоном этой деятельности являлись мероприятия Столыпинской аграрной политики, которая усилила миграционную активность населения в европейской части страны, а также Манифест 17 октября 1905 г., которым была объявлена веротерпимость, что существенно ограничило инструментальные возможности РПЦ. Тем не менее православная церковь в губерниях и областях Зауралья оказалась способна к рекогносцировке, в ходе которой ей удалось выстроить эффективные алгоритмы сотрудничества в имперской власти в реализации религиозной политики, сохранить авторитет в глазах православной паствы, амортизировать последствия революции 1905-1907 гг. в деле распространения христианства в сибирском социуме.

⁴⁶²Отчёт Омского епархиального противосектантского и противораскольничьего миссионера Д. Несмеянова...// Омские епархиальные ведомости. 1910. № 10. С.16.

2.3. Русская православная церковь в коммуникативном пространстве аграрной колонизации Западной Сибири и Степного края.

Во второй половине XIX столетия в результате серии либеральных реформ, прежде всего, отмены крепостного состояния в 1861 г., в России формируется новая система общественных отношений, основанием которой становится предоставление всем группам крестьянства личной свободы, что сделало возможным установление равенства сословий и его закрепление законодательным порядком. Освобождение крестьян повлекло за собой качественные изменения во всём государственном строе Российской империи, но главным образом существенной коррекции были подвергнуты взаимоотношения государственных структур с главным субъектом хозяйственно-экономической жизни аграрной страны – земледельческим населением. По утверждению М.К. Чуркина, после отмены крепостного права центральная власть оказалась в непривычной ситуации, так как с исчезновением помещичьей опеки возникла необходимость установления «обратной» связи с крестьянством⁴⁶³.

Отсутствие исторического опыта подобных контактов стимулировало появление комплекса проблем в плоскости аграрных отношений, что ориентировало государственные структуры к поиску общественных сил, способных реализовать функцию паттерна и контролёра в самом массовом (80 % населения) сегменте российского социума, к разряду которых принадлежала и Русская православная церковь.

В этой связи нельзя не отметить, что перемены в общественном и государственном строе России, произошедшие вследствие либеральных реформ, коснулись и института церкви. Программа церковных реформ 1860-х-1870-х гг. в качестве основополагающих принципов провозглашала необходимость

⁴⁶³ Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. С.166.

преодоления сословной замкнутости духовенства и расширения социальной мобильности лиц духовного звания; ликвидации практики наследственности приходов, служившей почвой для постоянных конфликтов в среде священнослужителей; улучшения материального положения духовенства; укрепления авторитета церкви в российском обществе⁴⁶⁴.

По утверждению ряда исследователей⁴⁶⁵, реформы церкви реализовались по большей мере в формальной их части, не достигнув при этом главной цели – укрепления церкви, которая оставалась, по выражению Р. Пайпса, «служанкой» государства⁴⁶⁶. Многочисленные проявления кризиса церковной институции, такие как охлаждение в отношениях прихожан и духовенства, религиозный индифферентизм, массовое уклонение в сектантство и раскол, оставались неизбежным спутником жизнедеятельности православного сообщества и Русской церкви.

Вместе с тем освобождение крестьян и либерализация общественной жизни страны стимулировали не только сословную, но и миграционную мобильность населения, что ставило РПЦ перед новыми вызовами в связи с ростом подвижности крестьянства и их переселенческой активности.

Во второй половине XIX – начале XX вв. аграрно-экологический кризис в земледельческих губерниях Европейской России, относительное перенаселение выталкивали тысячи крестьянских семей на периферию империи⁴⁶⁷, что в известном смысле открывало для церковной институции возможности

⁴⁶⁴ Римский С. В. Церковная реформа 60-70-х гг. XIX века // Отечественная история. 1995. №2. С. 163-171; Карнишина Н.Г. Церковные реформы в России второй половины XIX века // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2015. № 3 (35). С.34-40.

⁴⁶⁵ Муравьев А.Н. Письма о православии. Изд. 2-е. Киев, 1873. С. 3, 5–6, 9–11, 18; Римский С.В. Указ. соч. С. 403.

⁴⁶⁶ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. С.291-325.

⁴⁶⁷ Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе, 1861–1891 гг. М.: Наука, 1978. 287 с.; Симонова М.С. Проблема «оскудения Центра» и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX – начале XX вв. // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С.236-263; Роголина Н.Л. Аграрный кризис в российской деревне начала XX века // Вопросы истории. 2004. №7. С. 10-22; Чуркин М.К. Об особенностях аграрного кризиса в центрально-черноземных губерниях Европейской России и возможных путях его преодоления во второй половине XIX - начале XX вв. // Вестник / Томский гос. пед. ун-т. Сер. «Гуманитарные науки (история, этнология)». 2006. Вып.1. С.29-37.

распространения своего влияния вширь, а это, в свою очередь, предполагало интенсивную включённость Русской православной церкви в общеимперские проекты и практики колониционного дела.

Вовлечению церкви в деятельность религиозно-нравственного характера в Западной Сибири и Степном крае, связанную не только с обращением в христианство аборигенного населения, но и с насаждением и поддержкой религиозного чувства в православной пастве, предшествовал дискурс имперских экспертов: исследователей Зауралья, путешественников, чиновников переселенческого ведомства, служащих миссий, являвшихся современниками, очевидцами и непосредственными участниками колониционного дела во второй половине XIX – начале XX вв. Формирование дискурса Русской православной церкви как актора аграрной колонизации восточных окраин страны происходило на фоне количественного роста крестьянских переселений в губернии Западной Сибири и области Степного края и складывания отчётливой тенденции эскалации земледельческих практик в районах водворения мигрантов, в эпицентре которых располагались ближайšie по пути следования Тобольская и Томская губернии, а с 1870-х – 1880-х гг. Акмолинская и Семипалатинская области Степного генерал-губернаторства.

По подсчётам М.К. Чуркина, основным районом земледельческой колонизации Сибири в пореформенное время стала западная её часть, принявшая в период 1861 – 1905 гг. более 1,5 млн. крестьян из европейской части России⁴⁶⁸.

Очевидно, что разнообразный в конфессиональном и этническом плане состав переселенческой массы, религиозное равнодушие старожильского населения Сибири, погруженного в хозяйственные заботы и практически исключенного из поля влияния официальной церкви, вкупе со спецификой природно-географических и климатических условий отдалённого и отдельного

⁴⁶⁸Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв... С.202.

региона, заселяемого «островным» способом, не могли не беспокоить организаторов и участников переселенческого дела.

В. Дашкевич писал: «Усилившийся в последние годы прилив переселенцев в Сибирь заставил переселенческие землеотводные партии нарезать под переселенческие участки каждый год около 5 млн. десятин удобной земли. В поисках за новыми землями...пришлось удаляться от Сибирской железной дороги и старожильческих посёлков с одной стороны – всё дальше на север, в тайгу, а с другой – на юг, вглубь киргизских степей. При таких условиях переселенцы особенно чувствуют отдалённость православных храмов...Хотя, обыкновенно, заселяющиеся поселки и причисляются к какому-нибудь близлежащему приходу, но зачастую расстояние до этого прихода от поселка настолько велико, что переселенцы не в состоянии обращаться к священнику даже в самых необходимых случаях»⁴⁶⁹.

По мнению В.П. Семёнова-Тян-Шанского, обусловленные объективными причинами ограничения контактов пастырей с переселенцами, привыкшими на родине к активным религиозным коммуникациям, представляли особую опасность в контексте взаимоотношений мигрантов со старожильской частью сибирского общества, которая «живя разбросанными на огромном пространстве деревнями в 15, 20, 50, 80 вёрст от церкви...постепенно отвыкала от неё и в конечном счёте отвыкла до такой степени, что не хотела в неё идти, когда она находилась недалеко от его жилья»⁴⁷⁰.

А.Н. Пыпин дополнял: «Если церковь находится далеко, то население обходится без священников. Служитель культа приезжает два раза в год в отдалённые местности, где крестит сразу всех народившихся младенцев и отпевает покойников...Сибиряки смотрят на причт, как на неизбежную

⁴⁶⁹ Дашкевич В. Переселение в Сибирь. СПб.: Тип. А. Суворина, 1912. С.73-74.

⁴⁷⁰ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная книга для русских людей. Т.16. Западная Сибирь...С.226-227.

расходную статью общественного и частного бюджета...В итоге сибиряк-старожил оказывается совершенно незнаком с христианским учением, молитв почти не знает, почитает злых духов наравне с инородцами»⁴⁷¹.

Рефлексия новой социокультурной и экономической ситуации, формировавшейся в Зауралье вследствие массового переселенческого движения, была свойственна и представителям регионального клира. Так, священник Климент Скальский со ссылкой на отчёт А.Н. Куломзина о сооружении церквей и школ в районе Сибирской железной дороги за 1884-1886 гг. охарактеризовал сибирских старожилов как группу, находившуюся в полном отчуждении от церкви, более того, «живя в пустынном и диком крае, настолько от неё (церкви) отвыкли, что она уже не составляет для них насущной потребности»⁴⁷².

Далее отец Климент с сожалением писал, что в этой среде оказывается и переселенец – носитель чисто детской веры и любви к храму Божьему: «Под влиянием, с одной стороны, тяжелых условий борьбы с суровой сибирскою природою, а, с другой, дурного нравственного воздействия разноплеменного и разноверного населения этого края, переселенцы, лишённые духовного назидания, страшно подумать, должны неизбежно огрубеть сердцем и умом, и неминуемо с течением времени в них должны заглохнуть те зародыши нравственного и умственного развития, которые они приносят с собой из Европейской России»⁴⁷³.

Священник Иоанн Голошубин в предисловии к Справочной книге Омской епархии, особо обратив внимание на прирост переселений в 1883-1903 гг. (до 1 566 тыс. душ), подчеркивал, что со строительством Сибирской железной дороги в общем потоке православных из Европейской России в губернии и области Сибири следуют «различные сектанты, число которых ежегодно увеличивается

⁴⁷¹ Пыпин А.Н. Русская народность в Сибири // Вестник Европы. 1892. № 1. С.309.

⁴⁷² Скальский К.Ф. Омская епархия. Омск: Тип. А.К. Демидова, 1900. С. 19.

⁴⁷³ Скальский К.Ф. Омская епархия. Омск: Тип. А.К. Демидова, 1900. С. 21.

и...даже угрожает православному населению приходов...Опасность, исходящая от сектантов, слишком велика и заметна в тех приходах, где сектанты поселились вместе с православными и образовали с ними одно общество»⁴⁷⁴.

Показательно, что частые упоминания православными авторами опасности религиозного равнодушия и влияния на переселенцев церковных уклонистов в их текстах сопряжено с постоянной фиксацией искреннего желания православных переселенцев оставаться в лоне церкви, что определённым образом указывает на готовность сибирских священнослужителей к определённой перестройке своей просветительской деятельности.

По свидетельству священника Климента Скальского, «сами переселенцы прекрасно сознают настоятельную необходимость сооружения храмов. Во время моего пребывания в Сибири почти в каждом из посещенных мною поселков крестьяне со слезами на глазах умоляли меня об оказании им содействия для устройства церкви. Почти везде новоселы выражают полную искреннюю готовность работать безвозмездно, а часто они кроме того уделяют из своих скудных средств порядочные суммы на сооружение храмов»⁴⁷⁵.

Более широко аналогичная проблема трактуется в описаниях своих поездок по епархиям Сибири в 1909 г., члена Государственной Думы священника Киевской губернии А. Л.Трегубова: «Кто видел русского крестьянина, заброшенного в далекую чужую сторону, тоскующего по родине, обреченного на первых порах переносить нужду, только тот может судить, насколько велика жажда религиозного утешения. Мой приезд был для всякого поселка праздником. Оставлялись все работы. При совершении всеношной и божественной литургии присутствовали все жители поселка. В некоторых поселках почти все взрослые

⁴⁷⁴ Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск: Тип. «Иртыш», 1904. С.3.

⁴⁷⁵Скальский К.Ф. Омская епархия. Омск: Тип. А.К. Демидова, 1900. С.21.

говели. На всех поселках приходилось прежде всего выслушивать одну и ту же просьбу о постройке хотя бы молитвенного дома и о назначении священника»⁴⁷⁶.

В значительной степени данные сообщения подтверждаются и словами сибирских переселенцев, крепко спаянных на родине с православной церковью, что фиксировалось в их коллективной памяти и становилось частью религиозного сознания: «По словам переселенцев - голодный год (1891) всех сравнял...Пришел наш последний час, совсем погибали, да видно Царь-то Батюшка вздохнул об нас грешных - не дал пропасть голодной смертью. И молились мы грешные на Него, каждый праздник служили молебны; ни буран, ни степи, ни мороз не удержали народ. Всю животинку перевели, лошадей всех прикончили, пешком к церкви шли, за 12 верст, не только в обуви в хорошей - босые, никто с дороги не сбился, никто не озлобился, а миру, бывало, у церкви собиралось - пушкой не прошибешь»⁴⁷⁷.

О потенциальном поле церковно-религиозного культуртрегерства РПЦ в Западной Сибири и Степном крае как регионах, активно включаемых в ареал аграрной колонизации, можно судить на основании материалов по изучению быта переселенцев, водворенных в различных местностях Зауралья, и историко-статистических описаний переселенческих посёлков. Так, сплошной просмотр описаний 100 посёлков Тобольской губернии, образованных переселенцами во временном диапазоне от конца 1870-х гг. до 1893 г., позволил сделать ряд важных выводов относительно круга возможных деятельностных практик Русской Православной Церкви, при определённой коррекции экстраполируемых на все губернии и области Западной Сибири и Степного края.

Во-первых, обращает на себя внимание универсальный алгоритм водворения переселенцев на новых местах, в процессе которого основной сегмент

⁴⁷⁶ Дашкевич В. Переселение в Сибирь. СПб.: Тип. А. Суворина, 1912. С.С.74.

⁴⁷⁷ Материалы для изучения быта переселенцев, выдворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.): [В 2-х т.] / Предисл. А. Станкевича. М., 1895-1897. 2 т. Т. 1: Историко-статистическое описание 100 поселков. 1895. V, 541 с.

мигрантов был представлен выходцами из черноземных областей России (Курской, Тамбовской, Воронежской, Орловской) и ближайших к региону Пермской и Вятской губерний. В эту массу фрагментарно включались крестьяне западных окраин империи (Витебская, Минская, Гродненская губернии). В значительной степени, все переселенцы устраивались в означенный период в старожильческих селениях, либо в непосредственном соседстве с ними (70 % случаев), либо создавали самостоятельные переселенческие посёлки (30 % случаев)⁴⁷⁸.

По свидетельству автора материалов, практически все посёлки в основном состояли из великороссов православного вероисповедания, которые местами были «разбавлены» старообрядцами-старожилами, католиками и протестантами⁴⁷⁹, но «живут мирно и антагонизма от этнографического различия не видно»⁴⁸⁰.

Вместе с тем описание хозяйственного обустройства переселенцев в новых природно-климатических и бытовых условиях жизни в Сибири демонстрирует обширный комплекс проблем адаптационного характера, с которыми сталкивались мигранты, требовавших максимальной сосредоточенности и вовлечённости исключительно в хозяйственно-экономические дела. Обобщая материал характеристики 100 посёлков Тобольской губернии, можно выделить основные группы сложностей, преодоление которых требовало от переселенцев максимальной концентрации физических и моральных сил именно в земледельческой сфере, ограничивало их в возможностях «второстепенных» контактов, в том числе и с церковной организацией: климатическое и ландшафтное несоответствие мест выхода и водворения, кардинальное изменение техник и приёмов обработки земли в сибирских условиях, серьёзный временной

⁴⁷⁸ Материалы для изучения быта переселенцев, выдворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.): [В 2-х т.] / Предисл. А. Станкевича. - М., 1895-1897. 2 т. Т. 1: Историко-статистическое описание 100 поселков. 1895. V, 541 с.

⁴⁷⁹ Там же. С.126, 131, 165, 540.

⁴⁸⁰ Там же. С.126.

гандикап между получением увольнительного свидетельства на родине и припиской к посёлкам, хозяйственная зависимость и, как следствие, бытовая конфликтность со старожилами и т.д.

По свидетельству священника Иоанна Голошубина, переселенцы первым делом брались за своё хозяйственное обустройство, занимаясь земледелием наравне со старожилами, и по прошествии 15-20 лет положительно переродились: «посёлки, первое время состоявшие из дерновых и глинобитных хат начали пестреть деревянными хатами, пятистенными и крестовыми домами, домами из круглого соснового леса, покрытыми у многих железом»⁴⁸¹.

Суть мысли, высказанная И. Голошубиным, сводилась к тому, что концентрация переселенцев на экономических, материальных аспектах бытия, практически исключала, а иногда и вовсе вытесняла из бытовой повседневности всё то, что касалось духовных вопросов: контакты с церковью и священнослужителями.

Негативным фоном организации посёлков являлась их отдалённость от центров гражданской жизни и географическая разбросанность. По свидетельству одного из авторов историко-статистического описания, А. Станкевича, «колонизация Тобольской губернии не ограничивается районом южных округов, прилегающих к великому Сибирскому пути, - она раздвигает с каждым годом культурную полосу к северу, отвоевывая от иртышских казенных пустопорожных пространств непроходимые ранее крепи и тундры и внося жизнь и цивилизацию в далекий край, доступный ранее лишь инородцам - промышленникам»⁴⁸².

В этой связи, обращает на себя внимание отсутствие церкви практически во всех посёлках и их значительная, исключавшая саму возможность контактов пастырей и паствы территориальная отдалённость от мест постоянной оседлости русского крестьянства. Так, в Тобольском округе из 33 посёлков только 6

⁴⁸¹Голошубин И. Справочная книга Омской епархии...С.6.

⁴⁸² Материалы...С.V.

находились в 7-8 верстах от церкви, остальные – в диапазоне от 9 до 70 вёрст, что сводило к минимуму коммуникации со священнослужителями⁴⁸³. Только в одном из посёлков округа (с. Нагорное) крестьяне выступили с инициативой постройки церкви: «Скучно нам стало. Бога вдали забываем»⁴⁸⁴.

Примечательно, что религиозная активность крестьянства и стремление ходить на службу либо каким бы то ни было иным способом участвовать в церковной жизни соотносилась с регионами выхода переселенцев. В описании посёлков, образованных крестьянами-мигрантами из черноземных великороссийских губерний, фактически отсутствуют упоминания о недовольстве жителей отдалённостью церкви и её неучастием в их духовной жизни, напротив, сами исследователи говорят об острой необходимости нравственной поддержки населения⁴⁸⁵.

Между тем в переселенческих посёлках, образованных крестьянами Минской, Гродненской, Черниговской, Полтавской губерний, с абсолютным доминированием белорусского и украинского этнических сегментов славянства, стремление к полновесной религиозной жизни проявлялось весьма отчетливо. Например, крестьяне посёлка Троицкий Павловской волости Тюкалинского округа, переселившиеся из Минской и Гродненской губерний, характеризуются так: «Все в поселке православные, и будучи выходцами из Юго-Западного края - очень религиозны, даже с отпечатком мистицизма... У нас, говорили они, годовалого мальчика не оставляют без исповеди... За дальностью церкви священника в пост приглашают к себе на несколько дней»⁴⁸⁶. Переселенцы посёлка Новая Оболонь Крупянской волости Тюкалинского округа, пришедшие из Полтавской губернии, по словам авторов-составителей описания, отличаются сплочённостью и готовностью к постоянной взаимопомощи, но «очень тяготятся

⁴⁸³ Там же. С. 1-130.

⁴⁸⁴ Там же. С. 66.

⁴⁸⁵ Там же. С.320.

⁴⁸⁶ Материалы...С.299.

отсутствием службы в церкви по болезни старика-священника – переселенцы вообще очень набожны и прежде всего, говорят о церкви»⁴⁸⁷.

Справедливости ради, нужно отметить и то, что великорусские переселенцы (выходцы из Курской губернии) также задумывались о постройке церкви в посёлках, однако к 1890-м гг. ни один из проектов не был до конца реализован. В частности, крестьяне деревни Матасы Теплодубровской волости Ишимского округа в течение 6 лет строили большую каменную церковь, которую довести до конца не удалось по причине голодных лет и чрезмерной дороговизны строительных работ (порядка 25 000 рублей)⁴⁸⁸.

В этой достаточно сложной ситуации водворения и обустройства переселенцев Русская Православная Церковь оказывалась в условиях острой необходимости переформатирования практик просветительской и миссионерской работы, особенно в плане поддержки религиозности в великороссийском православном крестьянстве. Проблемы заключались не только в консерватизме и недостаточно высокой мобильности церковных служб, но и в принципах переселенческой политики России в отношении отдалённых окраин и сложноустроенного в этническом и конфессиональном отношении населения. Так, министр внутренних дел П.А. Столыпин со ссылкой на решения ГУЗиЗ (Главное управление землеустройства и земледелия) в циркуляре, адресованном в 1906 г. сибирским губернаторам, отмечал в качестве наиболее целесообразной формы водворения мигрантов – приселение их к старожильческим посёлкам⁴⁸⁹, что, несомненно, сокращало адаптационный период и способствовало быстрому включению переселенцев в хозяйственно-экономическую и общественную жизнь Сибири. С другой стороны, плотность контактов со старожильческим сообществом усиливала религиозное безразличие и прагматизм сознания переселенцев, а в отдельных случаях способствовало уклонению в раскол, что во

⁴⁸⁷ Там же. С. 407.

⁴⁸⁸ Там же. С.284.

⁴⁸⁹ ГАТО. Ф.3. Оп.46. Д.1119. Л.23.

многим усугублялось и экономической зависимостью от старожилов, активной вынужденной коммуникацией с этой группой.

Во-вторых, Русская православная церковь, исторически позиционируя себя в качестве просветителя народных масс, в обстоятельствах колонизации Западной Сибири имела реальные возможности расширения поля своей деятельности и, как следствие, культурного влияния. Во многом это было связано со спецификой российского колонизационного процесса, которая заключалась в интенсивном приросте переселенческого потока в результате аграрно-экологических коррозий в центре страны, усилившихся в 1880-х гг., и постоянном расширении колонизационного фонда за счёт движения аграрной колонизации в подтаёжные, таёжные и степные части зауральской ойкумены⁴⁹⁰.

В материалах историко-статистического описания 100 посёлков Тобольской губернии в качестве отдельной части представлен раздел, иллюстрировавший состояние школьного образования в посёлках, включавший и характеристику участия церкви в образовательном процессе. Как и в случае с расположением церкви по отношению к местам переселенческой оседлости, в характеристике школьного образования центральное место занимал мотив отдалённости. Определение, относившееся к посёлку Князевский Лузинской волости Тюкалинского уезда: «Ко всем неблагоприятным условиям присоединяется страшная отдаленность поселка от всяких центров, изолированность его в глухом, медвежьем углу»⁴⁹¹ - рефреном и с различными вариациями повторяется при описании практически всех населённых пунктов губернии – «посёлок ютится в глухом урмане»⁴⁹², «дорог никаких нет»⁴⁹³, «сообщение посёлка с другими местами производится на лодках»⁴⁹⁴ и т.д.

⁴⁹⁰Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв...С.313.

⁴⁹¹ Материалы...С.346.

⁴⁹² Там же. С.8.

⁴⁹³ Там же. С.15.

⁴⁹⁴ Там же. С.23.

Вполне понятно, что мотив отдалённости был главенствующим и при объяснении сложных ситуаций в школьном образовании сельских жителей. В 11 посёлках Курганского округа Тобольской губернии в 70 % случаев школы располагались в значительном удалении от населённых пунктов (8-20 вёрст): «Дети нигде не учатся, за 12 верст посылать детей далеко»⁴⁹⁵, в тех же 30 % случаев, когда школы находились в 3-7 верстах от посёлков, возникали другие объективные обстоятельства, препятствовавшие обучению детей: «Грамотность развита очень мало; школа отстоит на расстоянии 6 вёрст, но ходить в неё нет возможности, так как «нет тёплой одежды ребятам»⁴⁹⁶. Только в посёлке Братаники Кривинской волости, по отношению к которому школа дислоцировалась в 3 верстах, ситуация в образовании являлась относительно удовлетворительной: «У некоторых дети учатся в Чебаках, а кроме того нанимают учителя, платя по 25 коп. за каждого мальчика. В 1892 году училось 13 человек, учитель ходил по домам, собирая школу посуточно»⁴⁹⁷. Но в основном «дети нигде не учатся – времени нет»⁴⁹⁸

Весьма показательным, что церковно-приходское школьное образование по 100 посёлкам Тобольской губернии практически отсутствовало. Лишь в одном из населённых пунктов Курганского округа (с. Половинское) «находятся две школы: министерская и церковно-приходская, но при дальности расстояния (12 верст) в школе учится только 1 мальчик из поселка (в министерской)»⁴⁹⁹.

Эскалация культуртрегерства Русской православной церкви как актора колонизации представлялась возможной и через «перезагрузку» миссионерской работы с коренным населением Западной Сибири, что особенно актуальным являлось для степных местностей региона, в которых оседлые земледельцы активно коммуницировали с автохтонами-кочевниками. Так, близость некоторых

⁴⁹⁵ Там же. С.243.

⁴⁹⁶ Там же. С.251.

⁴⁹⁷ Материалы...С. 235.

⁴⁹⁸ Там же. С.62.

⁴⁹⁹ Там же. С.163.

уездов Тобольской губернии, в частности Ишимского, к местам кочевания инородцев существенно раздвигала временные рамки адаптации переселенцев к сибирским условиям и практически лишала их вероятности поддержания хозяйства в скотоводческой отрасли.

По сведениям историко-статистического описания 100 посёлков губернии, практически все переселенческие хозяйства страдали от угона скота в степь, что никоим образом не сдерживалось просветительскими мероприятиями и практиками обращения в инородческих обществах: «По соседним деревням проживает много киргиз, причисленных к обществам, и результаты - те же, что и везде: оседлые принимают к себе кочевых родичей и конокрадство свирепствует страшно. Всех лошадей украдено 18 и до 12 овец (пос. Ново-Лебяжьевский)»⁵⁰⁰; «За последние года кражи стали хуже падежа (у наличных 71 домохоз. уведено 47 лошадей). Конокрадство превратилось в разбой; главным образом наделяет конокрадами соседнее Белое село, в котором приписано много киргизов, принимающих у себя родичей из степи (пос. Чистовский)»⁵⁰¹; «Скот содержится в пригонах и даже не выпускается вольно - близость степи сказывается и тут в большом конокрадстве. Крадут даже днем...Общество нарочно держит киргиза - пастуха, так как у своих меньше крадут родичи и они знают всякого вора (пос. Матасы)»⁵⁰²; «Ишимский округ изобилует ссыльными, да сверх того при его южном местоположении в нем много принятых в общество киргизов. И те, и другие крадут беспощадно (пос. Новороссийский)»⁵⁰³.

Наконец, в рамках колониционного процесса и переселений главным образом в малоосвоенные и неудобно расположенные в географическом отношении районы РПЦ в лице своих представителей – священников и миссионеров - имела неплохие перспективы, учитывая совместную

⁵⁰⁰Там же. С.270.

⁵⁰¹ Материалы...С.279.

⁵⁰² Там же. С.285.

⁵⁰³ Там же. С.290.

хозяйственную деятельность, выстраивания отношений как с православными переселенцами, так и старожилами, традиционно склонными к уклонению в раскол или расцерковлению. Не менее актуальное пространство для деятельности церкви формировалось и в связи с многослойностью (социальной и этноконфессиональной) состава населения посёлков, в числе постоянных обитателей которых были не только русские переселенцы-крестьяне, но и ссыльные (политические и уголовные), представители коренных народностей, мигранты из западных губерний империи – сторонники католицизма и протестантизма. Во всяком случае, поле деятельности для сибирских священников в плане участия в выстраивании отношений в крестьянской среде через просветительство, беседы богослужебного и внебогослужебного характера, проповеди и практическую работу, сходную с судебной, представлялось максимально обширным и благодатным, что в известной степени следует из генеалогий посёлков и описания хозяйственно-бытовых порядков, складывавшихся в населённых пунктах Тобольской губернии. Так, например, к числу общих мест историко-статистических характеристик, относятся сюжеты, характеризующие конфликтность в крестьянской среде по линиям: новосёлы – ссыльные; новосёлы – старожилы, в основании которых – несходство социокультурной и этноконфессиональной идентичности: «С 1889 – 1890 гг. посёлок постоянно развивался от прибытия новых жителей, по преимуществу ссыльных Тобольской губернии, укрывавшихся за болотами от всяких повинностей. Поселенцев - три семьи; отношения между ними и прочими новоселами плохие: постоянно ссорятся (пос. Ионинский)»⁵⁰⁴; «Население поселка все состоит из православных. Среди разнородных в этнографическом отношении элементов (хохлов, великорусов и сибиряков) никаких враждебных отношений незаметно, хотя небольшая обособленность между ними все же

⁵⁰⁴ Материалы...С.12.

наблюдается...(пос. Бичелинский)⁵⁰⁵; «В деревне... сошлись представители 4 губерний (Пермской, Казанской, Гродненской, Вятской) и вместе с тем 5 народностей: Великоруссы, Белоруссы, Зыряне, Чуваши и Черемисы; как можно уже теперь предсказать, небольшая кучка великоруссов возьмет верх над всеми остальными, хотя гродненские „поляки" стойко и высокомерно отстаивают по разным делам свои интересы; Пермьки, чтоб их одолеть, берут в помощь чувашей (пос. Ермаковский)⁵⁰⁶; «Крайней враждебности отношений между старожилами и новоселами содействовало еще то обстоятельство, что новоселы-белорусы считаются здесь поляками, «а нет хуже народа как поляки», говорят сибиряки. Столкновения доходили до драк, причем побитыми оказывались, конечно, бывшие в меньшинстве новоселы (пос. Вознесенский)⁵⁰⁷.

Предваряя процесс реконструкции практик коммуникаций Русской православной церкви в системе координат аграрной колонизации западной Сибири и Степного края, отметим справедливость замечания исследователей, выделивших наличие «пустот» в изучении культурной колонизации восточных окраин, важным составляющим элементом которой являлась деятельность церкви в сфере строительства церквей и школ как очагов культурного влияния России во вновь осваиваемых районах⁵⁰⁸. При этом в отечественной историографии переселенческая политика и мероприятия колонизационного спектра всегда позиционировались как «государственное дело», в котором институт Церкви выполнял вспомогательные функции. Подобная весьма специфическая исследовательская «оптика» начала утверждаться во второй половине XIX века в условиях модернизации российского общества, секуляризации сознания населения, «обмирщения» и огосударствления Русской православной церкви, что наиболее отчетливо проявилось в синодальный период её истории. В этой связи

⁵⁰⁵ Там же. С.19.

⁵⁰⁶ Там же. С.46.

⁵⁰⁷ Материалы... С.71-72.

⁵⁰⁸ Батуринов С.П., Батурина Т.В. Русская Православная Церковь и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX – XX вв.: историографический обзор // Социогуманитарный вестник. 2015. № 1 (14). С.24.

историографический дискурс способствовал формированию представлений о колонизации окраин, в том числе зауральских, как исключительно светском мероприятии, ведущим актором которого являлась имперская чиновничья бюрократия.

Между тем делопроизводство РПЦ и религиозная публицистика во второй половине XIX – начале XX вв. весьма красноречиво свидетельствуют об активной идейной и практической работе церковной организации в колонизационной сфере. Эта работа была ориентирована не на решение сиюминутных технических задач, абсолютно приоритетных для государства (организация перемещения переселенцев, их водворение на новых местах, обеспечения ссудами), а выполнение не менее важных адаптационных функций, выраженных в моральной поддержке и религиозно-нравственной опеке по отношению к той части сибирского социума, которая оказалась в трудной жизненной ситуации⁵⁰⁹.

Наиболее предметно практики деятельности церкви как актора аграрной колонизации репрезентировались в материалах центрального и регионального церковного делопроизводства: Всеподданейших отчётах обер-прокуроров Святейшего Синода, епархиальных отчётах за разные годы, а также в справочных изданиях, содержащих историко-статистические сведения о включённости церкви в колонизационную работу в губерниях Западной Сибири и областях Степного края.

Следует подчеркнуть, что принятию тактических решений о строительстве церквей в различных местностях колонизируемого региона всегда предшествовала экспертная работа по изучению подчинённых территорий, состава населения, образа жизни различных его категорий, организаторами которой являлись руководители епархий. Так, протоиерей А.А. Мисюрёв, автор краткого историко-

⁵⁰⁹ См. об этом: Нейхц Н.П. Социально-психологическая адаптация православного населения в процессе колонизации Сибири // Церковь и государство: история и современность. Материалы научной конференции. Иркутск:РепроцентрА1, 2005; Она же. Роль религии в процессе социально-психологической адаптации мигрантов (на примере православия в период колонизации Сибири): Автореф. дис... канд. филос. наук. М.: 2006. 26 с.

статистического очерка Томской епархии, детально останавливаясь на вкладе епископов в просветительскую и миссионерскую деятельность, обращает особое внимание на факт их личных инициатив: «...энергичный администратор сам обозревал свою обширную епархию..., вникал во все духовные потребности, везде желал быть полезным (архимандрит Агапит)»⁵¹⁰; «...владыка лично от себя пожертвовал 300 рублей и успешно предрасполагал пасомых к пожертвованию на Святое дело; открыто заявлял о своей готовности, если бы это потребовалось, быть простым рабочим (епископ Владимир, 1883-1886 гг.)»⁵¹¹; «...наблюдательный архипастырь, много видевший на своём веку, был убеждён, что одна бумага не скажет всего, что нужно для существа дела – и поэтому от личного обозрения епархии его не удерживали ни значительная опасность от переправы по бурным водам, ни летний зной, ни трескучие морозы, ни дальность расстояний...Вообще всякая поездка по епархии сводилась не к бумажной ревизии официальным путём, но к отеческому изучению и удовлетворению, в пределах возможности, духовно-нравственных потребностей паствы, вызванных самой жизнью и местной обстановкой (преосвященный Исаакий, 1886-1891)»⁵¹².

Стремление к изучению подведомственных территорий и населения, а также православному подвижничеству было характерной чертой и для епископов других епархий во второй половине XIX в. Об архиепископе Тобольском Варламе II (1862-1872 гг.) сообщается: «...владыка ежегодно, не только летом, но и часто зимой обозревал ту, или иную часть епархии. Обозрения церквей и приходов им производились не скоро, не поверхностно, не через свиту, а лично. И при том – всё подробно и внимательно...»⁵¹³; епископу Аврамию в заслугу ставится

⁵¹⁰ Мисюрёв А.А. Краткий историко-статистический очерк Томской епархии. Томск: Тип. П.И. Макушина, 1897. С.4.

⁵¹¹ Там же. С.29.

⁵¹² Там же. С. 34.

⁵¹³ Тобольская епархия. Ч.2. Отд.1. Архипастыри Тобольской епархии. Омск: Тип. А.К. Демидова, 1892. С. 142.

ежегодное совершение обозрения обширной епархии, посещение отдалённого Березовского края с апостольской проповедью, поездки в киргизские степи»⁵¹⁴.

Климент Скальский – священник-миссионер Омской епархии, журналист, редактор издания «Омские епархиальные ведомости», лично совершил несколько поездок по крестьянским посёлкам, дал их подробное описание в этнографическом и конфессиональном отношении, заключив, что «под влиянием, с одной стороны, тяжелых условий борьбы с суровой сибирской природой, а, с другой, дурного нравственного воздействия разноплеменного и разноверного населения этого края переселенцы, лишённые духовного назидания, ...должны неизбежно огрубеть сердцем и умом, и неминуемо с течением времени в них должны заглухнуть те зародыши нравственного и умственного развития, которые они приносят с собой из Европейской России. Поэтому и надо безотлагательно придти к ним на помощь в самое первое время по их водворении, надо посодействовать им в создании церквей, которые, поддерживая в них живую и деятельную веру, дадут им силу бороться с неблагоприятными внешними условиями и пережить первые трудные годы устройства в Сибири»⁵¹⁵.

В целом активизация практик церковного строительства в Западной Сибири и Степном крае становится частью колонизационного дела с 1890-х гг. и представляет собой опыт, направленный на разукрупнение церковных приходов в означенных регионах. В этой точке пересечения сходились интересы государства и церкви, поскольку количественный прирост церквей, особенно в отдалённых местностях, обеспечивал благоприятные условия для контроля над распределением населения в границах колонизационного фонда, снижал конфликтность в переселенческой и старожильской среде, гарантировал влияние российской вероисповедной доктрины в условиях поликонфессиональности восточных окраин империи.

⁵¹⁴Там же. С.157.

⁵¹⁵Скальский К.Ф. Омская епархия. Омск: Тип. А.К. Демидова, 1900. С. 21.

Придание вопросу о церковном строительстве особого государственного статуса впервые было зафиксировано в ходе поездки Великого князя Николая Александровича через всю Сибирь в 1891 г.⁵¹⁶, в ходе которой он обратил внимание на крайнюю малочисленность церквей на пути своего следования от Владивостока до Уральска. По утверждению В.В. Кирьякова, в дальнейшем государь неоднократно выражал своё внимание к делу церковного просвещения сибирских новосёлов, а на страницах всеподданейшего рапорта о состоянии Томской губернии в 1895 г. сделал собственноручную пометку: «Вопрос о постройке церквей в Сибири, в особенности в новых посёлках, очень близок моему сердцу»⁵¹⁷. Мощный толчок интенсификации строительства церквей был дан и в ходе процесса сооружения Сибирской железной дороги, что предметно проявилось в решениях, принятых КСЖД (Комитет строительства сибирской железной дороги) ещё раньше, а именно в 1893 г., когда было запланировано строить церкви на станциях железной дороги на остатки от сумм, отводимых на железнодорожное дело. В виду того, что этих средств оказалось недостаточно, в 1894 г. при Канцелярии Комитета министров был открыт приём пожертвований (фонд имени Императора Александра III) на образование капитала, предназначенного для постройки церквей и школ. К 1900 г. капиталоемкость фонда достигла суммы в 1 млн. 200 тыс. рублей и была усилена 100 тыс. рублей, дополнительно переведённых из фонда вспомогательных мероприятий железной дороги. В результате финансовой «артподготовки» началось строительство 166 церквей от линии Сибирской железной дороги в направлении удалённых от неё местностей⁵¹⁸. Связь церковного строительства с задачами аграрной колонизации была усилена в 1908 г. учреждением при Святейшем Синоде Особого совещания

⁵¹⁶ Путешествие на Восток его императорского высочества, наследника, цесаревича и великого князя Николая Александровича, с подробностями злодейского покушения 29 апреля в городе Оцу. СПб.: Тип. В. Демакова, 1891. 35 с.

⁵¹⁷ Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). М.: Типо-литография Товарищества И.М. Кушнерёв и К, 1902. С.331.

⁵¹⁸ Там же. С.331-332.

о церковных нуждах в заселяемых районах с привлечением к участию в нём представителей Переселенческого управления⁵¹⁹.

Факт активизации государственного участия в сибирском церковном деле подтверждается и частной статистикой, обращение к которой позволяет обнаружить, по крайней мере, две отчётливые тенденции. Так, сведения по описанию церквей и монастырей Тобольской епархии позволяют констатировать, что в пореформенное 30-летие (1861-1892 гг.) в границах Тобольской губернии было возведено 158 новых храмов (против 166 в первое десятилетие XX в. только в ареале СЖД), при этом подавляющее число новых церквей – 112 - пришлось на районы, максимально включённые в зону аграрной колонизации (Курганский, Ишимский, Ялуторовский, Тюкалинский округа)⁵²⁰.

Церковное строительство как важную практическую составляющую государственной аграрной колонизации позиционировали и исследователи церковного дела в Томской губернии. В частности, указывалось, что «потребностями переселенцев вызвано за последнее время учреждение церквей в пределах Томской епархии вблизи г. Томска и затем по линии Сибирской железной дороги, где на станциях скопляется всякого рода люд: на станции татарка и в посёлке Константиновском, в селах – Ново-Рождественском, Ново-Николаевском, Михайловском, Беловодском... Кроме того, жизнь намечает постройку церквей и в иных местностях епархии...»⁵²¹. При этом подчёркивается обширность финансовых источников для реализации проектов строительства храмов: «...Император соизволил пожертвовать 5000 рублей на сооружение храма в с. Ново-Никольском... есть пожертвования от покойного председателя Комитета министров А.Х. Бунге... Со всеусердием содействуют же постройке церквей новосёлы, как своим личным трудом, так и чем Бог послал... Чиновники

⁵¹⁹ Вошинин В.П., Чиркин Г.Ф. Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений. Петроград: Тип. Петроград. тюрьмы, 1915. С.2.

⁵²⁰ Подсчитано автором по: Тобольская епархия. Ч.2. Отд.2. Описание церквей и монастырей Тобольской епархии. Омск: Тип. А.К. Демидова, 1892. С. 21-65.

⁵²¹ Мисюрёв А.А. Указ. соч. С. 65.

по крестьянским и переселенческим делам и железнодорожные инженеры, во главе со своим начальством, относятся к храмозданию тоже с участием»⁵²².

Переформатирование задач церковного строительства в Степном крае и их монтаж с программой переселенческого движения соотносились с логикой и динамикой процесса аграрного освоения региона, вовлечение которого в общую колонизационную канву происходило позже, чем в Западной Сибири и характеризовалось рядом особенностей. По замечанию В.А. Остафьева, первые всплески активности крестьянских переселений в наиболее удобные в аграрном отношении уезды Степного края (Акмолинский, Атбасарский, Кокчетавский) пришлось на период 1878-1895 гг. По официальной статистике, до 1868 г. в этом регионе не было ни одного крестьянского посёлка, а к 1895 г. в земледельческой части края насчитывалось уже 30 544 душ крестьян⁵²³. В целом до начала 1870-х гг. имперские власти в колонизации степных областей делали ставку на военные методы присвоения региона, в реализации которых ведущие позиции занимало казачество. Однако уже на старте 1870-х гг. во Всеподданейших отчётах местных администраций и губернской власти был озвучен тезис о весьма слабом культурном влиянии и минимальном колонизационном потенциале казачества, что, по сути, свидетельствовало о кардинальном пересмотре программы имперской инкорпорации Степного края, в которой позиции главного действующего субъекта передавались крестьянству. Акмолинский военный генерал-губернатор В.С. Цытович сообщал: «До настоящего времени в степи дозволено устраивать только казачьи поселения. В прежнее время, когда для сохранения спокойствия между киргизами необходимо было прибегать к особым исключительным мерам, казачьи поселения были существенно необходимы. В настоящее время эта необходимость миновала, и степь нуждается в поселениях земледельческих. Казаки же, по роду своей службы, не могут систематически

⁵²² Там же. С.66.

⁵²³ Остафьев В.А. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. Омск: Тип. Окр. Штаба, 1895. С.2.

заниматься земледелием, поэтому они и не могут приносить краю той пользы, какую можно было бы ожидать от земледельческих поселений. Поэтому вопрос о заведении в степи русских поселений становится неотложным»⁵²⁴. Н.Г. Казнаков, вступая в 1875 г. в должность генерал-губернатора Западной Сибири, обратил внимание на то, что медленные темпы огосударствления степных территорий Зауралья обусловлены не только слабостью культурного влияния казачества, но и «ничтожными результатами развития гражданственности у коренных народов»⁵²⁵. В итоге Н.Г. Казнаковым был поднят вопрос о необходимости заселения степных областей русскими переселенцами-крестьянами, однако с таким условием, что водворение внутри степей оседлого населения будет производиться без стеснения кочевников и их традиционных занятий⁵²⁶.

По утверждению К. Скальского, общественные коммуникации в регионе во многом определялись спецификой его географии, что задавало алгоритмы хозяйственного и культурного освоения: «если бросить беглый взгляд на карту Омской епархии, то легко заметить, что оседлое население ее в одних местах скучено, а в других почти совершенно отсутствует. Эта неравномерность в расположении населения разделяет епархию, в культурном отношении, на две различные между собою части: русскую, оседло-земледельческую и киргизскую, кочево-скотоводческую»⁵²⁷.

Данный фактор, без сомнения, оказывал влияние на характер деятельности в регионе РПЦ, в основе которой располагалось совмещение исторически апробированных миссионерских практик в отношении кочевников-инородцев и элементов религиозно-просветительской работы, адаптированных к ситуации массового переселенческого движения, приселения переселенцев к казакам и

⁵²⁴ ГИАОО. Ф. 3, Оп. 9, Д. 15380. Л.234.

⁵²⁵ Остафьев В.А. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве...С.6.

⁵²⁶ Там же. С.8

⁵²⁷Скальский К.Ф. Омская епархия. Омск: Тип. А.К. Демидова. С.16.

старожилам в районах уже освоенных, а также возведения новых крестьянских посёлков в глубине степной территории.

Как характерный для организации религиозной деятельности в Степном крае момент следует отметить стремление властей, государственных и церковных, учесть негативный опыт церковного строительства в Западной Сибири, когда удалённости от центра соответствовал и высокий уровень невоцерковлённости населения. В условиях аграрной колонизации Степного края обнаруживалось отчётливое стремление государства и церкви к установлению патерналистской опеки в отношении переселенцев, чему способствовала и поддержка священнослужителей со стороны центральной власти: «...отводится (переселенцам) в постоянное владение по пятнадцати десятин удобной пахатной земли на каждую душу мужского пола из земель, находившихся в пользовании киргиз, лес на постройку изб и денежное пособие на первое обзаведение хозяйством: для них строят на казенный счет и на пожертвования частных благотворителей церкви и школы, открывают приходы и назначают причт с приличным, неслыханным в Европейской России, содержанием: от 400 до 600 рублей в год священнику и до 200 рублей псаломщику»⁵²⁸.

В известной степени эта поддержка влекла за собой интенсивное церковное строительство. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные факты возведения храмов в сёлах Омского и Кокчетавского уездов Акмолинской области, где наряду с уже действовавшими храмами, построенными в 1860-х – 1880-х гг. на средства прихожан и частных благотворителей, в 1890-х гг. в строй было введено ещё 10 церквей, 5 из которых (станция Исилькуль, села Полтавское, Борисовское, Коноваловское, Андреевское) возведены в 1897 - 1898 гг. благодаря финансовому участию фонда имени Императора Александра III⁵²⁹.

⁵²⁸ Скальский К.Ф. Омская епархия. Омск: Тип. А.К. Демидова. С.19.

⁵²⁹ Там же. С. 68-72; 131, 138.

По статистическим данным, извлечённым из всеподданнейшего отчёта статс-секретаря А.Н. Куломзина священником И. Голошубиным, в Омской епархии за период с 1894 по 1904 гг. на средства фонда было построено около 100 церквей, из которых 4 - по линии Сибирской железной дороги, 14 – в Петропавловском уезде, 10 – в Акмолинском, 6 – в Атбасарском, 18 – в Кокчетавском, 5 – в Омском, 21- в Тюкалинском и 13 – в Тарском Тобольской губернии⁵³⁰.

Активизация церковного строительства в связи с количественным приростом переселенческого движения в губернии и области Западной Сибири и Степного края неизбежно способствовала интенсивному включению Русской православной церкви в деятельность по организации религиозного просветительства в образовательной сфере, которая становилась важным инструментом идеологического и конфессионального влияния. И. Голошубин, рассуждая о модернизации сельскохозяйственной сферы в связи со строительством Сибирской железной дороги, повлекшей за собой механизацию труда, особенно в переселенческих посёлках, с тревогой отмечал и негативное влияние прогресса на сибирское крестьянство, которое косвенно проявилось в «появлении различных сектантов, число которых ежегодно увеличивается...и даже угрожает православному населению многих приходов...Наиболее гнездятся сектанты около железнодорожных станций, где они исключительно занимаются коммерческими предприятиями: скупкой и продажей зернового хлеба, торговлей маслом и т.п.»⁵³¹.

В этой связи представители клира, остро реагируя на сложившуюся ситуацию, видели выход из неё в достижении как тактических, так и стратегических целей. Так, священник Иоанн Голошубин в предисловии к справочной книге Омской епархии предположил, что в условиях постоянного

⁵³⁰ Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск: Тип. «Иртыш», 1914. С.4.

⁵³¹ Там же. С.3.

роста «рационалистических и политических вредных сект, подрывающих авторитет духовенства, очень возможно, что в недалёком будущем духовенству некоторых приходов придётся жить исключительно физическим трудом или с помощью...коммерческих предприятий», отметив при этом важность правильной организации духовной составляющей церковно-приходской жизни⁵³². Пафос постоянного совершенствования всей церковно-приходской организации, рассматриваемой в качестве базы религиозного просветительства в крестьянской среде, наглядно присутствует и в высказываниях о значении церковной дисциплины священника И. Фуделя, демонстрировавшего сложное понимание культуртрегерских задач и роли образования в крестьянской жизни. С горьким сарказмом он отмечал, что правительство и общество в последнее десятилетие прилагают гигантские усилия к распространению в народе грамотности и различных знаний: «Сколько средств тратится на школы, народные библиотеки, читальни и воскресные классы...Был бы, по крайней мере, видимый результат этих трудов, хоть небольшой, но положительный успех!...Уголовная статистика говорит, что преступления подростков в последние годы увеличивается..., разложение деревни пошло гигантскими шагами...»⁵³³. По убеждению И. Фуделя, могучими средствами влияния на общество и человека в обстоятельствах пореформенной России, потерявшей многие нравственные опоры, может являться лишь церковь, и «достигнуть этого можно не одним только школьным просвещением народа, а общим подъёмом церковно-приходской жизни во всех её проявлениях»⁵³⁴.

В специфических обстоятельствах аграрной колонизации Западной Сибири и Степного края, зачаточного состояния общественных коммуникаций и социокультурных связей относительная свобода и правомочия Церкви в организации церковно-приходской деятельности, наиболее позитивно

⁵³² Там же. С.1, 2.

⁵³³ Фудель И. О значении церковной дисциплины...С.3.

⁵³⁴ Там же. С.4.

проявлялись сфере функционирования церковно-приходских школ. Предоставление Русской православной церкви на основании Высочайшего Указа от 13 июня 1884 г. права открывать для народа церковно-приходские школы и управлять таковыми самостоятельно в условиях колониационного продвижения за Урал, означало, по сути, признание российским государством церкви актором социальной политики империи на восточных окраинах страны.

В результате этого решения церковь получала своеобразный карт-бланш в деле народного образования не только в центре страны, но и на периферии. При этом отметим, что основы для расширения полномочий клира в религиозно-общественных делах закладывались в эпоху Великих реформ, жёстко критикуемых консервативным крылом клира, когда светская идея земства была реализована в церковной сфере в виде церковно-приходских попечительств, факт организации которых был инициирован Высочайшим «Положением о приходских попечительствах при православных церквях» от 2 августа 1864 г.⁵³⁵. Данным актом каждому приходу были предоставлены права и возможности заботиться об удовлетворении своих религиозно-общественных потребностей своими собственными средствами с опорой на мнение всех прихожан, «живущих по близости, ходящих в одну и ту же церковь и имеющих одного и того же духовного пастыря»⁵³⁶. В результате подобного положения вещей складывались предпосылки для формирования сплочённости, общегрупповой солидарности и идентичности приходского сообщества, что позволяло Русской Православной Церкви эффективно действовать в образовательной сфере, до известной степени преодолевая изоляционизм и религиозную неустойчивость сибирского социума. Кроме того, практики создания попечительств переносились и непосредственно в образовательную среду, когда при каждой церковно-приходской школе

⁵³⁵ Побединский М. О церковно-приходских попечительствах // Томские епархиальные ведомости. 1891. № 24. С. 8.

⁵³⁶ Там же. С. 8-9.

складывалась группа лиц, ответственных за решение частных задач образования в конкретном населённом пункте. Общий спектр задач, реализуемых подобными попечительствами, сводился к урегулированию материальных проблем образовательных учреждений, созданию школ грамотности в деревнях и собственно церковно-приходских школ, что обеспечивало регулярную внутриприходскую коммуникацию и включённость общества в социальную деятельность, в том числе адаптационную, ориентированную на встраивание переселенческого сегмента в сибирский социум.

Создание церковно-приходских школ и школ грамоты, сознательно отданных под опеку церкви, по времени (1884 г.) соотносилось с активизацией переселенческого процесса, что выразилось в их количественном росте. Так, по свидетельству протоиерея А.А. Мисюрёва, в границах Томской епархии в 1891-1892 гг. в большинстве приходов не было школ духовного ведомства и до 114 000 душ школьного возраста оставалось в епархии без образования. Однако уже в 1894-1895 гг. фиксировалось увеличение православного населения епархии до 1 411 367 человек, а число церковных школ и школ грамот выросло до 438. В 1895 г. по инициативе начальника Томской губернии А.А. Ломачевского при поддержке чиновников по крестьянским делам в селениях епархии было открыто ещё 800 школ, «имеющих целью обучать грамоте и первоначальным молитвам»⁵³⁷.

Тенденция значительного прироста церковно-приходских школ в районах принимающего мигрантов общества была свойственна и другим местностям Западной Сибири. В территориальном пространстве Тобольской епархии в период с 1885 по 1913 гг. было открыто около 500 одноклассных и второклассных церковных школ, из которых более 70 % пришлось на земледельческие местности, в которых обустроивались переселенцы из Европейской России

⁵³⁷ Мисюрёв А.А. Указ. соч. С.71-72.

(посёлки Курганского, Тюкалинского, Туринского, Ялуторовского уездов)⁵³⁸. Весьма показательно, что в Тюкалинском уезде, наиболее популярном месте водворения переселенцев на границе Тобольской губернии и Степного края, в сёлах обязательно действовали школы, либо казённые (министерские), либо церковные: приходские и грамоты⁵³⁹. Однако непосредственно в границах Степного края ситуация с церковно-приходским образованием была несколько иной и характеризовалась малым числом или полным отсутствием школ церковного ведомства. Это можно объяснить, во-первых, преобладанием в населении казачьего элемента, для которого уже были открыты специальные казачьи школы с достаточно сильным влиянием православного христианства, во-вторых, начальной стадией формирования переселенческого сообщества, временно не охваченного церковным влиянием. Например, в четырёх крупных посёлках Омского уезда Акмолинской области – Ачаирском, Покровском, Черлакском, Степном - церковные школы отсутствовали, но казачьи были в каждом посёлке. Вместе с тем информаторы, отмечая мирный характер отношений в посёлках и отсутствие поземельных конфликтов, «проговариваются», что в пределах некоторых приходов (пос. Покровский, Степной) уже поселились молокане и штундо-баптисты, среди которых «заметно сильное стремление настойчиво пропагандировать своё лжеучение»⁵⁴⁰.

Направленность церковного начального образования в переселенческую среду помимо традиционных задач обучения элементарной грамотности и счёту в условиях внутренней колонизации ориентировала церковь на активную деятельность по укреплению конфессиональной идентичности подопечных, что предполагало усиленное воспитание набожности и любви к сельскохозяйственному труду. В этом плане практики Русской православной

⁵³⁸ Подсчитано автором по: Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 г. Тобольск: Тип. епархиального братства, 1913. С. 17-46.

⁵³⁹ Скальский К.Ф. Омская епархия. Омск: Тип. А.К. Демидова. С.57-63.

⁵⁴⁰ Там же. С.54.

церкви в полной мере соответствовали пониманию рядовых священнослужителей, считавших обязательными основаниями успешного функционирования церковно-приходской жизни саму церковь с её дисциплинарными уставами, государственную жизнь с требованием подчинения частных интересов общему делу, общину с её патриархальным бытом и земледельческий труд с его чистой нравственной атмосферой и «властью» земли⁵⁴¹.

В этой связи во Всеподданейших отчётах Святейшего Синода и ежегодных отчётах епархиальных наблюдателей о состоянии церковно-приходских школ повсеместно подчёркивалось, что главная задача церковно-приходских школ - «привлечь детей к церкви, развить и укрепить в них чувства веры и добра, внушить им добрые навыки»⁵⁴², а также «внушать детям любовь к богослужению, дабы посещение церкви сделалось привычкой и потребностью сердца учащихся»⁵⁴³. В практической плоскости церковно-приходская школа должна была приучить молодое поколение к жизни в лоне церкви посредством регулярных молитв и понимания их содержания; через наставления, советы, вразумления, одобрение и порицание привлечь детей к порядку и аккуратности в выполнении своих обязанностей⁵⁴⁴, в том числе и в повседневной крестьянской жизни, что являлось значимым компонентом адаптации к сибирским условиям производственной деятельности.

Отмечая непосредственно ход и результаты влияния церковно-приходского образования на колонизационный процесс, необходимо также обратить внимание на ряд адаптационных практик, реализуемых в рамках школьной деятельности Русской православной церкви.

⁵⁴¹ Фудель И. О значении церковной дисциплины... С. 5.

⁵⁴² Всеподданейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного вероисповедания за 1898 г. СПб.: Синодальная типография, 1901. С.195.

⁵⁴³ Садовский Д. Отчёт Омского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ Омской епархии за 1898 / 1899 гг. в учебно-воспитательном отношении // Омские епархиальные ведомости. 1899. № 24. С.30.

⁵⁴⁴ Всеподданейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного вероисповедания за 1898 г. СПб.: Синодальная типография, 1901. С. 196.

Во-первых, церковно-приходская школа брала на себя часть обязанностей церкви по исполнению благотворительной миссии, под которой подразумевалась косвенная поддержка крестьянской семьи как производственной ячейки. По данным Всеподданейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода, «во многих местах бедные ученики снабжаются одеждой, обувью и пищей; при школах устраиваются ночлежные приюты для учеников из деревень, отстоящих на далёком расстоянии от школы (по всей России к 1898 г. приюты учреждены при 1440 школах)... а также организованы особые общества вспомоществования учащимся начальных классов (в Сибири – Тюмень и Ялуторовск Тобольской губернии)»⁵⁴⁵. В отчёте Томского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ в губернии сообщалось:

«Общежития имелись при 5 школах. При школе Томского женского монастыря и Дома трудолюбия в общежитиях помещаются девочки, пользующиеся готовой пищей и одеждой. При Каинской двухклассной железнодорожной школе имеется общежитие, в котором проживали 20 человек за плату от 2 до 6 руб., смотря по состоянию родителей, а самые бедные содержались бесплатно»; «...Одежда и теплая обувь выдавались в Обской двухклассной школе (разными благотворителями), в Никольской Томской-местным попечительством, в Воскресенской Томской школе от попечителя Кухтерина и в Богоявленской школе от попечительницы Смирновой. Бедные ученики Кузнецкой Соборной школы получали к празднику Рождества Христова от Кузнецкого Общества вспомоществования нуждающимся учащимся пимы, пальто, рубашки, сапоги (всего на 80 руб.)»⁵⁴⁶.

Объективным условием осуществления благотворительности в рамках школьного церковного образования являлась относительная дешевизна

⁵⁴⁵ Там же. С. 199.

⁵⁴⁶ Мироносицкий В. Отчёт Томского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ Омской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1907 – 1908 гг. // Томские епархиальные ведомости. 1909. № 11. С.258-259.

предоставления образовательных услуг. По утверждению Г. Маляревского, «церковная школа как нельзя лучше пригодна для Сибири по своему внутреннему состоянию и внешнему устройству: первое и главное её преимущество – это дешевизна... На одну церковную школу падает расходов в 3-4 раза менее, чем на светскую, а на ученика церковной школы в 2-3 раза менее, чем на ученика светской школы»⁵⁴⁷. Кроме того, малые расходы на начальное образование обеспечивали церкви в Сибири и Степном крае решение главной задачи: «Идеальной постановкой школьного дела нужно считать такую, при которой все дети школьного возраста получают возможность посещать школу»⁵⁴⁸.

Во-вторых, церковно-приходская школа была максимально приближена к населению конкретного прихода, охватывавшего, как правило, несколько поселений, что создавало благоприятные условия для доверительной и эффективной коммуникации церкви с крестьянством. Несмотря на критическое отношение наблюдателей к контингенту учащихся (педагогов), полагавших, что преподаватели плохо подготовлены к педагогической деятельности и поэтому результаты их работы незначительны и не вызывают поддержки сельских обществ⁵⁴⁹, на рубеже XIX – XX вв., ситуация стала меняться в лучшую сторону. О позитивной тенденции красноречиво свидетельствовали многочисленные факты вовлечения образованных крестьян в работу церковно-приходских школ и школ грамоты. Так, по данным Г. Маляревского, «в селе Тимофеевка Тюменского округа Тобольской епархии по программе церковно-приходской школы работает за 6 руб. в месяц крестьянин Волков. На лето он переселяется в соседнее село, где у него земля, и занимается хозяйством, а зимой, с чисто крестьянским усердием и выдержкой занимается в школе с детьми...», или: «Весьма желательными по своему усердию и непритязательности учителями школ грамоты являются

⁵⁴⁷ Маляревский Г. Очерк истории и современного состояния народного образования в Сибири. СПб.: Синодальная типография, 1896. С.66.

⁵⁴⁸ Там же. С. 68.

⁵⁴⁹ГАТО. Ф.126. Оп.1. Д.672. Л.116-125. Отчёт о состоянии сельских училищ в Тобольской и Томской губерниях».

молодые крестьяне и крестьянки, из окончивших курс в начальных церковно-приходских и министерских училищах, появившиеся в последнее время в значительном количестве в Тобольской епархии...Одного из таковых (Мокаровского, учителя школы грамоты в селе Чебаковском, Курганского округа Тобольской губернии) местный окружной наблюдатель аттестовал как лучшего учителя в целом округе, где 47 церковных школ, поставленных притом лучше, чем в других округах Тобольской епархии»⁵⁵⁰. По свидетельству Томского епархиального наблюдателя В. Мироносицкого, «особенной ревностью по Томскому уезду отличается учительница Варюхинской церковно-приходской школы Елизавета Гальчинская и учитель Батуринской школы К. Аршин. К Гальчинской крестьяне идут за советом даже в мелочах своей обыденной жизни и оказывают ей огромное доверие. Учитель Аршин отлично уживается в раскольничьем селении; каждый праздник устраивает чтения и беседы, а своим добрым поведением, трудолюбием и внимательностью к делу приобрел влияние у раскольников, пользуется их доверием и расположением и поселяет мир среди своих односельчан разноверцев»⁵⁵¹.

В-третьих, значимым элементом образовательного процесса в церковно-приходских школах являлось трудовое воспитание с учётом сословной принадлежности детей. Выходцев из крестьянской среды старались погружать в привычную для них атмосферу сельскохозяйственного производства, наполняя её современными приёмами ведения земледельческого хозяйства. Во Всеподданейших отчётах повсеместно упоминалось об обучении в церковных школах навыкам ведения сельского хозяйства, ремесла и рукоделия, причём в отношении сельского хозяйства отмечался практический характер обучения, что предусматривало устройство опытных земельных участков при школах, садов,

⁵⁵⁰Маляревский Г. Очерк истории и современного состояния народного образования в Сибири. СПб.: Синодальная типография, 1896. С.82-83.

⁵⁵¹ Мироносицкий В. Отчёт Томского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ Омской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1907 – 1908 гг. // Томские епархиальные ведомости. 1909. № 11. С.255.

огородов и пасек⁵⁵². По сведениям отчёта за 1898 г., в течение учебного года в российских церковно-приходских школах было разбито 939 садов, 1 416 огородов, 80 пасек, а на 148 земельных участках велось полевое хозяйство⁵⁵³.

В региональных отчётах (Западная Сибирь и Степной край) также в качестве обязательного присутствовал раздел о сельскохозяйственных, ремесленных и рукодельных занятиях учащихся, в котором обстоятельно докладывалось о практиках пчеловодства, а также земледельческих опытов школьников в огородничестве и садоводстве: «...благодаря инициативе и стараниям учителя Мало-Красноярской школы Омской епархии диакона о. Аверьянова при школе с 1895 года открыта пасека и введено преподавание пчеловодства...»⁵⁵⁴, «...в Ординской второклассной школе Томской епархии на учащихся лежала обязанность ухаживать за школьным садом, расчищать дорожки, ухаживать за древесными насаждениями, производить посадку растений»⁵⁵⁵ и т.д.

Таким образом, во второй половине XIX века, либеральные реформы, охватившие в России социальную, экономическую и культурную сферы, повлекли за собой и качественные изменения в организации имперского пространства. Освобождение крестьян и установление формального сословного равенства становятся своеобразным триггером российской имперской экспансии, практически реализуемой в освоении и присвоении «собственного востока» - периферийных пространств Зауралья. Действующим актором внутренней колонизации в этот период выступает и Русская православная церковь, которая в пореформенную эпоху приобретает, по сути, статус государственного учреждения. Вместе с тем церковь, столкнувшаяся во второй половине XIX

⁵⁵²Всепопданейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного вероисповедания за 1898 г....С.201.

⁵⁵³ Там же. С. 201.

⁵⁵⁴Садовский Д. Отчёт Омского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ Омской епархии за 1898 / 1899 гг. в учебно-воспитательном отношении...С.28-29.

⁵⁵⁵Мироносицкий В. Отчёт Томского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ Омской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1907 – 1908 гг. С.264.

столетия с феноменом религиозного индифферентизма и секуляризации, терявшая свой авторитет в обществе, получила и уникальный шанс восстановления влияния на народные массы и распространения этого влияния вширь. Переселенческое движение в Западную Сибирь и Степной край как эпизод аграрной колонизации, создание в зауральских регионах очагов прочной земледельческой оседлости открывали перед Русской Православной Церковью перспективы для ведения активной религиозно-просветительской деятельности и предоставления духовной поддержки всем адептам и сторонникам православного христианства. В сложившихся обстоятельствах Русская Православная Церковь, реализуя «проекты» религиозного просветительства на восточных окраинах империи позиционировала себя как самостоятельно действующего агента колонизации. Коммуникативная включенность церкви в область аграрной колонизации Западной Сибири и Степного края носила опосредованный характер и заключалась в выполнении важных функций (церковное строительство, миссионерство, начальное образование), способствовавших адаптации российского крестьянства в сложных природно-географических и социокультурных условиях колонизируемого региона.

В плане общего итога главы, следует сказать, что инкорпорированность РПЦ в имперские практики политики внутренней колонизации в Западной Сибири и Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв., наиболее последовательно воплощалась в миссионерской деятельности. Распространение православной веры среди инородческого населения Азиатской России отвечало интересам имперской власти, удовлетворяло амбиции «охранительного» сегмента российского социума и, до определённой степени, либерально настроенной публики, поскольку Русской Православной Церковью на разных её ступенях (от высших иерархий до приходов), осуществлялся относительно «мягкий» вариант христианизации, с акцентом на религиозно-просветительские действия. В миссионерстве можно увидеть и продолжение традиционного для Церкви опыта

монастырской колонизации, в системе координат которого миссии выполняли важную функцию форпостов колонизационного процесса, подготавливая почву для аграрного освоения новых земель.

С ростом переселенческого движения и включением в него иноконфессионального элемента, объём и ориентация практической деятельности РПЦ как актора политики внутренней колонизации изменились и расширились. Необходимость и важность решения текущих хозяйственно-экономических задач аграрной колонизации, отодвигали на периферийный план традиционные для Церкви дела, связанные с активным противоборством с иноверными и инославными сообществами, настраивали на разработку таких вариантов коммуникации, которые бы способствовали не конфликтности, а мирному сосуществованию и разграничению сфер влияния РПЦ и других конфессий и объединений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй половине XIX – начале XX вв. в результате серии либеральных реформ, захвативших все сферы социальной жизни России, произошли знаковые изменения в государственном строе и общественных отношениях империи, что не могло не затронуть и Русскую Православную Церковь. РПЦ принимала непосредственное участие в реформах как часть бюрократического механизма Российской империи, включаясь в процессы модернизации и обретая новый статус и функции.

Реализация реформистского курса 1860-х-1870-х гг. соотносилась по времени и смысловому наполнению с институциональным кризисом влияния Русской православной Церкви на паству, практически неизбежном в обстоятельствах надлома сословной организации российского общества, расширения гражданских прав и свобод, секуляризации сознания населения, активизации его вертикальной и горизонтальной мобильности.

Симптоматично, что перемены политического климата в направлении эскалации гражданственности стали в известном смысле толчком к проявлению пластичности имперской системы, что выразилось в становлении и реализации политики внутренней колонизации на восточных окраинах страны. Массовое вольно-народное переселенческое движение в регионы азиатской периферии России, ставшее заметным явлением в пореформенный период, актуализировало имперскую ситуацию, в границах которой территориальная экспансия «собственного Востока» способствовала сохранению и поддержанию главных признаков, демонстрирующих принадлежность к империи: контроль, доминирование и принуждение по отношению к землям и подданным.

В этой широкой политической программе своё место отводилось и другим акторам, в частности Русской Православной Церкви, что отчётливо фиксировалось в имперском дискурсе, «площадками» которого выступали Высочайшие отчёты, записки по результатам ознакомительных поездок в

Западную Сибирь и Степной край, выступления, речи, публикации в периодической печати, репрезентировавшие представления имперской власти о моделях сотрудничества церкви и государства в колониационном вопросе. Содержание этих представлений в общем плане сводилось к утверждению об исторически предопределённом союзе государства и Церкви, готовности акторов к взаимоподдержке в кризисные периоды, что материализовалось в признании имперской властью РПЦ в качестве действенного актора и инструмента имперской политики внутренней колонизации на восточной периферии государства.

Представления о статусе и функциях Русской Православной Церкви как актора имперской политики внутренней колонизации конструировались в национал-консервативном и либеральном дискурсах общественно-политической мысли и репрезентировались на страницах светской периодической печати – «толстых» и «тонких» журналов, газет, отражавших позиции разной идейной формации, являясь сгустком общественного мнения России. С точки зрения российских национал-консерваторов, формулировавших и отстаивавших программу создания «большой русской нации» за Уралом, Русская Православная Церковь как актор колонизации должна была выполнять в Азиатской России преимущественно символическую функцию, демонстрируя симфоническое единство с государством, реализуя задачи духовного наставничества в отношении воцерковлённого православного населения и выступая непримиримым противником любого иноверия. Российские и сибирские либералы, критически оценивавшие идеи «политики населения» за Уралом как тотальной русификации и этноконфессиональной унификации выдвигали на первый план культуртрегерские задачи РПЦ, направленные на обеспечение комфортных условий адаптации переселенцев к сложным условиям водворения, старожилов к хозяйственным стереотипам поведения новосёлов, коренных народов к образу

жизни и стратегиям экономического и социального поведения русского крестьянства.

Дискурс официальных церковных изданий, транслируемый центральными изданиями Святейшего Правительствующего Синода, посредством регулярной публикации на страницах своих газет и журналов циркуляров и указов, регламентирующих деятельность РПЦ в Российской империи, устанавливал нормативно-правовую «рамку» участия института церкви в различных государственных проектах, в том числе колонизации восточных окраин империи.

Епархиальная пресса Азиатской России не только дублировала конвенции и принципы религиозной политики государства, но и стремилась к определению основных сфер деятельности РПЦ как непосредственного субъекта колонизационного процесса в Западной Сибири и Степном крае, особо акцентируя внимание на организации миссионерских практик в отношении инородческого населения и религиозных диссидентов, культурного просветительства, адресованного православным и инославным христианским объединениям, созданию и продвижении средствами печати негативного образа раскола и сектантства. В целом дискурс епархиальной периодики Западной Сибири и Степного края демонстрировал общность социокультурной и конфессиональной идентичности корреспондентов, что выражалось в единой тематике и направленности публикаций, а также сходстве сценариев коммуникации с государством и социумом, став в конечном итоге своеобразным микстом национал-консервативных и либеральных рецептов инкорпорации Русской Православной Церкви в канву обсуждения и принятия решений по злободневным вопросам имперской колонизации восточных окраин страны.

Принципиально важным моментом является то обстоятельство, что официальная епархиальная пресса как коммуникативное пространство церковных деятелей может рассматриваться как территория обсуждения и преодоления травмирующей ситуации, сформировавшейся в условиях кризиса влияния РПЦ на

русское общество, что имело значимый терапевтический эффект. В ситуации колонизации восточных окраин империи подразделения Русской Православной Церкви, озвучивая посредством периодической печати своё участие в решении текущих задач переселенческого движения, продвигая планы церковного строительства и эскалации церковно-приходского образования, могло рассчитывать на восстановление и укрепление своего авторитета в глазах многочисленной паствы.

Наиболее продуктивным элементом деятельности РПЦ в регионе стало её включение в реализацию имперских проектов политики внутренней колонизации, достаточно внятно сформулированных в течение второй половины XIX – начала XX вв. В указанный временной диапазон в представлениях имперской власти происходили изменения во взглядах на содержание и способы решения инородческого вопроса как составной части программы колонизационного дела. Если в 1860-х – 1870-х гг. обсуждение и практики выстраивания отношений с индигенными народами вписывались в общий концепт русификации окраин, что во многом являлось продолжением политики на западной периферии империи, то с 1880-х гг. под влиянием эволюционистских идей и ориенталистских теорий манифестируется лозунг о социальном и культурном «взрослении» автохтонов, значительная часть ответственности за которое возлагается на институт православной церкви. В этой точке пересечения наметилось коммуникативное согласие имперской власти и Русской Православной Церкви, в системе координат которого государство видело «взросление» инородцев в переходе к оседлому образу жизни и земледелию, а РПЦ посредством религиозного просветительства в среде коренных народов осуществляла миссию христианизации, являвшуюся первоочередным условием перехода к оседлости. Миссионерская практика РПЦ в отдалённых местностях Западной Сибири и Степного края сопровождалась многочисленными трудностями, часто носила ситуативный, спонтанный и технически неорганизованный характер, что было связано с труднодоступностью

территорий, входивших в ареал деятельности миссий, отсутствием или мизерностью финансовой поддержки миссионеров, отдалённости от центров гражданской и церковной администрации. Однако координирующая деятельность Православного миссионерского общества (1870 г.), личная инициатива и ответственность членов миссионерской организации дали положительные результаты не столько с точки зрения приращения числа новокрещенцев, сколько в плане создания колонизационных форпостов империи на восточных окраинах страны, что также позволяет определять РПЦ как актора политики внутренней колонизации России.

Идеология и практики Русской Православной Церкви по отношению к подданным Российской империи, не включенным в сферу влияния отечественного православия (католики, протестанты, нехристианские сообщества: иудеи, мусульмане, буддисты, язычники, а также непризнанные религиозные объединения (раскольники и сектанты), формировались в «шлейфе» традиции религиозной нетерпимости, ставшей к концу XVIII в. итогом обширных территориальных приобретений России на юге и востоке континента. Имперское понимание принадлежности к «цивилизованным» народам нашло отражение в конфессиональной политике России, проявлением которой являлась не только насильственная христианизация, но и стремление ограничить в правах и свободах категории лиц, принадлежавших к инославным и иноверным объединениям. Вместе с тем во второй половине XIX – начале XX вв. в обстоятельствах экономической и идеологической модернизации, выбора крестьянства в качестве главного субъекта колонизации, роста аграрных переселений на первый план в организации конфессионального пространства азиатской части страны выдвинулись новые идеи и представления.

Во-первых, мощный колонизационный потенциал неправославных сообществ (католиков, протестантов, иудеев) ориентировал власти к реализации политики условной религиозной терпимости, что в практической плоскости

понималось двойственно: как автономизация терпимых колонистов и предоставление им относительной независимости в осуществлении своих экономических планов и как создание бюрократических препятствий с целью ограничения влияния на православное население.

Во-вторых, в понимании служителей Русской Православной Церкви, выполнявших колонизаторскую миссию на востоке империи, главными источниками опасности в деле распространения влияния православия в Западной Сибири и Степном крае являлись сторонники ислама и сектанты, демонстрирующие устойчиво негативное отношение к РПЦ и её прозелитам и оказывающие мощное воздействие на слабо воцерковлённое крестьянство. Особенно остро данная ситуация обозначилась после принятия Манифеста 17 октября 1905 г., провозгласившего свободу вероисповеданий в Российской империи, что, как это не парадоксально, придало деятельности Русской Православной Церкви как государственному агенту колонизации дополнительный творческий импульс: расширялось поле религиозно-просветительской деятельности, разрабатывались оригинальные модели коммуникации с населением, в том числе той его частью, которая принадлежала к раскольникам и сектантам.

В результате Русская Православная Церковь продемонстрировала свою способность к идейной пластичности, что выразилось в эффективных способах сотрудничества с имперской властью в реализации религиозной политики, позволило сохранить авторитет в глазах православной паствы, амортизировать последствия революции 1905-1907 гг. в деле распространения христианства в сибирском социуме.

Освобождение крестьян вследствие реформы 1861 г., экспоненциальный рост миграционной мобильности населения, ставка империи на приоритет аграрной колонизации восточных окраин, с одной стороны, поставили Русскую Православную Церковь перед новыми вызовами и объективными трудностями, с

другой стороны – открыли дополнительные перспективы с точки зрения усиления и расширения институционального влияния на паству.

В условиях водворения и обустройства переселенцев из Европейской России в губернии Западной Сибири и области Степного края РПЦ помимо традиционных патерналистских функций в отношении православной массы предпосылались и задачи адаптационного характера, что включало служителей церкви в сложную систему коммуникации с высшей имперской бюрократией, местной административной властью, и, в первую очередь, с крестьянством, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. В условиях массовых аграрных переселений значительно расширялось пространство деятельности Русской Православной Церкви, как территориальное, так и смысловое. В компетенцию епархий и приходов региона входил широкий круг вопросов, связанных с организацией строительства церковей как определяющего условия сохранения влияния на православную паству, церковно-приходских школ, особенно в отдалённых уездах, финансовой поддержкой священнослужителей. Воплощая в жизнь «проекты» религиозного просветительства, РПЦ в Западной Сибири и Степном крае идентифицировала себя в качестве реально действующего агента колонизации. Несмотря на опосредованный характер коммуникативной включенности Церкви в сферу аграрной колонизации региона, выполняемые ею задачи формировали «зону» морального комфорта и нравственного соучастия для крестьянства, что сокращало сроки их адаптации к сложным природно-географическим и социокультурным условиям колонизируемого региона.

В целом можно говорить о том, что во второй половине XIX – начале XX вв. модернизационные процессы, ставшие значимым фоном социокультурной жизни России, повлияли на Русскую Православную Церковь двойственным образом. Реформы 1860-х – 1870-х гг. инициировали ситуацию кризиса влияния РПЦ на общество, что проявилось в широком распространении религиозного индифферентизма и снижении авторитета церковной организации. Вместе с тем

рост переселенческой активности населения, включение государства в колониционное освоение восточных окраин империи способствовали переформатированию деятельности РПЦ и обретению Церковью функции актора политики внутренней колонизации России, что безусловно содействовало обеспечению не только прочных позиций Русской Православной Церкви в системе общественных отношений России, но и устойчивости империи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

ИСТОЧНИКИ:

I. Материалы периодической печати

Журналы

1. Вестник Европы: журнал науки, политики, литературы / ред. М.М. Стасюлевич. СПб., 1886-1918. 1886. Кн. 3; 1892. Кн. 1; 1897. Кн.5; 1905. Т.IV.
2. Вопросы колонизации: периодический сборник / ред.: № 1 - О. А. Шкапский, № 2-3 - Г. Ф. Чиркин и А. В. Успенский, № 6-19 - Г. Ф. Чиркин и Н. А. Гаврилов, № 20 - Г. Ф. Чиркин. № 1 (1907)-№ 20 (1917). СПб., Петроград, 1907-1917. 1907. №1, 2; 1908. № 3; 1910. № 7; 1912. № 11; 1914. № 14.
3. Дело: литературно-политический журнал / ред. Г.Е. Благосветлов. СПб., 1866-1888. 1867. № 8; 1871. № 8, 11; 1872. № 5, 6.
4. Записки ЗСОИРГО: издание Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Омск, 1878-1927. 1893. Кн. XV, XVI; Омск, 1894. Кн. XVII; 1897. Кн. XXI; 1900. Кн. XXVII.
5. Записки ЗСОИРГО.1927. Т.XXXIX. Юбилейный.

6. Исторический вестник: историко-литературный журнал / ред. С.Н. Шубинский. М., 1880-1917. 1889. № 12; 1893. № 4; 1901. № 6.
7. Миссионерское обозрение: православный миссионерский журнал Синодального миссионерского отдела Русской Православной Церкви. СПб., 1896 – 1916. 1896. Т.1; 1897. Июнь; 1899. Январь, июль – август; 1901. Январь, июль – август; 1902. Январь, май; 1903. Январь, июль – август; 1905. Май; 1906. Январь; 1913. Апрель.
8. Наблюдатель: ежемесячный литературный журнал / ред. А.П. Пятковский. СПб., 1882-1904. 1882. № 4; 1891. № 8.
9. Народное образование: издание Комиссии Училищного совета при Святейшем синоде / ред. С. Миропольский. СПб., 1896 – 1917. 1899. № 6, 7; 1909. № 9; 1912. № 5, 6; 1916. № 4 – 6.
10. Русская мысль: ежемесячный литературно-политический журнал / ред. В.М. Лавров. СПб., 1880-1918. 1898. № 9.
11. Русский вестник: литературный и общественно-политический журнал / ред. М.Н. Катков. М., СПб., 1856-1906. 1863. Т.46. Т. 48; 1882. Т.157, 160, 164; 1883. Т.164; 1884. Т.174; 1885. Т.177; 1886. Т.182; 1890. 1891. Т.214; 1893. Т.225.
12. Русское богатство: ежемесячный литературный и научный журнал / ред. Н.К. Михайловский, В.Г. Короленко. СПб., 1876-1918. 1896. № 8; 1899. № 8; 1903. № 6.
13. Русское обозрение: литературно-политическое и научное ежемесячное издание без предварительной цензуры / ред. П. Боборыкин, А. Александров, А. Филиппов. СПб., 1890-1903. 1894. № 8.
14. Северный вестник: литературно-научный и политический журнал / ред. Н.К. Михайловский. СПб., 1885-1898. 1891. № 6.
15. Сибирские вопросы: периодический сб., с 1906 г. – независимый прогрессивный журнал О-ва изучения Сибири и улучшения ее быта / ред. П.

М. Головачёв, с 1909 г. – ред. А. И. Иванчин-Писарев; изд. В. П. Сукачев, 1905–1913. СПб.: тип. Альтшулера, с августа по ноябрь 1908 г. Тип. И. Флейтмана. С 1-го июля 1906 г. – ежемес. С 1-го апреля 1907 г. (с № 4). 1908. № 6, 11, 14, 17-20, 25, 29, 31; 1909. № 24, 25; 1910. № 21, 24.

16. Церковные ведомости: еженедельный журнал Святейшего правительствующего Синода / ред. протоиерей П. Смирнов. СПб., 1888-1918. 1888. № 1-4; 1889. № 5, 9.

17. Церковный вестник: еженедельный журнал при Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1875-1917.

Газеты:

1. Восточное обозрение: лит. и полит. газета. Иркутск. Ежедн. 1882. № 12, 13, 19; 1883. № 23; 1885. № 5; 1887. № 3; 1888. № 5, 50.

2. Гражданин: политическая и литературная газета-журнал / ред. В.П. Мещерский. СПб., 1872-1879; 1882-1914. 1877. № 19.

3. Омские епархиальные ведомости: официальное издание Омской и Семипалатинской епархии. Омск, 1898-1918.

4. Собрание передовых статей Московских ведомостей. М., 1897. 1877-1884 гг.

5. Тобольские епархиальные ведомости: официальное издание Тобольской и Сибирской епархии. Тобольск, 1882-1919.

6. Томские епархиальные ведомости: официальное издание Томской и Семипалатинской епархии. Томск, 1880-1919.

II. Материалы личного происхождения

1. 38 писем бывшего обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева к Высокопреосвященнейшему Макарию, Архиепископу Томскому. Публикация священника С. П. Дмитриевского. Томск: Типография Приюта и Дома Трудолюбия, 1910. 38 с.

2. Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859-1875 гг. / И.Ф. Бабков. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. 575 с.

3. Записки Киргизского миссионера, священника Филарета Синьковского за 1888 год // Томские епархиальные ведомости. 1889. № 9. С.1-23.
4. К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т.1. М., Петроград: Государственное изд-во, 1923. 439 с.
5. Катанаев Г.Е. Очерки былого / Г.Е. Катанаев. Омск: Омскбланкиздат, 2012.
6. Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 1037 с.
7. Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии: Сборник архивных документов / Сост. Ю.А. Крейдун. Барнаул: Барнаульская духовная семинария. Барнаул: Алтайский дом печати, 2016. 204 с.
8. Переписка святителя Макария (Невского) с алтайскими миссионерами. Барнаул: Барнаульская духовная семинария, Алтайский дом печати, 2016. 208 с.
9. Письма Г. Н. Потанина. В 5 т. Т. 5. / Сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Н. Н. Яновский. Иркутск: Изд-во Иркутского, ун-та. 1991.
10. Скалозубов Н.Л. Дневник // Тобольский север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во, 1998. С. 359-391.
11. Соколов К. Из записок миссионера Урскульского отделения Алтайской духовной миссии, за 1891 г. // Томские епархиальные ведомости. 1891. № 20. С.12-23;

III. Законодательные источники

1. Введенский А. Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса, 1912. 197 с.

2. Канторович Я.А. Законы о вере и веротерпимости. С приложением свода разъяснений по кассационным решениям Сената. СПб., 1899. 287 с.
3. Кузнецов Н.Д. Закон о старообрядческих общинах в связи с отношением церкви и государства. Сергиев Посад, 1910. 11 с.
4. О вере // Свод законов Российской Империи. Т. 1. Ч. 1. С. 10. Ст. 40-44.
5. Свод законов Российской империи: в XVI т. СПб., 1913. Т.IX: Свод законов о состояниях. Ст. 15 – 816.
6. Скоров А.Ф. Законы о раскольниках и сектантах. М.: 1903. 226 с.
7. Устав Православного Миссионерского Общества // Таврические епархиальные ведомости. 1870. № 14. С.432-435.
8. Циркулярные указы Святейшего Правительственного Синода (1867-1900 гг.). СПб.: Издание продавца И.Л. Тузова, 1901. 448 с.
9. Чичинадзе Д.В. Сборник законов о расколе и сектантах. СПб., 1899. 165 с.
10. Ясевич-Бородаевская В.И. Борьба за веру: Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии с приложением статей закона и высочайших указов. СПб., 1912. 696 с.

IV. Материалы официального светского и церковного делопроизводства

1. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Синода по ведомству православного исповедания за 1896—1897 гг. СПб., 1899. 279 с. Прилож.: с. 7.
2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Синода по ведомству православного исповедания за 1898 год. СПб., 1901. 224 с. Прилож.: с. 7.
3. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. СПб., 1904. 321 с. Прилож.: с. 8.
4. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Синода по ведомству православного исповедания за 1908—1909 гг. СПб., 1911. 663 с. Прилож.: с. 8.

5. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Синода по ведомству православного исповедания за 1911—1912 гг. СПб., 1913. 336 с. Прилож.: с. 8.
6. Главное управление Западной Сибири // ГИАОО. Оп. 7. Д. 11285, Оп.8. Д.13315.
7. Западно-Сибирский отдел ИРГО // ГИАОО. Ф.86. Оп.1. Д.3.
8. Канцелярия Синода // РГИА. Ф.796. Оп. 442. Дд. 1872, 2161.
9. Мнения причтов Томской епархии об улучшении быта духовенства (Отчёты причтов о финансовой обеспеченности священников) // РГИА. Ф.804. Оп.1. Р.3. Д.379.
10. Об обеспечении содержания духовенства западных епархий и о возведении одного на высшую степень гражданского значения (1863 г.) // РГИА. Ф.804. Оп. 1., Дд.7, 8, 69, 411.
11. Отчёт о состоянии Киргизской миссии Омской епархии за 1898 г. // Омские епархиальные ведомости. 1898. № 18. С.5-18.
12. Отчёт об Алтайской и Киргизской миссиях за 1883 г. Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1883. С.13-22.
13. Отчет Омского епархиального Комитета православного миссионерского общества за 1902 г. // Омские епархиальные ведомости. 1903. №10. С.27-37.
14. Отчёт Тобольского епархиального комитета Высочайше утверждённого православного миссионерского общества за 1887 год // Тобольские епархиальные ведомости. 1888. № 11-12. С.126-138.
15. Отчёты Тобольского епархиального комитета Высочайше утверждённого православного миссионерского общества. 1872-1906 гг.
16. Отчеты Тобольского епархиального комитета Православного Миссионерского Общества за 1900-1910 гг.
17. Переселенческое управление // РГИА. Ф.391. Оп.4. Дд. 1, 263.

18. По рапортам секретарей духовных консисторий о происшествиях в церквях (май 1890 – июль 1891 гг.) // РГИА. Ф.797. Оп. 60. Д.5, Оп. 38. Отд.1. Ст.1. Д.24.
19. Томский губернский совет по крестьянским делам // ГАТО. Ф.3. Оп.44. Д.428; Оп.46. Дд. 760, 1119.
20. Фонд канцелярии Степного генерал-губернатора (1868-1917) // ЦГА РК. Ф. И-64. Оп.1. Дд. 125, 242, 345, 354, 355, 395, 643, 1168, 1186, 4230.

V. Справочно-статистические материалы

1. Азиатская Россия: в 3 т. с атласом (полный комплект). Т.1: Люди и порядки за Уралом. Т. 2: Земля и хозяйство. [4]. СПб., 1914.
2. Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск: Тип. «Иртыш», 1914. 1250 с.
3. Краткий историко-статистический очерк Томской епархии протоиерея А.А. Мисюрева. Томск: Типо-лит. Макушина, 1892. 76 с.
4. Материалы для изучения быта переселенцев, выдворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.): [В 2-х т.] / Предисл. А. Станкевича. - М., 1895-1897. 2 т. Т. 1 : Историко-статистическое описание 100 поселков. 1895. V, 541 с.
5. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей Акмолинской областей. Акмолинская область. Омский уезд. Омск, 1902.
6. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей // Департамент гос. зем. имуществ / Акмолинская область, Акмолинский уезд. Чернигов, 1909.
7. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей // Департамент гос. зем. имуществ. Акмолинская область, Атбасарский уезд. Чернигов, 1902.

8. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей // Департамент гос. зем. имуществ / Акмолинская область, Омский уезд. Чернигов, 1902.
9. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией Ф.А.Щербины. Т.IV, Павлодарский уезд. Воронеж, 1903.
10. Обзор Акмолинской области за 1881 год. Омск, 1882.
11. Обзор Акмолинской области за 1898 год. Омск, 1900.
12. Обзор Акмолинской области за 1914 год. Омск, 1915.
13. Общий свод по империи разработанных данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 года. СПб., 1905.
14. Памятная книжка Акмолинской области на 1887 г. (год первый). Адрес-календарь и географические сведения / Сост. И.А. Козлов. Омск, 1887.
15. Памятная книжка Акмолинской области. Омск, 1913.
16. Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской области / под ред. Н. Домнина. Омск, 1909.
17. Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 г. Семипалатинск, 1897.
18. Памятные книжки Западной Сибири. 1881-1914 гг.
19. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897г. LXXXIV. Семипалатинская область. СПб., 1905.
20. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. LXXIX. Тобольская губерния. СПб., 1904;
21. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. LXXVI. Томская губерния. СПб., 1904;
22. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. LXXXI. Акмолинская область. СПб., 1904;
23. Россия: полное географическое описание нашего отечества : настольная и дорожная книга для русских людей т. 1-19/ под ред. В.П. Семенова и под

общ. руководством П.П. Семенова, вице-пред. Имп. Русского геогр. о-ва и проф. В.И. Ламанского, пред. Отд-ния этнографии Имп. Русского геогр. о-ва ; [предисл.: Вениамин Семенов]. СПб., 1899-1914. Т. 18: Киргизский край: [Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области] / сост. А. Н. Седельников, Л. П. Осипова, А. Н. Букейханов [и др. предисл.: В. Семенов]. 1903.

24. Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 г. Тобольск: Тип. Епархиального братства, 1913. 375 с.
25. Тобольская епархия. Ч.1-2. Отд. 1-3. Омск: Тип. А. Демидова, 1892.

VI. Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Берковская З.Н. Духовенство Омской епархии Русской Православной церкви в условиях имперской модернизации: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2021. 25 с.
2. Васильева А.В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2015. 261 с.
3. Верещагин И.Ф. Церковно-епархиальная периодическая печать в общественной жизни российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Европейского Севера России): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Архангельск, 2013. 24 с.
4. Воробьева Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политике российского самодержавия: вторая половина XIX века – 1917 г.: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. СПб., 1999. 28 с.
5. Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири : XIX - начало XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2003. 77 с.

6. Дутчак Е. Е. Старообрядческие таежные монастыри условия сохранения и воспроизводства социокультурной традиции (вторая половина XIX - начало XXI вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2008. 55 с.
7. Зверева К.Е. Просвещение крестьянства Сибири в конце XIX – начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук, Новосибирск, 1988. 249 с.
8. Косых В.И. Православная церковь Восточной Сибири в годы первой российской революции : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 22 с.
9. Лысенко Н.А. Идеал священника миссионера в официальных периодических изданиях Русской Православной Церкви второй половины XIX – начала XX в.: Дисс. ...канд. ист. наук, 2014. 190 с.
10. Лысенко Ю.А. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Барнаул, 2011. 51 с.
11. Мандрика Ю.Л. Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания (на материале «Тобольских губернских ведомостей»): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Воронеж, 2004. 24 с.
12. Недзелюк Т.Г. Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на повседневную жизнь (1830–1917 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2014. 53 с.
13. Недзелюк Т.Г. Римско-католическая церковь в Западной Сибири. 1881-1918: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 21 с.
14. Нейхц Н.П. Роль религии в процессе социально-психологической адаптации мигрантов (на примере православия в период колонизации Сибири): Автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2006. 26 с.
15. Нетужилов К.Е. Формирование системы церковной периодической печати в России XIX –начала XX веков: историко-типологический анализ: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. СПб., 2010. 48 с.

16. Расова Н.В. Миссионерская деятельность Русской православной церкви на Алтае в XIX - начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2002. 25 с.
17. Смирнова Т. Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XIX - начале XXI века: формирование и развитие диаспорной группы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2009. 49 с.
18. Софронов В.Ю. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Барнаул, 2007. 51 с.
19. Тимофеева Е.С. «Церковные ведомости» (1888-1918). История издания: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 2007. 24 с.
20. Тимофеева Л.В. История Русской Православной Церкви на территории Семиречья (вторая половина XIX – начало XXв.): Автореф. дис. ...канд. ист.наук. Алматы, 2007. 25 с.
21. Чернова И.С. Становление и функционирование профессионального сообщества сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2021. 388 с.
22. Шабунин В.В. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 24 с.

VII. Научно-исследовательская литература

1. «Community» // The Concise Oxford Dictionary of Sociology / Ed. by Gordon Marshall. NY., Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 72-73.
2. Crews R. Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth Century Russia // American Historical Review. 2003. Vol. 108. № 1. P. 50–83.
3. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, B.I-II. Frankfurt, 1981.

4. Nicholas B Breyfogle Heretics and Colonizers Forging Russia's Empire in the South Caucasus L, 2005.
5. Werth P. "Schism Once Removed: Sects, State Authority, and the meanings of Religious Toleration in Imperial Russia // Imperial Rule. Budapest: CEU (Central European University) Press, 2004. P. 85-108.
6. Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири: с указателем изданий в 1918 году. Томск: Б.и., 1919. 31 с.
7. Архиепископ Филарет История русской церкви в пяти периодах. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2001. 832 с.
8. Батулин С. П. Государство и православная церковь в колониционных процессах Сибири на рубеже XIX-XX веков // Социогуманитарный вестник. 2017. № 1(17). С. 132-140.
9. Батулин С. П. К вопросу о системе церковного управления и кадровом составе сибирских епархий в конце XIX - начале XX века // Миссия конфессий. 2018. Т. 7. № 7(34). С. 772-782.
10. Батулин С. П. Православие в повседневной жизни сибирских крестьян-переселенцев в конце XIX - начале XX веков // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 62-21. С. 42-48.
11. Батулин С.П. Внутренняя миссия Православной Церкви в Сибири на рубеже XIX-XX веков // Православие - культура - образование / Кемеровская государственная академия культуры и искусств. Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской Православной Церкви. Кемерово: Общество с ограниченной ответственностью «Авторское издательство Кузбассвузиздат», 2002. С. 96-104.
12. Батулин С.П., Батурина Т.В. Взаимоотношение Русской православной церкви с иными христианскими конфессиями в Сибири на рубеже XIX-XX вв. // Духовные истоки русской культуры: материалы

- Всероссийской научно-практической конференции 19-20 мая 2005 г. ч. 1. Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт, 2005. С. 9-23.
13. Батурин С.П., Батурина Т.В. Православизация Сибири как форма цивилизационного характера её колонизации на рубеже XIX – XX веков // Социогуманитарный вестник. 2012. № 1(8). С. 42-45.
14. Батурина Т. В., Батурин С.П. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Сибири в системе переселенческой политики государства в конце XIX - начале XX вв. // Социогуманитарный вестник Кемеровского института (филиала) РГТЭУ. 2010. № 2(5). С. 119-127.
15. Батурина Т. В., Батурин С.П. Церковно-приходские школы Сибири в конце XIX - начале XX вв. Как фактор культурной колонизации края // Социогуманитарный вестник Кемеровского института (филиала) РГТЭУ. 2008. № 1(2). С. 77-81.
16. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М.: М. и С. Сабашниковы, 1927 (Интернациональная (39) тип. "Мосполиграф"), 199 с.
17. Беккер С. Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А. П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. С.67-81.
18. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 254 с.
19. Бургард Л.А. Особенности расселения немцев-католиков в Казахстане и их взаимосвязь с практикой религиозной жизни (конец XIX – начало XXI вв.) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник науч. трудов X Международной науч.-практ. конф., г. Усть-Каменогорск, 15-16 мая 2009 г. Усть-Каменогорск: «Либрус», 2009. С. 82-93.

20. Валитов А. А. Тобольские епархиальные ведомости как источник по истории Западной Сибири // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2015. № 2(4). С. 407-416;
21. Вандалковская М.Г. Милюков Павел Николаевич // Историки России. Биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С.362-369.
22. Верт П. Православие, инославие, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
23. Верховский П.В. Очерки по истории русской церкви в XVIII и XIX ст.: Вып. 1. Варшава.: тип. Варш. учеб. окр., 1912. 148 с.
24. Вибе П.П. Меннонитские колонии в Сибири в конце XIX – первой трети XX в. // Немцы в Сибири: история и культура: мат. VI Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.Б. Смирнова, Н.А. Томилов. Омск: Наука, 2010. С. 291–304.
25. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой трети XX вв. Омск: Изд. Дом «Наука», 2011. 320 с.
26. Вибе П.П. Политика государственного регулирования переселения немцев-колонистов в Сибирь в конце XIX – начале XX вв. // Немцы Сибири: история и современность. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 1995. С.30-44.
27. Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. 188 с.
28. Восторгов И.И. Доброе слово переселенцу. М.: Верность, 1910. 39 с.
29. Вошинин В.П., Чиркин Г.Ф. Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений. Петроград: Скл. изд.: кн. маг. "Учебное дело" 2015. 509 с.

30. Вульпиус Р. Вестернизация России и формирование Российской цивилизаторской миссии в XVIII веке // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917): Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С.14-42.*
31. Герасимов И., Глебов С. Могильнер М. Написание истории России как истории империи: опыт Сеймура Беккера // *Новая имперская история постсоветского пространства / ред. и сост.: И. В. Герасимов [и др.]. Казань: Центр Исслед. Национализма и Империи, 2004. С.41-47.*
32. Голубинский Е. Е.
История русской церкви. М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1880-1911. 616 с.
33. Горюшкин Л. М. Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX веков. Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков «Сравнительное изучение экономического развития России и Японии (Япония, Токио, 19–23 сентября 1989 г.). Препринт. Новосибирск, 1989. 51 с.
34. Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. *Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 318 с.*
35. Грекулов Е. Ф. *Нравы русского духовенства. М.: Атеист, 1929. 39 с.*
36. Грекулов Е.Ф. *Русская церковь в роли помещика и капиталиста. М.: Атеист, (Пенза : типо-лит. им. Воровского), 1930. 153 с.*
37. Дамешек Л.М. *Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX - нач. XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 164 с.*
38. Дашкевич В.В. *Переселение в Сибирь. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1912. 84 с.*
39. Дашковский П.К. Шершнёва Е.А. *Религиозная политика Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй*

- половине XIX - начале XX в. // Народы и религии Евразии. 2015 № 8. С.242-264.
40. Дмитриев А.Д. Церковь и идея самодержавия в России. М.: Атеист, 1931. 231 с.
41. Дмитриев А.Д. Церковь и крестьянство на Руси. М.: Атеист, 1931. 63 с.
42. Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М.: Тип. Л.Ф. Снегирёва, 1886-1893. 326 с.
43. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе, 1861–1891 гг. М.: Наука, 1978. 287 с.
44. Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 303 с.
45. Егоренкова Е. Н. «Омские епархиальные ведомости» о христианизации казахского населения Степного края (конец XIX – начало XX века) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История. С. 78–88.
46. Елисеев Е. Учреждение противомусульманской миссии в Тобольской епархии. СПб.: Т-во «Книговед», 1902. 20 с.
47. Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России (задачи и теоретико-методологические принципы изучения). М.: Изд-во МГУ, 1981. 132 с.
48. Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви. М.: ПСТГУ, 2007. 683 с.
49. Жилиякова Н.В. История дореволюционной журналистики в Сибири: этапы исследования, новые направления // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: Филология. 2011. № 3 (15). С. 119-132.
50. Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 605 с.
51. Зверев В. А. "Народ изверился": о секуляризации сознания и демографического поведения сибиряков в конце имперского периода // Освоение и развитие Западной Сибири в XVI-XX вв.: материалы

- межрегиональной научно-практической конференции, Новосибирск, 25 апреля 2013 года. Новосибирск: Издательство Сибп rint, 2013. С. 43-47.
- 52.Зверев В. А. Сотрудничество церкви и школы в сибирской деревне досоветского периода (по неопубликованным материалам учителя И. К. Чувашевой) // Русское православие в Сибири: история и современность : Материалы Международной научной конференции, Омск, 29 ноября 1995 года. Омск: ТОО "Полиграф", 1995. С. 60-63.
- 53.Зверева К. Е. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX - начала XX века. / К. Е. Зверева, В. А. Зверев; Новосибирский государственный педагогический университет. Новосибирск: НГПУ, 2013. 237 с.
- 54.Землякова Н. А. Церковь и общество на страницах "Томских епархиальных ведомостей" во второй половине XIX – начале XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. С. 390-398.
- 55.Знаменский П.В. История Русской Церкви. Сергиев Посад: [б. и.], 2006. 87 с.
- 56.Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. Казань: Университетская типография, 1876. 482 с.
57. Зольникова Н.Д. Матханова Н.П. Человек, власть и общество в русских исторических и литературных памятниках XVI – XX веков // Вестник РГНФ. 2014. № 3. С.77-85.
- 58.Зольникова Н.Д. Традиции и новации в конфессиональном сознании староверов востока России в XX веке // Вестник РГНФ. 2004. № 4. С. 5-13.
59. Иванов К. Ю. Томские епархиальные ведомости как источник по истории томского старообрядчества // Старообрядчество: история, культура, современность. М.: [б. и.], 1997. С.136–138.
- 60.Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб.: Издание А.Ф. Цинзерлинга, 1891. 192 с.

61. Кабульдинов З.Е. Миссионерская деятельность правительственной церкви в Семипалатинской области и сопредельных российских округах // Состояние и перспективы развития краеведения в современных условиях: мат.республ.науч.-практ. конф. Павлодар: ЦДЮТур РФ, 2002.С.224-230.
- 62.Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Традиция – Прогресс – Традиция, 2000. 344 с.
- 63.Каппелер А. Россия – многонациональная империя: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // «Мифы и заблуждения в изучении империи национализма» (сборник) / <https://libking.ru/books/sci-/sci-history/430042-marina-mogilner-mify-i-zabluzhdeniya-v-izuchenii-imperii-i-natsionalizma-sbornik.html>.Дата обращения: 10.03.2022. С.54-57.
- 64.Караваева Е. В. Томские епархиальные ведомости как источник по истории формирования санитарной культуры в Томской губернии // Макарьевские чтения: Материалы шестой международной конференции, Горно-Алтайск, 21–23 ноября 2007 года. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2007. С. 95-107.
65. Карнишина Н. Г. Дискуссия в печати второй половины XIX в. О месте и роли русской православной церкви в общественной жизни пореформенной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 3(55). С. 15-21.
- 66.Катков М.Н. Идеология охранительства // М.Н. Катков / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 800с.
- 67.Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва "Общественная польза", 1905. IX, 349, 81 с.: табл. (Библиотека "Общественной Пользы"). Ч. 1. Государство и переселения. 1861-1894. Ч. 2. Переселения, их причины и значение для народного хозяйства.

68. Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). М.: Типо-литография И.Н. Кушнерев и К, 1902. 370 с.
69. Клибанов А.И. В.Д. Бонч-Бруевич и проблемы религиозно-общественных движений в России // Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения. Т.1.: О религии, религиозном сектантстве и церкви. М.: Академия наук, 1959.
70. Ковалышкина, Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. 326 с.
71. Козьмин Б. П. Русская журналистика 70-х и 80-х гг. XIX в. М.: Высш. парт. школа при ЦК ВКП(б), 1948. 60 с.
72. Копылов А.Н. Культура русского населения Сибири в XVII-XVIII вв. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1968. 168 с.
73. Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914-1920 годы). Омск: ОмГПУ, 2010. 336 с.
74. Кузякин И.А., Суховецкий В.А. Епархиальное периодическое издание «Омские епархиальные ведомости» и сохранность его дореволюционных выпусков // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2018. № 1. С. 78-82.
75. Лапшина Г. С. Русская пореформенная печать 70–80-х годов XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1985. 130 с.
76. Левина Ж. Е. Мироззренческие революции XIX - начала XX века и образ Сибири в социокультурной практике западносибирских художников 20 - 30-х гг. XX в. // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 1. С. 9-17.

77. Левина Ж. Е. Христианская основа символики войны в отечественной культуре первой половины XX века // *Метаморфозы истории*. 2021. № 21. С. 45-51.
78. Линченко А.А. Историческая эпистемология и теория коммуникативного действия // *Историческая наука сегодня; Теории, методы, перспективы*. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. С.141-145.
79. Лор Э. Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 336 с.
80. Лысенко Ю. А. Вопрос о благонадежности мусульманских учебных учреждений Туркестанского края в отчетах чиновника особых поручений МВД Л. Наумова // *Былые годы*. 2019. № 54(4). С. 1745-1753.
81. Лысенко Ю. А. Ежегодные отчеты омских и оренбургских архиереев Синоду как источник по истории православия в Степном крае Российской империи (вторая половина XIX - начало XX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2020. № 3(113). С. 76-83.
82. Лысенко Ю. А. Органы государственной власти и мусульманское население Степного генерал-губернаторства: опыт взаимодействия в решении социально-экономических проблем (начало XX в.) // *Вопросы истории*. 2020. № 10 (1). С. 245-259.
83. Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири: (XIX - начало XX в.). Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2001. 177 с.
84. Максимов С.В. Сибирь и каторга: в 3-х ч. Ч.1. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1871. 367 с.
85. Малиновский Л.В. Причины и обстоятельства миграции немецких колонистов на Восток в XIX – начале XX вв. // *Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы междунар. науч. конф. Анапа, 26-30 сентября 1997*. М.: Готика, 1998. С.89-96.

86. Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Региональная и локальная история: компаративный анализ // Региональна історія України. Вип. 5. К.: Інститут історії України НАН України, 2011. С. 54-55.
87. Мандрика Ю.Л. Межгазетная полемика как фактор, идентифицирующий политическую направленность издания // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Вып. VII. Тюмень: Мандр и Ко, 2005. С. 172-190.
88. Матханова Н. П. "Плохие" и "хорошие" чиновники в записках Сибирского духовенства XIX в // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 3. С. 100-105.
89. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.
90. Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. М.: Флинта: Наука, 2004. 368 с.
91. Мельниченко М.В. «Омские Епархиальные Ведомости» как официальный печатный орган Омской епархии [Электронный ресурс] / ОмГУ им. Достоевского. URL: <http://philfak.ru/2634> (дата обращения: 24.10.2022).
92. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.
93. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т.2. Ч.1. Церковь. Религия. Литература. М.: «Прогресс-Культура», 1994. 491 с.
94. Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru». 2015. Том 2. № 2. С. 8–16.
95. Морозова Н. Н. Освещение политических вопросов в "тобольских епархиальных ведомостях" (1882–1905 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 35-38.
96. Мохначёва М. П. Журналистика и историческая наука. В 2 кн. М.: РГГУ, 1998. Кн. 1. 383 с.

97. Недзелюк Т. Г. Римско-католическая церковь в полиэтническом пространстве Западной Сибири. 1881-1918 гг. Новосибирск: Прометей, 2009. 214 с.
98. Недзелюк Т.Г. Государственно-конфессиональная политика Российской империи в зоне сибирского фронта (по материалам архивного хранения) // Астраханские Петровские чтения. материалы VI Международной научной конференции "Петр Первый и имперские практики фронтального пространства". Астрахань: Изд. дом «Астраханский ун-т», 2022. С. 251-259.
99. Недзелюк Т.Г. Этапы формирования католического населения Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Сибирь на перекрестье мировых религий: мат. межрегион. конф. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. С. 63–65.
100. Нестеров С. В. Жизнь и труды алтайского миссионера архимандрита Макария (Глухарева) и актуальные вопросы его духовного наследия. М.: ПСТГУ, 2005. 540 с.
101. Нетужилов К.Е. Епархиальная периодическая печать в дореволюционной России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 7. № 21 (1). С.174-182.
102. Никольский Н.М. История русской церкви. М.-Л.: ОГИЗ, 1930. 248 с.
103. Овсянкин И.Е. Колонизация и переселенческое дело // Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск: Изд. В.А. Г-ва, 1890. С. 327–360.
104. Октябрьская И.В. Ислам и православие; опыт взаимодействия в свете стратегий и межэтнической коммуникации (на примере казахов Алтая) // Народонаселение Сибири. Стратегии и практики коммуникаций XVII-

- начала XX в. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2008. С.340-360.
105. Остафьев В.А. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. Омск: Тип. Окр. Штаба, 1895.
106. Островская Л.В. Христианство в понимании русских крестьян пореформенной Сибири (народный вариант православия) // Общественный быт и культура сельского населения Сибири. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1983. С. 135-150.
107. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 421 с.
108. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: РОССПЭН, 2010. 374 с.
109. Потанин Г. Н. Исследования и материалы. Алматы: Дайк-пресс, 2006. 600 с.
110. Потанин Г.Н. Областная тенденция в Сибири. Томск: Паровая типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1907. 64 с.
111. Пругавин А.С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1905. 94 с.
112. Путешествие на Восток его императорского высочества, наследника, цесаревича и великого князя Николая Александровича, с подробностями злодейского покушения 29 апреля в городе Оцу. СПб.: Тип. В. Демакова, 1891. 35 с.
113. Рабкина Н.А. К. П. Победоносцев // Вопросы истории. 1995. № 2. С.58-75.
114. Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на) значение. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 304 с.
115. Ремнёв А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.

116. Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века: монография. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
117. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.
118. Римский С.В. Православная Церковь в России в XIX веке. Ростов н / Д: Гефест, 1997. 384 с.
119. Римский С.В. Российская Церковь в эпоху великих реформ. М.: Книга по требованию, 1999. 567 с.
120. Рогалина Н.Л. Аграрный кризис в российской деревне начала XX века // Вопросы истории. 2004. №7. С. 10-22.
121. Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX–начала XX века. Новосибирск: НГПУ, 2006. 343 с.
122. Романов В.Ф. Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг. СПб.: Нестор – История, 2012. 336 с.
123. Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX веке. СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1901. 232 с.
124. Русская православная церковь на севере Западной Сибири в конце XVI – начале XX в.: институциональное влияние на политические, социальные, экономические и этнокультурные процессы (формы, факторы, специфика, историческая роль): // В.В. Цысь, Я.Г.Солодкин, О.П. Цысь, А.В. Спичак; под общ. ред. В.В. Цыся. Нижневартовск: НВГУ; Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. С.60-95.
125. Русское православие: вехи истории. М.: Политиздат, 1989. 719 с.
126. Сабурова Т. А. Образ власти как фактор формирования стратегии поведения русской интеллигенции первой половины XIX века // Известия

- Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2005. № 34. С. 98-108.
127. Садвокасова З. Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX - начало XX веков). Алматы: Қазақ университеті, 2005. 339 с.
128. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
129. Симонова М.С. Проблема «оскудения Центра» и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX – начале XX вв. // Проблемы социально-экономической истории России. М.: Наука, 1971. С.236-263.
130. Скубневский В.А. Поляки в административной и хозяйственной деятельности на Алтае в XVIII - начале XX века// Мир Евразии. 2009. №3 (6). С. 66–71.
131. Смолич И.К. История Русской церкви. [Кн. 8]. Ч. 1: 1700-1917 . М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. Монастыря, 1996. 798 с.
132. Суворова Н.Г., Кадиков Э.Р. Колонизационные тексты имперских экспертов (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2015. №4(8). С. 174–193.
133. Сулоцкий А.И. Миссионерства Берёзовского края – обдорское, кондинское и в особенности сургутское. СПб.: Тип. духов, журн. «Странник», 1869. 14 с.
134. Тальберг Н.Д. История Русской Церкви. Jordanville: Типографія преп. Іова Почаевскаго. Свято-Троїцкій монастирь, 1959. 928 с.
135. Тимошина Е. В. Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К. П. Победоносцев. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2000. 202 с.

136. Токмурзаев Б.С., Чуркин М.К., Апашева С.Н. Репрезентации Азиатской России как колонии в эпистолярном дискурсе лидеров сибирского областничества // Былые годы. 2022. № 17 (1). С.321-340.
137. Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
138. Тольц В. Российские востоковеды и общеевропейские тенденции в размышлениях об империях конца XIX – начала XX века // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917): Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С.266-308.
139. Фендель Е.Р. Коренные народы Нарымского края в трудах Макария (Невского): к вопросу о теоретических подходах // Вестник Томского государственного ун-та. История. 2014. № 3 (29). С.101-107.
140. Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие самодержавия в России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 660 с.
141. Фудель И. О значении церковной дисциплины в народной жизни. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1900. 20 с.
142. Харченко Л.Н. Миссионерская деятельность православной церкви в Сибири: (вторая половина XIX в.- февр. 1917 г.): очерк истории. СПб.: [б. и.], 2004. 176 с.
143. Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500-1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
144. Цысь О.П. Организация управления институтами Русской Православной Церкви на Тобольском Севере в XIX – начале XX вв.: очерки истории. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. ун-та, 2017. 272 с.

145. Чуркин М. К. Дискурс имперской инкорпорации Западной Сибири в программных публикациях церковно-приходской печати начала 80-х гг. XIX в. (на материалах "Тобольских епархиальных ведомостей") // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2022. Т. 39. С. 13-19.
146. Чуркин М.К. «Переселенческое дело» во второй половине XIX – начале XX вв. как сфера интеллектуальной рефлексии и коммуникации российской власти и общества досоветского периода // Известия Иркутского государственного университета. Серия: «История». 2021. Т.35. С.6-13.
147. Чуркин М.К. «Плохие и «хорошие» колонисты в дискурсе российских национал-консерваторов (вторая половина XIX века) // Вестник Омского университета. 2018. № 2 (18). С. 118-126.
148. Чуркин М.К. Об особенностях аграрного кризиса в центрально-черноземных губерниях Европейской России и возможных путях его преодоления во второй половине XIX - начале XX вв. // Вестник / Томский гос. пед. ун-т. Сер. «Гуманитарные науки (история, этнология)». 2006. Вып.1. С.29-37.
149. Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 365 с.
150. Чуркин М.К. Переселенцы и старожилы Западной Сибири: природно-географические, социально-психологические, этнопсихологические аспекты взаимоотношений в конце XIX - начале XX вв. Омск: Омский пед. ун-т, 2001. 116 с.
151. Чуркин М.К. Репрезентации идей либерализма в юбилейных корреспонденциях газеты «Русские ведомости» (1863-1913 гг.) // Омский

- научный вестник. Серия: «Человек. Общество. Культура». 2019. Т.4. № 3. С. 11-17.
152. Шайдуров В.Н. О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины Западной Сибири XIX – начала XX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. №2 (21). С. 88–97.
153. Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. 1 / Стат. отд. при Гл. упр. Алт. окр. Барнаул: типо-лит. Гл. упр. Алт. окр., 1900-1903. 26 с.
154. Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 619 с.
155. Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения: В 3-х т. М.: Политиздат, 1986. Т.3. 357 с.
156. Энгельштейн Л. Скопцы и Царство Небесное: скопческий путь к искуплению. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 336 с.
157. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
158. Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин И. От редакторов // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С.5-6.
159. Юрганова И.И. Культурный трансфер православия на окраины империи: газета «Якутские епархиальные ведомости» (1887-1917 гг.) // Народы и религии Евразии. 2021. Т.26. № 4. С.118-130.
160. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб.: Изд-во И.М. Сибирякова, 1891. 308 с.

161. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 555 с.
162. Яковлев-Богучарский В. Я. Очерки из истории русской журналистики XIX в. и из прошлого русского общества. СПб.: Герольд, 1904. 406 с.